В ВОЗДУХЕ—СИЛА И СКОРОСТЬ,
МУЖЕСТВО И МАСТЕРСТВО
Начинаем печатать очерки Александра Сербина
ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ АФРИКА
Борис БУРКОВ:
КЛЮЧИ САН-ФРАНЦИСКО
Павел НИЛИН:
ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ
РУСАЛКИ?
ОГОНЁК
28 ИЮЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

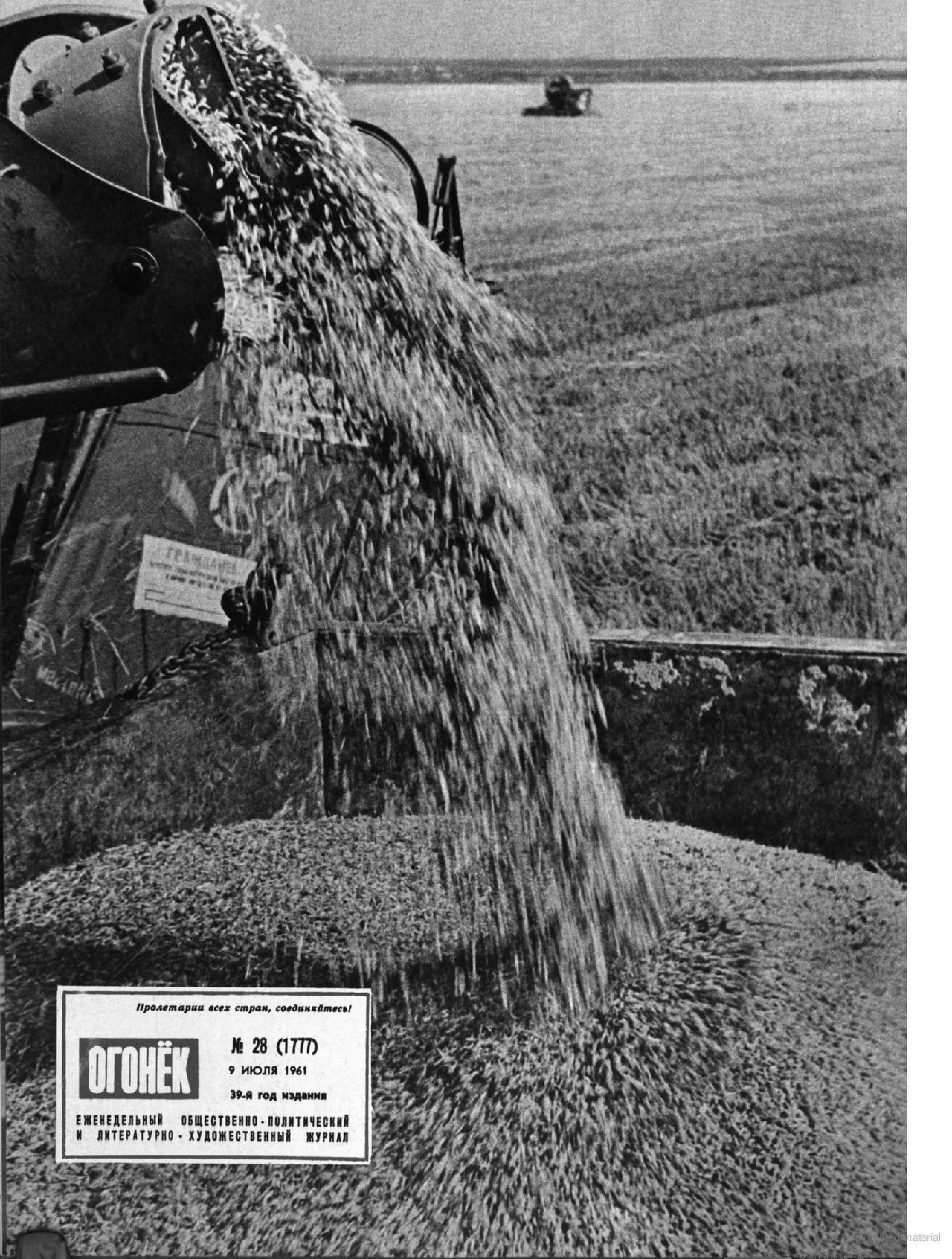

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 28 (1777)
9 ИЮЛЯ 1961
39-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Фото А. Узляна.

ЗДРАВСТВУЙ, ХЛЕБ!

Очень верно сказано: уборка — это битва за хлеб. Как в бою, в страду проверяются люди.

Закончить уборку за десять дней! Эти слова, как призыв к атаке, алеют на листках «молний», они повторяются в плакатах и лозунгах, они в сердцах. Битва за большой хлеб на Дону в разгаре! 140 миллионов пудов обязались дать хлеборобы Дона.

Говорят, в капле росы можно увидеть все поле. Мы расскажем о буднях механизаторов одного совхоза.

...«Газик» выскочил на бугор, резко затормозил.

— Вот здесь Макар Нагульнов поджидал Тимофея Рваного,— сказал Николай Егорович Карачин, секретарь партбюро совхоза «Ново-Батайский». Он показал нам место, где снимались эпизоды «Поднятой целины» на полевом стане, дом Островнова, правление гремяченского колхоза, а у небольшого холмика, покрытого пожухлой, пыльной травой, остановил машину.

— Здесь была могила Давыдова...

В поле сразу же добрые новости и интересные знакомства.

...Введен групповой метод уборки. На загонку выходит два, три, а то и четыре агрегата, в зависимости от размеров массива. Преимущества такого метода очевидны.

...Каждый день битвы за хлеб рождает героев. Секретарь партбюро совхоза торопится к Ивану Петровичу Филю вручить вымпел. Не первый год стоит за штурвалом Иван Петрович. А о том, как работает Филь, говорит орден Ленина, которым он награжден.

...На полевом стане увидели картинку: над листом очередной «молнии» склонились учетчик Иван Зинько, художник Анатолий Сергеев и работник райкома партии Борис Осипов. Механизатор Николай Тупикин дал 33 гектара — это здорово! Нужно об этом рассказать народу!

...Секретарь партбюро узнал, что коммунист Иван Лушкин допустил потери зерна. И вот уже через полчаса Николай Егорович ведет с механизаторами летучее совещание: нужно немедленно принимать меры!

Пошел большой хлеб. Пыль висит над степными проселками. Днем и ночью плывут по полям комбайны и жатки. Время не ждет! Новобатайцы уберут хлеб с семи тысяч гектаров и дадут государству почти десять тысяч тонн зерна. Судя по темпам, которые взяты, труженики совхоза сдержат свое слово. Что ж, это хороший подарок XXII съезду. И, честное слово, Семен Давыдов гордился бы своими земляками!

М. БУБЛИЧЕНКО

Самарский район,
Ростовская область.

Посланцы братской Кореи

29 июня советская столица сердечно встретила партийно-правительственную делегацию Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Председателем ЦК Трудовой партии Кореи, Председателем Кабинета Министров КНДР товарищем Ким Ир Сеном.

Посланцы корейского народа нанесли в Кремле визиты Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

30 июня в Кремле состоялась встреча руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства с партийно-правительственной делегацией КНДР.

Обращаясь с приветствием к корейским друзьям, Н. С. Хрущев сказал: «Народы наших стран объединены тесными узами пролетарской солидарности, великими идеями марксизма-ленинизма. У нас общие интересы и цели в борьбе за мир, за торжество коммунизма».

Н а с н и м к е: товарищ Ким Ир Сен во время визита главе Советского правительства Н. С. Хрущеву.

Фото А. Гостева.

Трудящиеся Монголии отмечают великий национальный праздник — 40-ю годовщину народной революции.

3 июля, в канун славного юбилея, в Улан-Баторе открылся XIV съезд Монгольской народно-революционной партии. На съезд прибыли делегация Коммунистической партии Советского Союза, возглавляемая членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым, а также посланцы других братских партий.

Н а с н и м к е: президиум съезда. На трибуне — первый секретарь ЦК МНРП, председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал.

Фото В. Соболева (ТАСС).
Снимок принят по фототелеграфу.

НА ФИНСКОЙ ОРБИТЕ

...Если бы штурман проложил на карте Финляндии путь, проделанный Юрием Гагариным в этой стране за пять дней его пребывания в гостях у общества «Финляндия — Советский Союз», то получилось бы некое подобие орбиты, опоясавшей с юга на север всю страну. Эта орбита во многом отличалась от прежних полетов и поездок победителя космоса. На «Востоке» он уже пролетал над капиталистическим миром, но в капиталистической стране оказался впервые. Подвиг, совершенный народом Юрия Гагарина и самим космонавтом, столь велик, что и здесь у него и его Родины нашлось множество новых искренних друзей. Он их встречал везде — на улицах и площадях Хельсинки, в рабочем городе Тампере, в древнем Турку и в далекой, северной Лапландии. О некоторых из этих встреч мы и хотим коротко рассказать.

* * *

— Никогда еще у нас,— сказал журналистам начальник полиции города Хяменлинна,— не собиралось в одном месте столько народу, как для встречи Юрия Гагарина. Это рекорд, настоящий рекорд...

Приятно было нам, советским людям, видеть украшенный флагами в честь советского космонавта старинный финский город — родину Юхо Кусти Паасикиви и Яна Сибелиуса. Хяменлинну в Финляндии называют колыбелью авиационного спорта. И не удивительно, что именно здесь к Юрию Гагарину одним из первых подошел рекордсмен страны по планеризму Юхани Харма. Они говорили о воздухе, о полетах, о летательных аппаратах...

— Ну что ж,— заключил беседу Юрий Гагарин,— летайте выше, летайте дальше, а там, глядишь, и полеты в космос станут возможными для аэроклубов. Вот тогда, Юхани, встретимся с вами еще раз, но уже там, на межпланетных дорогах...

* * *

Поезд, который должен был увезти Юрия Гагарина из промышленного сердца Финляндии города Тампере, немного запаздывал. На перроне вокзала, как и всюду, где появлялся советский космонавт, немедленно собралась толпа. Каждый хотел получить автограф. Люди протягивали открытки, блокноты, листки бумаги, железнодорожные билеты. Не беремся утверждать точно, но кто-то подсчитал, что Юрию Гагарину пришлось за этот короткий промежуток времени написать свое имя несколько сотен раз.

Рядом с космонавтом стоял молодой круглолицый парень. Своими широкими плечами он старался оградить Юрия Гагарина от случайных толчков, неизбежных в толпе. Он уже получил автограф, и не только для себя, но и, как он сам стыдливо признался, для своей девушки. Кое-кто недвусмысленно намекал парню, что ему пора бы и отойти в сторону. Но парень не уходил.

Уже подошел поезд. Юрий Алексеевич поднялся на площадку вагона, и тогда парень, наконец, решился. Приблизившись к ступенькам и страшно волнуясь, он тихо спросил космонавта:

— Как вам понравился наш музей Ленина?

И, услышав, что Юрию очень понравились и город, и музей, и забота жителей Тампере о памяти великого Ленина, парень весь просиял. Долго еще стоял он на перроне, провожая влюбленным взором удаляющийся поезд, приветственно, по-гагарински, подняв обе руки.

* * *

Двенадцать тысяч человек со всей Финляндии собрались в городе Кеми на берегу Ботнического залива в день праздника советско-финляндской дружбы. Когда Юрий Гагарин, рассказывая о своем полете, назвал имя Никиты Сергеевича Хрущева, все двенадцать тысяч человек бурно зааплодировали.

Старуха лапландка в ярком сине-красном костюме (этой женщине больше восьмидесяти лет) прошла добрую сотню километров, чтобы побывать на этом празднике, увидеть советского космонавта, услышать не от кого-нибудь, а именно из его уст рассказ о великом подвиге советского народа.

* * *

Тысячи километров поездами, автомашинами и самолетами прошел по «финской орбите» советский космонавт. Десятки тысяч людей встретил он, и десятки тысяч сердец открылись перед ним, советским человеком, умеющим завоевывать космос и строить мир.

Н. ДЕНИСОВ,
С. СМИРНОВ.
Фото П. Барашева.

4 июля в Кремле началось совещание руководителей высших учебных заведений, профессоров, преподавателей, представителей общественных организаций, предприятий, совнархозов. Они обсудили вопросы перестройки работы высших учебных заведений в соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью. Совещание наметило мероприятия по дальнейшему улучшению высшего образования.

На снимке: Президиум совещания. С докладом выступает министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин.

Фото Дм. Бальтерманца.

КОРОЛЕВСКИЙ БАЛЕТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ начал свои гастроли в Большом театре СССР спектаклем «Ундина».

В программе гастролей «Спящая красавица», «Тщетная предосторожность» и несколько одноактных балетов на музыку Верди, Стравинского, Мейербера, Дюка.

Первый спектакль посетили Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, посол Великобритании в СССР сэр Фрэнк К. Робертс, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

После спектакля на сцену пришли поздравить английских артистов ведущие мастера советского балета. На снимке: О. Лепешинская, И. Тихомирнова, Марго Фонтейн и Р. Стручкова

Фото Е. Умнова.

Более двух тысяч крестьян собрались в Кэмпере.

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

ТУЧИ НАД ФРАНЦИЕЙ

Меню дорогих парижских ресторанов круглый год предлагают посетителям молодой картофель и спаржу, артишоки и цветную капусту. Обладатели толстых бумажников, заказывая все эти деликатесы, разумеется, никогда не задумывались о тех, кто растит овощи и привозит на рынки Парижа свежую зелень. Но в последние недели французскую прессу заполнили сообщения о волнениях крестьян, поставляющих овощи в города.

Местом первых крестьянских выступлений был небольшой город Морле в Бретани. 8 июня его улицы оказались запруженными тракторами, повозками, грузовиками. Сотни крестьян, прибывших в город, чтобы выразить недовольство политикой правительства, захватили и несколько часов удерживали здание супрефектуры. В последующие дни крестьянские выступления продолжали расти и распространились на юго-западные и центральные районы Франции. Тракторы, грузовики, повозки перерезали дороги в двух десятках департаментов.

В городе Сен-Назер крестьян поддержали рабочие, и они провели совместный митинг.

В Ламбале (департамент Кот-дю-Нор) полиция пыталась разогнать демонстрантов, пустив в ход гранаты со слезоточивым газом.

В департаменте Изер на помощь полиции были вызваны вертолеты.

Что же заставило французских крестьян покинуть фермы в разгар полевых работ и направить свои плуги и тракторы на городские улицы? Кризис перепроизводства, как писала буржуазная печать? Кризис, но не перепроизводства, а антинародной политики правительства, вызывающей обнищание трудящихся масс, снижение покупательной способности. Падение спроса на продукты приводит к снижению закупочных цен на фрукты и овощи, к разорению крестьян. Согласно планам деголлевского правительства, около 800 тысяч хозяйств должны «естественным образом» исчезнуть. Но то, что является несчастьем для трудящихся, приносит огромные барыши тем, кто скупает у фермеров овощи и втридорога продает их жителям городов.

В то время как крестьяне испытывают все возрастающие трудности со сбытом своей продукции, во Францию ввозятся продовольственные товары из стран «общего рынка», участницей которого является и Франция. Вот почему на плакатах, с которыми собрались на митинг 15 тысяч крестьян в Анжере, было написано: «Общий рынок — катастрофа для нашего сельского хозяйства», «Общий рынок — это мошенничество!»

Год от года труженикам французских полей удается выручать все меньше денег от продажи своих продуктов, а налоги, которые им приходится платить, растут.

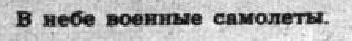
«У меня на ферме 17 гектаров земли. В 1936 году я платил 420 франков налога, или 1 500 килограммов картофеля. В этом году я заплатил 76 тысяч франков, или 7 500 килограммов картофеля. Спрашивается: куда же идут эти деньги?» На этот вопрос, заданный одним крестьянином в беседе с корреспондентом «Юманите», нетрудно ответить.

Война в Алжире, военные базы для западногерманской армии на французской земле, испытание ядерного оружия — все это дорого обходится налогоплательщикам. Но французский народ говорит «Нет!» такой политике. «Нет!» говорят и крестьяне, которые вышли на дороги Франции, чтобы отстоять свое право на жизнь.

Н. КРЫЛОВА

Бретань. Тракторы на улицах Ланьона.

Лорьен. Крестьяне перерезали дорогу в город.


В небе военные самолеты.

В ВОЗДУХЕ СМЕЛЫЕ

Фото Д. Ухтомского.

Мои друзья и товарищи по профессии, летчики и парашютисты!

В успешном полете космического корабля «Восток» вокруг нашей планеты есть и ваш большой труд. Достижения советской авиации и парашютизма в значительной степени облегчили дорогу человека в космос.

Сегодня, в день нашего праздника, я через журнал «Огонек» по-братски поздравляю вас. Желаю счастливых полетов и благополучных приземлений.

Гагарин

От самолетных ангаров хорошо видно зеленое поле Тушинского аэродрома с белым посадочным знаком посередине, разноцветными торговыми палатками по краям, секторами, отведенными для сотен тысяч зрителей. Идет очередная репетиция воздушного парада, посвященного Дню авиации.

— В празднике участвуют парашютисты и летчики на самолетах с самыми различными скоростями полета,— рассказывает командующий парадом Герой Советского Союза маршал авиации Руденко.— От планера до самолетов, скорость которых превышает скорость звука. Это требует очень четкой организации. Время выполнения каждого номера рассчитано до секунды. На параде мы покажем новейшую авиационную технику.

Гудят моторы, и в голубом небе проплывает написанное огромными буквами дорогое для всех советских людей имя — Ленин. Его образует строй из 44 спортивных самолетов. В первом отделении парада демонстрируют свое мастерство воздушные спортсмены ДОСААФа. Планеристы, искусно используя восходящие воздушные потоки, бесшумно парят меж облаками. Маленькие планеры, развив в пикировании скорость, выполняют каскад фигур высшего пилотажа. На планере нет двигателя: спортсмены встречаются с воздушной стихией один на один и покоряют ее своим умением, мужеством и мастерством.

Низко над аэродромом проходит маленький спортивный самолет и, не набирая высоты, выполняет фигуры высшего пилотажа. Это летчик Богородский демонстрирует отличные качества нового спортивного реактивного самолета. Теперь даже спортсмены летают на реактивных самолетах.

К аэродрому подходит колонна вертолетов. Среди них знакомые машины, которые нашли широкое применение на линиях аэрофлота и в народном хозяйстве страны. Но вот на поле опускается необычный летательный аппарат. Он похож на большой самолет, но на его крыльях вращаются такие же винты, как и у вертолетов. Это винтокрыл. Он сочетает в себе достоинства самолета и способность вертолета зависать в воздухе, взлетать и садиться с очень ограниченных площадок.

Гигантский вертолет «МИ-6» опускается на аэродром. В его фюзеляже открываются широкие ворота, оттуда выезжает автомашина.

Вертолет улетает, и в воздухе появляется колонна военно-транспортных самолетов. Это воздушно-десантные войска, крылатая пехота. Самолеты проходят над аэродромом, и кажется, что с неба сыплются огромные цветы — разноцветные купола парашютов. Опускаясь, они превращают летное поле в яркий ковер.

...Реактивный истребитель красного цвета проносится низко над аэродромом и, круто задрав нос, устремляется ввысь, к далекому облаку. На мгновение скрывшись из глаз, он снова появляется, уже гораздо выше, блестя в лучах солнца едва заметной точкой.

Оставляя за собой, словно серпантин, ленты цветного дыма, он горящей звездой низвергается к земле и снова взмывает в небо.

Военные летчики показывают групповой пилотаж. Пятерка реактивных истребителей, будто связанных друг с другом невидимыми, но прочными нитями, выполняет сложные фигуры.

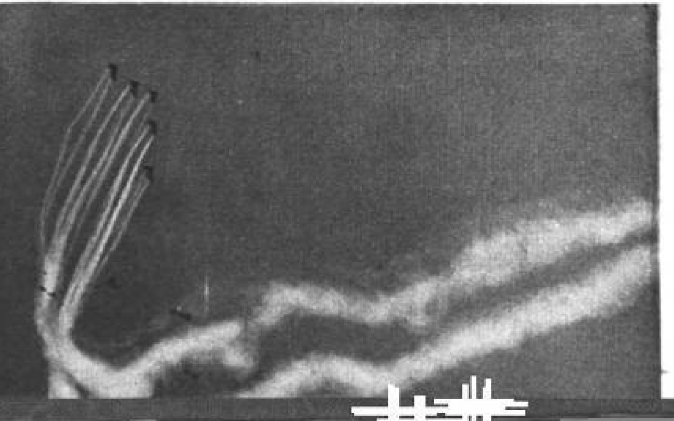
Звено за звеном проходят огромные турбовинтовые самолеты — ракетоносцы. У каждого из них под фюзеляжем виднеется длинное, заостренное тело грозной ракеты.

Авиационный праздник завершают новые группы самолетов. Глядя на них, думаешь о том, что самолет в своем развитии все более и более становится похожим на ракету. Узкие, длинные, с заостренным, как у ракеты, носом и косо отброшенными назад крыльями, они воплощают стремительную и грозную мощь.

Еще более похожи на ракету истребители с тонким фюзеляжем и маленьким треугольным крылом. Они проносятся над аэродромом, оставляя за собой рев двигателей и разноцветные струйки дыма. Последним появился совсем необычный истребитель: из его хвоста вырывается длинная огненная струя. Он вертикально устремляется ввысь, и через мгновение в бездонной голубизне виден только трепещущий кусок пламени. А через секунду и он исчезает из глаз, точно растаяв в воздухе.

А. ГОЛИКОВ

Винтокрыл над аэродромом.


Групповой пилотаж реактивных истребителей.

Командующий парадом Герой Советского Союза маршал авиации С. И. Руденко.

ПАМЯТИ АУЭЗОВА

Ушел из жизни Мухтар Ауэзов — человек редкостного дарования и огромной культуры, мудрый сын казахского народа и верный друг русской литературы.

Для нас, казахов, Мухтар, как в свое время Абай, открыл волшебный мир страстей и борений, высоких представлений о прекрасном. Ауэзов черпал вдохновение из жизни народа, но оно неизменно сопровождалось творческим усвоением передовых традиций мировой литературы и прежде всего литературы русской.

Чрезвычайно интересна, сложна и счастлива судьба писателя, свидетеля трех общественных формаций в казахской степи — феодализма, капитализма и социализма. Сын кочевника, мечтавшего сделать из него муллу, Мухтар Ауэзов стал всемирно известным писателем, создателем четырехтомной эпопеи «Абай» и «Путь Абая». Жизненный путь Мухтара Ауэзова является собой яркий пример развития человеческой личности при социализме.

Но пример этот говорит и о том, что только труд, труд систематический, упорный и самоотверженный, способен принести человеку славу.

Мухтар Ауэзов трудился самозабвенно. Он работал и в вагоне поезда и в самолете: изучал книги своих товарищей из братских республик, правил рукописи молодых ученых, делал зарисовки...

Последний раз я ездил вместе с Мухтаром Омархановичем в апреле этого года по районам Южного Казахстана, и надо было видеть, как 64-летний писатель каждый день вставал на заре и первым встречал восход солнца. Наблюдая за Мухтаром, бродящим по вечерам в окрестностях районного центра или колхозного аула, вспоминая его беседы с людьми самых различных профессий и возрастов, я нередко представлял себе великого Абая, всевидящего и всепонимающего, устремленного в грядущее.

Казахское изречение гласит: «Тленен только тот, кто не имеет наследников». Богатое и разнообразное литературное наследие Ауэзова, его научная и общественная деятельность нетленны.

Жаль, бесконечно жаль, что этот поистине народный писатель ушел из наших рядов, не успев завершить первую книгу широко задуманной четырехтомной эпопеи о нашей современности.

Такен АЛИМКУЛОВ

Разговор с поколением

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ 1961 МОСКВА

Сергей ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР, кинорежиссер

Тридцать шесть международных кинофестивалей должно состояться в 1961 году в разных странах мира.

Цифра поистине астрономическая, особенно когда дело касается фестиваля — праздника, по самому своему характеру претендующего на всемирное значение.

Правда, знакомство с некоторыми кинофестивалями, уже состоявшимися в минувшем году, показывает, что в это понятие может быть вложено порою самое различное содержание.

Иной фестиваль не подымается выше уровня деловых встреч кинодельцов, бизнесменов, либо небольшой ярмарки для купли и продажи кинофильмов и более или менее ограниченного «парада звезд».

Между тем крупнейшие фестивали представляют собой смотр мирового кинематографа, смотр перед лицом зрителя, перед лицом критики, наконец, перед лицом самих кинороаботников, для которых такие встречи всегда серьезный экзамен на зрелость.

Московский фестиваль самый молодой. Он собирается только второй раз. Его традиции лишь складываются. Но уже очевидно, что наиболее примечательной чертой Московского кинофестиваля выступает его народность. Недаром он собирается не в каком-либо изящном курортном местечке, а в огромном городе, столице крупнейшей страны, охваченной пафосом великой коммунистической стройки.

Таким образом, Москва и сами москвичи со своими разнообразными интересами, со всем установившимся ритмом их трудовой жизни как бы становятся главными участниками фестиваля и определяют весь его характер.

Нашим зрителям в нынешнем году предстоит повстречаться со многими и многими новыми произведениями мирового кинематографа. Среди них есть произведения маститых мастеров, равно как и произведения дебютантов, впервые выступающих в киноискусстве.

Те пятьдесят с лишним стран, которые изъявили желание участвовать в Московском кинофестивале, включают много молодых и даже совсем юных кинематографий. Они только еще ищут и начинают свои творческие пути. Кстати сказать, быть может, именно они, их картины будут представлять для нас наибольший интерес.

Ведь нельзя считать случайным то обстоятельство, что значительные премии на Московском фестивале 1959 года получили такие молодые кинематографии, как пакистанская, монгольская, корейская... И в этом году мы вправе ждать столь же приятных сюрпризов от молодых кинематографий, от молодых писателей и режиссеров, чьи имена впервые прозвучат для членов жюри, впервые услышит международная критика...

Пожалуй, наиболее интересной и важной встречей, которая теперь становится уже традицией всех крупнейших фестивалей, должна стать встреча самих киноработников на так называемой вольной трибуне.

Здесь предполагается вполне свободный, вполне откровенный разговор по наиболее важным проблемам киноискусства современности. Это будет творческий разговор между людьми, которые создают фильмы.

Опыт предыдущих встреч показывает, что такие разговоры никогда не проходят бесследно. Они обычно дают пищу уму и воображению на многие месяцы и даже годы. Более того, темы, проблемы этих разговоров часто возвращаются на кинофестивали в виде новых произведений, отмеченных стремлением ответить на насущные интересы своего времени или хотя бы приблизиться к ним.

Иногда на этих дискуссиях зарождаются новые замыслы, либо же рассыпаются в прах, казалось бы, уже выношенные художником представления и образы... И пусть это произойдет не сию минуту, а когда-то потом, позже, но зерно раздумья будет заронено в душу. А у художника уж такая натура, что зерно это неизбежно даст ростки и будет искать выхода — искать средств и форм для воплощения в искусстве.

Киноработникам есть о чем поговорить в 1961 году. Есть о чем поспорить. Многие зарубежные картины, какие нам привелось посмотреть за последние месяцы, отмечены мрачным скепсисом. Тем скепсисом, который способен породить в искусстве, в сердце зрителя лишь горечь и пустоту.

Мы видели и иные картины. Зритель приглашается в них к бездумному прожиганию жизни. В общем, они созданы под тем же пессимистическим знаком неверия в счастливое будущее человечества.

Одни из этих картин откровенно спекулятивны, другие пытаются как-то разобраться во всех многосложных обстоятельствах жизни сегодняшнего человека. Но и те и другие уходят от прямого и необходимого разговора о поколении, разговора с поколением, которому предстоит отстоять мир от трагедии новой войны и сделать активный шаг в сторону творческого содружества народов.

Правда, мы знаем и такие картины, которые в разных странах мира выступают с позиций здравого смысла, твердой веры в человека. Поэтому мы и не сомневаемся в том, что на Московском фестивале они представят большинство...

Конечно, помимо главнейших, решающих различий между этими двумя направлениями мировой кинематографии, есть еще множество иных различий. Такие различия неминуемо рождаются при поисках нового языка и новой выразительности, соответствующих масштабам да и всему характеру нового века.

Есть непрекращающаяся, а может быть, даже нарастающая борьба между реализмом и антиреализмом в изображении мира. Есть, наконец, стремление к совместному творчеству между самыми, казалось бы, различными нациями, самыми различными кинематографиями. Это тоже одна из значительных черт времени. Она как нельзя ярче выражает желание народов глубоко, сердечно понять друг друга и сотрудничать во имя лучшего устройства мира на земле...

Короче говоря, множество жгучих вопросов и проблем поднимается вокруг предстоящей встречи. Не удивительно, что она представляет насущнейший интерес не только для нас, работников кино.

Москва очень деятельно готовилась к широкому смотру мировой кинематографии. Готовились киноработники, готовились и зрители, для которых киноискусство всегда остается самым доступным, самым близким и самым непосредственным отражением многосложной человеческой жизни.

Готовился наш зритель и к встрече со своими любимыми героями: они предстанут перед ним и на экране и перед экраном. А такие задушевные встречи — это немалый праздник!

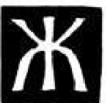
Если признаться откровенно, скажу: что для зрителей праздник, то для членов жюри большая и напряженная, даже тяжелая работа. Ведь нам придется просмотреть несколько десятков больших художественных картин и столько же документальных! И не просто просмотреть. Каждую из них нужно будет обдумать, обсудить. О многих картинах, наверное, придется поспорить, стремясь к максимально объективной их оценке.

Но как бы ни была трудна такая работа, она, бесспорно, очень интересна! К тому же она представляет важнейшую сторону, точнее, содержание самого фестиваля, ибо фестиваль — это не только смотр, но и всегда соревнование, своеобразный турнир лучших сил кинематографии. И мы будем только рады, если нам, членам жюри, представится возможность выбирать по признаку борьбы наилучшего с лучшим!

На 14-м Каннском кинофестивале Юлии Солнцевой, постановщику фильма по сценарию А. Довженко «Повесть пламенных лет», вручена премия.

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

В большом походе



Живое чувство времени трудно ощутить в тиши кабинетов и мастерских. Особенно ясно стало это нам после поездки театра по Целинному краю.

Мы приехали на целину в дни завершения сева. По дорогам, обгоняя наш автобус, мчались грузовики с зерном, бензовозы, кинопередвижки... Необозримые просторы поделены на громадные черно-зеленые квадраты; дружно всходят озимые. И повсюду — непременные разговоры о будущем урожае с каждым встречным, с каждым попутчиком. Удивительное ощущение широты, жизни, бьющей через край...

Перемены на целине громадные! Это понимали, чувствовали даже те, кто приехал сюда впервые и знал целину только по газетам и кинофильмам. И уж, разумеется, отлично видели эти перемены люди, которых мы называли целинными ветеранами: артисты Борис Горбатов, Константин Мякишев, Борис Попов...

Романтика палаток, передвижных вагончиков, бараков — все это на целине невозвратно уходит в прошлое. На смену идет новая романтика — романтика невиданных городов, удивительных людей, небывалого размаха трудовых свершений.

Мы остановились в городе Рудном. Отсюда и ездили на автобусах выступать в окрестных совхозах. Рудный — совсем молодой город, четырехлетка, а между тем он может похвастаться тремя большими книжными магазинами, двумя кинотеатрами, Домом культуры и девятью клубами. Кругом простирается степь, а Рудный уже утопает в зелени. Он один из первых начал соревноваться с другими городами за звание коммунистического города. И действительно, это город будущего. Там все необычно: леса вокруг не возведенных еще зданий как-то удивительно хорошо сочетаются с цветущими яблонями и стройными молодыми топольками...

Мы выступали в Рудном в университете культуры. Этот университет создан для мастеров коммунистического труда: все слушатели трудятся на предприятиях, завоевавших звание коммунистических.

Однажды актриса нашего театра Муза Седова шла по пустырю; ребятишки копали в земле ямки. Актриса полюбовалась на озабоченные детские лица и пошла дальше. «Куда вы! Стойте!» — испуганно, взволнованно окликнули ее вдруг несколько ребячьих голосов. Седова удивилась: она шла по тропинке, протоптанной между бугров щебня. «Здесь же наши клумбы! А там, дальше,— липовая аллея»,— объяснили ребята... В их воображении пустырь уже был цветущим садом! Они не умели и не хотели отделять мечту от реальности. Может быть, потому, что они дети; может быть, потому, что они дети целинников и сами целинники...

В один из ярких солнечных дней наша бригада выступала в Рудном перед рабочими Соколово-Сарбайского рудника. Мы показали отрывок из «Тихого Дона», сцену из «Калиновой рощи».

Закончился концерт сюрпризом, неожиданным и для нас, исполнителей, и для зрителей. Артист вокально-драматического состава нашего театра Олег Дидов спел песню Э. Колмановского «Я люблю тебя, жизнь» с новым куплетом, который был сочинен тут же, на целине, Борисом Поповым. Это строки о любви к замечательному городу, городу юности и мечты, городу простых и необыкновенных тружеников:

Целина, целина —
Гордость наша и наша забота!
Помнишь ты имена,
Кто к тебе приезжал и работал?..
Эй, артист, не робей
И последуй благому примеру!
Сил своих не жалей,
Будь всегда и везде пионером!..

Как же обрадовались все этому экспромту — сердечному, искреннему!.. Все почувствовали себя давними друзьями, родными людьми, а это дорогого стоит...

На целине мы заново почти осязаемо ощутили силу и власть искусства, неодолимую тягу народа к искусству, нужность и важность своей профессии. В далеких совхозах зрители не хотели расходиться после концертов, продолжавшихся по два с половиной часа. Многие являлись в рабочей одежде, с запыленными лицами. В клуб приезжали прямо с полевых станов, усталые, но всегда просили нас играть еще и еще. И мы, исполненные восхищения, уважения к своим зрителям, играли...

«Уже сейчас в облике передовых людей нашей страны видны черты человека коммунистического завтра,— говорит Н. С. Хрущев.— Эти черты все более проявляются и раскрываются в их мировоззрении, в повседневной трудовой и общественной жизни, в быту».

Вот именно это великолепное, раскрывающееся в человеческом облике завтра и открылось нам как нельзя более ярко в Целинном крае. Нам открылась душа народа — прекрасная и светлая.

Обсуждая еще в Москве, перед поездкой, репертуар наших будущих выступлений, мы сомневались: стоит ли везти на целину классические вещи? Но когда в битком набитом клубе мы играли сцены из «Живого трупа» Л. Н. Толстого, нас всех охватывало незнакомое еще, совершенно удивительное ощущение: казалось, в зале совсем нет людей — такая пронзительная стояла тишина, словно никто и не дышал даже!

Подлинное искусство всегда понятно, и близко, и нужно народу.

В Москве, изо дня в день играя при переполненном зале, мы все-таки иногда теряем ощущение удивительно выросшей потребности народа в подлинном, большом искусстве. Мы как-то перестаем вдруг чувствовать постоянную, каждодневную жажду искусства у людей труда. Мы подчас спорим о «физиках» и «лириках», выискиваем всяческие аргументы для доказательства той простой истины, что искусство не умрет и в космическом веке... Зато при соприкосновении с «далекой», казалось бы, от искусства публикой начинаешь со всей отчетливостью видеть, ощущать, как много надуманного, поверхностного, просто никчемного в таких спорах, какие пласты неистребимой любви к искусству таятся в народе!

И понимание этой истины окрыляет художников...

С первых дней революции Малый театр всемерно способствует сближению народа и искусства. Это уже стало традицией. Но какие разные формы принимала на протяжении времени работа театра!

В 1934 году по инициативе Центрального Комитета партии в селе Земетчино был создан колхозно-совхозный филиал Малого театра. Часть труппы во главе с режиссером Иваном Степановичем Платоном обосновалась в селе в специально отстроенном здании. Вечером здесь можно было увидеть крестьянок в киках, повойниках, лаптях. Съезжались они на подводах из самых дальних деревень. Артисты знакомились с ними и устраивали кружки самодеятельности в окрестных селах. Бывало в то время и так, что приходилось еще встречаться с невежеством, неграмотностью, но были способные люди! Им помогали учиться, знакомили с русской и западной литературой, приучали к правильной речи.

Кажется, это было совсем недавно. А между тем как поразительно изменилась культура деревни! Изменилось самое отношение к культуре. Обычные формы шефской работы — выезды с концертами, приглашение в Москву на спектакли театра, помощь кружкам самодеятельности — теперь уже далеко не удовлетворяют жителей села... В нашем подшефном Красногорском районе, Московской области, в селе Спас, некоторое время существовал драматический кружок. Когда-то в нем насчитывалось лишь шестеро участников. И все усилия заведующего клубом, старавшегося вовлечь в кружок новых людей, оставались безуспешными. А ведь в селе, в районном центре, расположенном неподалеку, было много молодежи. Эта молодежь нынче ездит после работы в Москву на лекции университетов культуры, на занятия в вечерние институты. Это грамотные, разносторонние, творческие люди. И когда на здании клуба появилось объявление об организации народной театральной студии, преподавателями которой будут артисты Малого театра и педагоги Театрального училища имени Щепкина, от желающих не было отбоя. В первые же дни поступило 250 заявлений о приеме! Ничего не поделаешь, пришлось устроить конкурсные экзамены.

В студии, которая недавно отпраздновала свой годичный юбилей, теперь идут занятия по специально составленной программе. Сюда входят техника речи, мастерство актера, искусство танца, грима... Много времени отдают студии педагоги Щепкинского училища доцент И. В. Полонская и актриса В. В. Темкина.

Недавно студийцы показали в стенах Щепкинского училища свои работы: сцены из «Разлома», «Любови Яровой», «Тихого Дона»... Чудесные работы!

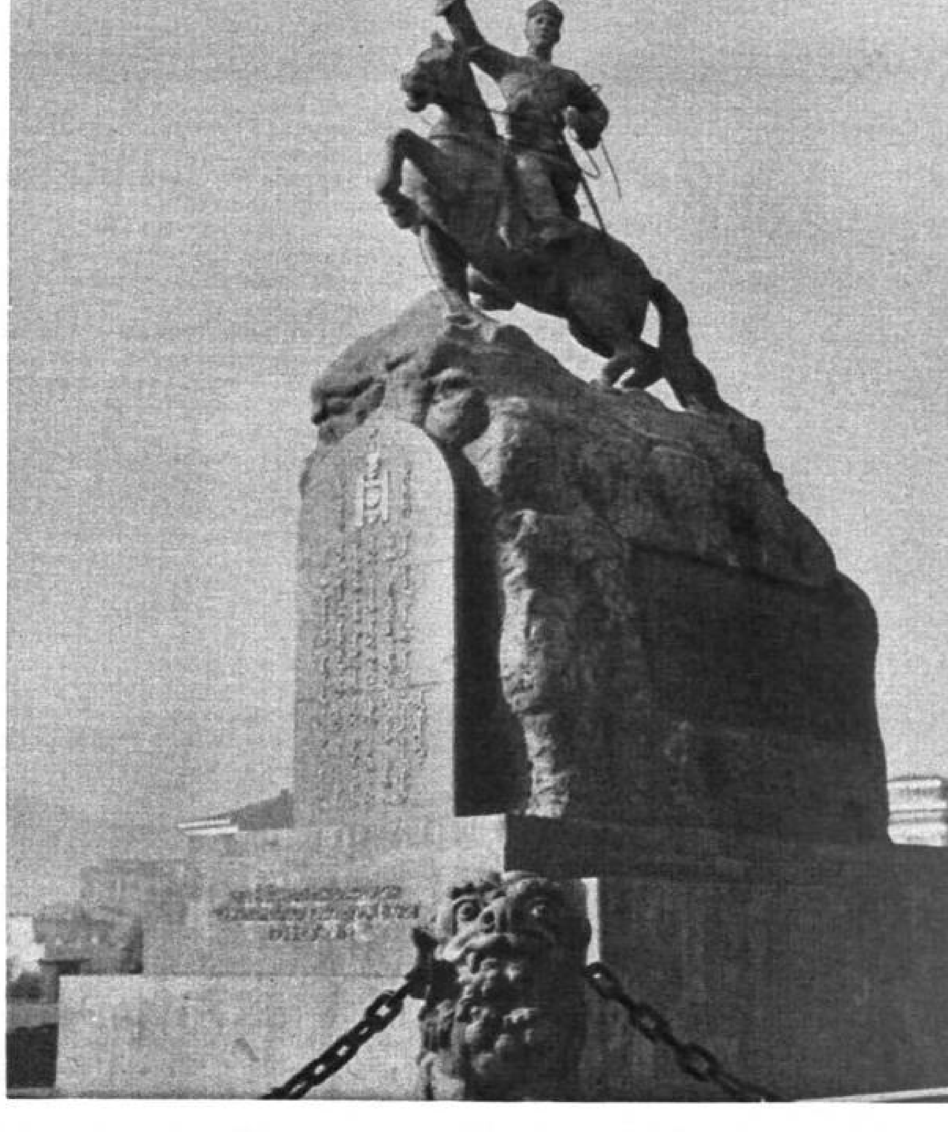
И теперь в Спасе будет уже не студия, а Народный театр! Участники самодеятельности, окончившие студию, сами станут руководителями сельской художественной самодеятельности.

...Вот таковы наши дела перед XXII съездом партии; таковы наши думы, наши начинания.

А какие новые замечательные сдвиги несет нам наше время — время горения и энтузиазма!

В Целинном крае. Артистка Малого театра Людмила Пирогова беседует с целинниками.
Фото А. Байгушева.

ПЕСНЯ В ПУТИ



Памятник Сухэ-Батору в Улан-Баторе.

Вл. КРУПИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Ну вот и остались позади монгольские степи... Позади тысячеверстные дороги, задушевные встречи и протяжные песни, которыми коротали время в пути мои попутчики. И хотя эти песни я слыхал впервые, каждый напев мне казался знакомым, а слова — понятными без перевода.

Судьба табунщика

Поезд спешит на север. Поезд наш не простой — тяжеловесный состав. И груз у него необычный — целинный хлеб. И ведет состав сам Ойдавням — тот, кто провел 74 тяжеловесных поезда и перевез 24 тысячи тонн груза сверх нормы и стал недавно Героем Труда. У знаменитого машиниста широкая белозубая улыбка, озорные глаза и всего двадцать два года за плечами. И еще — десять сестер и братьев. Один — тоже на железной дороге, помощником машиниста, другой — фельдшером в худоне (в селе), двое — трактористами в госхозе, пятый учится в медицинском техникуме, а сестренка — в кооперативном, еще одна сестра стала швеей. Остальные за школьной партой сидят. Обыкновенная монгольская семья. Дети арата, не знавшего грамоты. Но не о такой ли судьбе для своих детей мечтали араты четыре десятилетия назад, когда брали в руки оружие, чтобы опрокинуть феодализм?

Я думаю об этом, сидя в кабине тепловоза рядом с Ойдавнямом. Мы больше молчим, потому что голоса все равно тонут в неумолчном грохоте несущейся вперед махины. Но вдруг уже привыкшее к этому шуму и полуоглохшее ухо улавливает какой-то иной, неметаллический, живой звук.

Это поет Ойдавням. О чем?

Быть может, о табунщике из Гоби, что выехал однажды на старую караванную тропу. Не привычных верблюдов и яков увидел он перед собой, а стального коня, тянущего целый караван необычных повозок. Подстегнул табунщик своего вороного: «Эгей, берегись, догоню!» Не догнал. Только и увидел, как насмешливо подмигнул ему красным глазом кто-то в хвосте каравана. Обидно стало. «Погоди же!» — подумал табунщик и поехал в большой город. Учиться! Скоро он стал машинистом. Но однажды, когда он вел поезд, его нагнала тень гигантской птицы, нагнала и стремительно пронеслась дальше. «Погоди же!» — подумал машинист. И снова взялся за учебу. Вон он летит, видишь? Далека и просторна его голубая дорога...

Быть может, и не так все было. Только когда гражданской авиации потребовались хорошие пилоты, Сенгедорж, один из первых пяти монгольских тепловозных машинистов, пошел туда.

— Вот кто меня сменит,— сказал он и кивнул на своего помощника Ойдавняма.

Что ж, сокол может спокойно покидать гнездо, когда знает, что у его птенцов выросли крепкие крылья...

Да, а ведь хлеб-то, что везем мы сегодня, и в самом деле необычный! Не сибирский, не казахский — свой, монгольский, целинный хлеб.

Целинных дел мастера

Всего два года назад составы с зерном и мукой шли по той же дороге с севера, из Советского Союза.

Много ли хлеба нужно Монголии, стране с миллионным населением? Конечно, нет, рассуждали некоторые экономисты. Не лучше ли купить его у друзей и бросить все силы на развитие традиционной отрасли хозяйства — скотоводства? Ведь земледелие — занятие хлопотное. Одно дело — поднимать целину в Советском Союзе. Там тысячелетний опыт полеводства, там армия хлеборобов — агрономов, трактористов, комбайнеров, организаторов сельского хозяйства, там, наконец, мощная современная техника.

Все это должно быть и у нас! Так решил Пленум ЦК Монгольской народно-революционной партии в марте 1959 года. Земледелие — это не только хлеб собственного производства. Это рычаг для подъема животноводства, средство укрепления кормовой базы. Это новые профессии, новые люди, новые отношения в худоне. Оно даст толчок развитию мукомольной, пищевой, перерабатывающей промышленности.

На призыв партии — освоить в течение трех лет 300 тысяч гектаров целинных земель и тем самым обеспечить потребность страны в хлебе — откликнулись тысячи горячих сердец.

Двадцать третьего марта на станцию Дархан прибыл первый отряд добровольцев из Улан-Батора — молодые рабочие, вчерашние школьники, артисты цирка... Были среди них и два брата Ойдавняма. Из Советского Союза приехали специалисты. Не одни — вместе с первоклассной техникой, тракторами, комбайнами, сеялками новейших марок.

— Кто же поведет эти машины? — спросил один из добровольцев у тракториста Виктора Петренко.

— Вы! — уверенно ответил тот.

— А если неисправность? Чинить кто будет?

— Вы! — улыбнулся Петренко.— Не робейте! Научим!

И вот сто тридцать пар глаз внимательно глядят на немолодого, усталого, преждевременно поседевшего человека. Говорят, он воевал на Халхин-Голе, когда многих сидящих здесь парней и девушек еще не было на свете. Что он скажет им, будущим комбайнерам, бригадирам, слесарям, токарям, ремонтникам, в первый день занятий?

— «Дархан» — так называется организуемый здесь госхоз. По-русски «дархан» означает «мастер». Хорошее название. И нам, советским специалистам, очень хочется, чтобы все вы стали настоящими мастерами. Целинных дел мастерами! Спрашивайте, переспрашивайте, не стесняйтесь. Все, что знаем, что можем,— ваше!

А сегодня последнего советского специалиста уже провожают домой. На плодородных землях создано мощное социалистическое хозяйство. Оно до зубов вооружено современной сельскохозяйственной техникой. Что касается кадров, то теперь есть кому взяться за руль: подготовлены механизаторы и организаторы производства. Каждый из 23 тысяч гектаров целины, поднятой в «Дархане», дал по 130—150 пудов отборного зерна.

Шестнадцать миллионов пудов хлеба собрано в прошлом году на полях МНР. По 16 пудов на душу населения!

Отличные цифры. На этом бы и закончить рассказ о монгольских целинниках. Но как не заглянуть вместе с ними в завтрашний день хозяйства!

— Опыт СССР подсказал нам: осваивать целину надо комплексно и делать это с первых же шагов,— сказал мой собеседник, агроном Министерства сельского

Вот он, целинный хлеб «Дархана».

Депутат Великого Народного Хурала Мандах — зачинатель движения бригад социалистического труда в республике.

хозяйства.— Попадете в «Дархан», поинтересуйтесь, что у них затевается.

Директор госхоза Бадарчин и агроном Бадамцэрэн познакомили меня с некоторыми наметками.

— Как будет складываться хозяйство дальше? Тысячу гектаров уже в нынешнем году отводим под просо. Закладываем три гектара сада — яблоню, крыжовник. Создано три специальных звена. По уходу за кукурузой, за бахчевыми, за картофелем и овощами. Будет у нас и кумыс, и молоко, и мясо. Поголовье овец доводим до двенадцати тысяч, птицы — до десяти, крупного рогатого скота — до трех. Иначе нельзя. Надо думать о будущем. В этих местах найдены большие залежи руды, угля, сырья для цементной промышленности. Значит, именно нашему госхозу придется снабжать продуктами Дарханский промышленный район.

О будущем — вот о чем говорят цифры и план развития госхоза.

По-социалистически!

А о чем может рассказать старая, рваная, отслужившая свой век войлочная кошма? О прошлом? Не только!

Давно ли валялась она в углу обветшавшей, дырявой юрты, а на ней медленно умирал отец Гончига, неграмотный огородник? Кажется, давно. А ведь и трех лет не прошло, как Гончиг с полуслепой матерью продал свою юрту и отправился счастья искать. Добрались до Улан-Батора. Приютились вначале в старом амбаре. На рассвете Гончига разбудил резкий паровозный гудок. Туда, на гудок, он и отправился. В депо его взяли учеником слесаря. Скромный, старательный, упорный парнишка быстро освоил слесарное дело. Молодому рабочему дали небольшую квартиру в новом доме. Старая Хорлоо как следует почистила кошму, к которой так привыкла за многие годы, и положила ее в углу прихожей. Гончиг промолчал.

Хорлоо не могла нарадоваться на своего сына: придет с работы — поет, уходит — тоже поет,— и сама повеселела. Дом наполнился звонкими, молодыми голосами товарищей Гончига. Они шумно спорили, пели, приносили книги. Часто, проснувшись глубокой ночью, Хорлоо различала светлое пятно лампочки перед глазами и слышала, как шелестит сын бумагой да скрипит пером. И все больше Хорлоо слышала не очень понятные ей слова: «Работать, учиться и жить по-социалистически!»

С чего это началось?

Кажется, с того утра, когда к ним прибежал бригадир Гончига, инженер Мандах, а с ним еще двое ребят. Они все читали по-русски газету, пришедшую из Москвы. А потом вдруг примолкли.

— Ну, и что сказали в профкоме? — раздался в тишине голос сына.

— Что у нас в Монголии условия для движения ударников социалистического труда еще не созрели. Я всю ночь не спал, все обдумал, надеялся, поймет. Нет, говорит, рисковать не станем. Да и что мы сможем? Мы ведь капля в море. Но разве не из капель состоит море? — говорил Мандах.

— Надо пойти в партбюро и прямо все сказать товарищу Дагшиду...

При этих словах Хорлоо забеспокоилась, а вечером как бы невзначай спросила у сына:

— Сегодня бригадир ваш собирался куда-то...

— К Дагшиду? Был он у него. А что?

Хорлоо молчала, пока сын не сказал все сам.

— В общем, одобрил он. Хорошее дело, говорит. Будет митинг в депо, тогда Мандах и объявит, что мы хотим бороться за звание бригады соцтруда. Если народ поддержит, захлопают в ладоши, то и партбюро утвердит. Да тебе, наверное, неинтересно это, мама?

Хорлоо опять промолчала. Но дня того она ждала с нетерпением.

Сын пришел с митинга торжественный и притихший.

— Вот,— сказал он,— я дал обещание работать, учиться и жить по-социалистически.

«По-социалистически, — размышляла старуха,— наверно, это значит по-новому. Что ж, пусть живет по-новому. Вот и я живу по-новому, в доме, а не в юрте. Разве мне плохо?»

Она не знала, какая буря пронеслась над депо, где работал ее сын. Буря страстей, противоречий. Однажды утром, придя в красный уголок бригады, первой в Монголии бригады социалистического труда, Мандах не поверил глазам своим. Двери были сломаны, стенды с обязательствами исковерканы, газеты и фото изорваны.

Секретарь партбюро молча осмотрел разоренную злобной рукой комнату и вдруг спросил у молодого инженера:

— А что ты хочешь? Революция в сознании людей совершается не сразу, она идет медленно, трудно, болезненно. Но все-таки идет!

В самый критический момент на помощь подоспела партия. В начале марта 1959 года в депо приехали члены Политбюро ЦК МНРП. Первый секретарь ЦК товарищ Цеденбал пришел в бригаду.

— Не вешайте головы, товарищи,— ободрял он молодежь.— Борьба нового со старым всегда сопровождается трудностями. Боритесь и побеждайте! За вами будущее.

Что было дальше? Всего не расскажешь. Движение за социалистический труд разнесли сначала по железной дороге тепловозники, его подхватили шоферы, потом строители, шахтеры, нефтяники и, наконец, доярки сельскохозяйственного объединения «Худулмор».

Инженер Мандах по-прежнему заходит в гости к Гончигу, хотя в бригаде больше не работает. Старой Хорлоо приятно, что ее сын, простой слесарь, дружит с Героем Труда, заместителем Председателя Президиума Великого Народного Хурала.

Правда, и сам Гончиг кое-чего добился. Он теперь почетный железнодорожник МНР. За год одолел два класса. И по-прежнему читает по ночам. Только вот почему-то не женится. Наверное, некогда.

А кошма лежит теперь в чулане. Хотел ее Гончиг выбросить, но мать остановила:

— Не надо, сынок. Она напоминает о том, как мы жили раньше...

Сорок лет назад, в марте 1921 года, в Монголии была создана народно-революционная партия. А в июле того же года народ опрокинул власть лам и ноёнов. В октябре в Москву к Ленину прибыла делегация во главе с Сухэ-Батором.

Сорок лет... Много воды утекло за эти годы в Керулене. Много перемен произошло на древней земле. Это знают, об этом рассказывают те, на чьих глазах росли шахты и нефтепромыслы, строились новые города и железные дороги республики. Я этого не видел, мне трудно сравнивать. Но, если меня спросят, что нового в худоне, какие перемены в городе, я отвечу без колебаний: нового много, перемены на каждом шагу.

МАЛЕНЬКИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Адриан фан Остаде родился в 1610 году. Отец его был ткачом, а Адриан стал художником.

Голландия была влюблена в картины, как в тюльпаны, и хотя суровые протестантские церкви изгнали живопись из-под своих сводов, она переселилась в жилища буржуа и крестьян, в гостиницы и харчевни, даже в мастерские ремесленников... Маленькими веселыми картинками были сплошь завешаны стены.

Картинки эти писали художники — маленькие голландцы. Так их называли в противоположность великому Рембрандту и могучему Хальсу. Но маленькие голландцы были большими художниками. Они сбросили розовые очки и, перестав смотреть на выдуманные небеса, смело взглянули на невыдуманную землю. И жизнь вошла в их живопись, неприбранная, веселая и печальная, в неторопливом течении дней, с тысячью маленьких забот и миллионом деталей — ничтожных, но бесконечно милых сердцу человека. В соседней Фландрии Рубенс еще продолжал писать Амуров и Венер, но Амуры у него превратились в проказливых, живых мальчишек, а Венеры — в раскормленных фламандок. Так разными путями в живопись врывалась жизнь.

Маленькие голландцы не поднимались к солнцу, как Рубенс: они бродили по земле и обо всем, что видели, рассказывали людям.

Таким был и Адриан фан Остаде — ученик великого Хальса.

Ему было 50 лет, когда он написал картину «Флейтист»: крестьянин склонился над нотной тетрадью и играет на флейте. Он играет так же, как пашет землю, как строит дом,— добросовестно и старательно. Грубые и тяжелые руки выдают неутомимого труженика.

Неутомимым тружеником был Остаде. За свою жизнь он написал около тысячи картин, создал 50 офортов и много сотен рисунков. Он добросовестно изучил мастерство живописца. Рисовал людей так смело, обобщенно и монументально, компоновал работы так точно и ясно, что его маленькие картинки можно превратить в огромные фрески. Знатоки любуются золотисто-зеленым колоритом и острым лаконичным рисунком; люди неискушенные разглядывают десятки забавных деталей на его картинах и весело смеются. Еще бы! До него, изображая аллегорию «Пяти чувств», художники переодевали в разные одежды все тех же гипсовых Венер и Аполлонов, а этот голландец пишет старуху, ищущую насекомых в голове мальчишки, и называет свою картину «Зрение». Крестьяне едят лук и жалкую похлебку — и это он называет «Вкус»!

Дерзостью, веселым мужеством, молодецкой бравадой были маленькие картинки Остаде. Они эпатировали дворян. Но можно представить себе, как смеялись, глядя на них, белозубые, жизнерадостные голландцы.

Остаде пишет крестьян — небритых, усталых, угрюмых, греющихся у огня, отдыхающих за курением или за бокалом вина в кабаке. Он пишет домашние очаги, где ему не лень рассматривать миски на полках, окорока, подвешенные к потолку, чайники, ковши, корзины, веники, скамейки...

Художник не ищет красавиц и красавцев: продавец очков показывает сморщенной бабушке свой товар, крестьяне танцуют под навесом — это сама жизнь... Вот старушка облокотилась на подоконник. Остаде бережно и любовно рисует ее доброе лицо, домашний чепец, руки, заслужившие отдых, много поработавшие на своем веку...

Жизнелюбие Остаде, его веселое и дерзкое мужество снискали ему признание во всем мире. В России он был любимым художником царя Петра. Адриана Остаде ценили передвижники, его любим мы. И в Ленинграде, на здании Нового Эрмитажа, рядом со статуей великого Рембрандта более ста лет стоит статуя Остаде — маленького голландца.

А. ЖУКОВА

Адриан фан Остаде. ИЗ СЕРИИ «ПЯТЬ ЧУВСТВ».

ВКУС.

ЗРЕНИЕ.

Адриан фан Остаде. ДРАКА.

Ленинград. Государственный Эрмитаж.

СТРАНСТВУЮЩИЙ МУЗЫКАНТ.

ПЕКАРЬ.

„Выше смерти"

ВЛАДИМИРОВ

4 октября 1957 года на всех языках мира появилось новое слово — спутник. 12 апреля 1961 года на всем земном шаре прозвучало еще одно русское слово — Гагарин. Три с половиной года — один миг в потоке истории человечества. Миг, за который человек шагнул от земли в космос. Но для того,

Победитель первого перелета Петербург — Москва летчик А. А. Васильев.

чтобы сегодня человек пронесся над землей на высоте триста двадцать семь километров, кто-то должен был подняться на первый метр. Для того, чтобы в наши дни тысячи людей ежедневно за 55 минут могли из Ленинграда перенестись в Москву, кто-то должен был этот путь проложить первым.

Было это ровно пятьдесят лет назад, в июле 1911 года. В эти дни всех занимал вопрос: «Можно ли перелететь из Петербурга в Москву?» Этот же вопрос мучил и опытного русского покорителя воздуха А. А. Васильева, уже летавшего над горами Закавказья. В то время такой вопрос можно было разрешить практически только с большим риском для жизни летчиков.

В перелете Петербург — Москва участвовали девять авиаторов, в большинстве молодые люди. Летчику студенту Агафонову было девятнадцать лет, другому студенту, Слюсаренко,— двадцать два года. Даже «короли воздуха» были еще молоды: знаменитому С. И. Уточкину было тридцать восемь, а Васильеву — двадцать семь лет.

В наших руках книга самого Васильева «В борьбе с воздушной стихией», изданная в 1912 году. «Наша родина вправе гордиться смелыми неустрашимыми авиаторами,— пишет летчик.— Русской авиации принадлежит блестящее будущее. Необходим только опыт, нужна практика для того, чтобы наши природные качества, усиленные знанием и опытностью, создали могущественный воздушный флот...»

Васильев был прав. Именно в покорении воздушной стихии Россия заняла выдающееся место уже в ранний период истории авиации. Энтузиастов-авиаторов среди русской молодежи нашлось множество.

К трассе перелета А. А. Васильев относился скептически. Она была слабо оборудована и трудна. «При современном состоянии авиационной техники,— писал он,— нечего и мечтать, чтобы этот наитруднейший путь сделался торной дорогой российских летунов. Когда же авиация достигнет той высоты, на которой ей уже не страшны будут Валдайские возвышенности, болота и сплошные леса...», тогда только, по мнению Васильева, можно будет беспрепятственно летать из Петербурга в Москву.

23 июля выстрелом из пушки был дан старт к перелету. Первым отделился от земли С. И. Уточкин на моноплане Блерио. «Еду пить чай в Москву!» — крикнул он на прощание. Один за другим в утренней туманной петербургской дымке скрылись другие участники перелета.

Уточкину далеко улететь не удалось. У него перестал работать мотор. Аппарат упал в канаву, но без больших повреждений. Случилось это около Новгорода. Здесь его нагнал Васильев. Собственно говоря, встреча с Уточкиным в пути была для Васильева большим облегчением, ибо карта перелета была составлена неразборчиво, ориентиров было мало, и «характерная фигура Уточкина на шоссе, возле сломанного аппарата»,

Старт перелета.

означала, что Васильев летит правильно.

Васильев сделал посадку. Идея «пить чай» в Москве уже остывала в неутомимом Уточкине, но он был бодр и весел и даже оказал неоценимую помощь своему «конкуренту» — помог ему запустить пропеллер, что в то время было не просто, так как для этого требовались умелые руки помощников, остающихся на земле в то время, как «полотняная птица» поднимается в воздух. Бывали удивительные случаи, когда летчику приходилось самому запускать пропеллер и «на ходу» вскакивать в самолет.

В дальнейшем Уточкину снова не повезло. Возле Крестцов его начало болтать с такой силой, что ему пришлось спуститься с высоты 500 метров на поле, но у самой земли он заметил обрыв и деревья. Уточкин спрыгнул на лету с аппарата. Машина при падении задела его (о парашютах не было и речи), смяла и сбросила в реку. Еще несколько минут — и славный пионер русской авиации со сломанной ногой и поврежденными ребрами утонул бы в мелководной речушке, если бы его не спас крестьянин.

Более трагический случай произошел с аппаратом юного авиатора В. В. Слюсаренко, который летел с пассажиром — летчиком Шиманским. Недалеко от Петербурга у Слюсаренко заглох мотор. С высоты 70 метров аппарат «клюнул в землю» и перевернулся. Слюсаренко был тяжело ранен, Шиманский убит. Это была семидесятая жертва авиации в Европе и третья в России. Самолетов на трассе становилось все меньше. Авиаторы Янковский и Костин упали в болото. Другие вышли из строя из-за поломок в пути, некоторые отказались продолжать полет. Но Васильев настойчиво летел дальше. Участок пути над Валдаем он описывает как ужасающее испытание, озаглавленное им «выше смерти». Ветер был резкий, налетал порывами. Самолет все время падал в воздушные ямы и так как высота полета была невелика, то авиатору непрестанно грозила опасность нырнуть в лес и зацепиться за верхушки деревьев. Но Васильев не отпускал руля высоты и летел и летел измученный, с окровавленными пальцами и скрюченными руками.

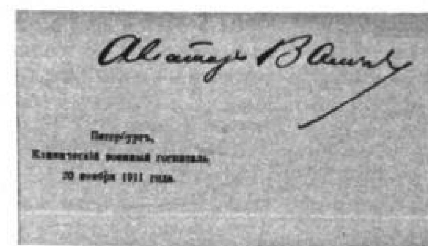
Известный русский летчик С. И. Уточкин.

Последний этап пути Васильев преодолевал уже один. Другие участники выбыли из перелета. Из-за нехватки бензина летчик сделал посадку в Подсолнечном, неподалеку от Москвы. Сел он не слишком удачно, ткнулся носом в канаву. Первая его мысль была: «Цел ли пропеллер?» Но, к счастью, винт был цел, и 24 июля в 4 часа 18 минут пополудни самолет Васильева совершил посадку в Москве, на Ходынском поле.

Васильев потратил на перелет 24 часа 40 минут, из которых в воздухе находился всего восемь. Встретили его в Москве восторженно.

«Прилететь из Петербурга в Москву! От этих слов веет какой-то фантастической сказкой! — восклицал корреспондент одного из русских журналов.— Прилететь по своей воле и желанию, не игрушкою ветра, но настоящею вольною птицей — эта смелая и причудливая фантазия уже осуществилась. Несмотря на колоссальные тягости этого перелета... один из героев воздуха пролетел через все назначенное пространство и первый соединил у нас Петербург и Москву воздушным путем».

Потомки первых в России «крылатых людей» создали самую совершенную в мире советскую авиацию, а следующие поколения уже штурмуют космос. Мы были и будем впереди. И сегодня, по праву гордясь нашими летчиками и первым в мире космонавтом, мы с уважением смотрим на гордую подпись А. А. Васильева в конце его книги.



Командир машины Петр Кабайкин (слева) и второй пилот Вячеслав Жаров уточняют маршрут очередного полета.

Точно по курсу

Тяжелые тучи плотно укрыли небо. Надвигалась гроза. Небольшая группа летчиков собралась у штаба Сталинградского подразделения гражданской авиации. Петр Кабайкин рассказывал друзьям о неприятной встрече в воздухе с весенней грозой. И вдруг горизонт ярким зигзагом рассекла молния.

— Вот она, первая гроза,— сказал кто-то из летчиков. И в ту же минуту Петра позвали к командиру эскадрильи.

В Заволжье начинался сев кукурузы, надо было срочно отправить в совхоз мерную проволоку.

— Полетишь, Петр? — спросил командир эскадрильи.

— Надо лететь,— ответил Кабайкин.

Через несколько минут работяга «АН-2» с увесистым грузом на борту отправился в путь.

Нелегким был этот рейс. Всего час полета. Но какой это был час! Сильный дождь прижимал машину к земле. Пришлось идти на предельном режиме.

— Так вот и работаем,— говорит комэск Попов.— А попробуй скажи летчику, что его переводят на другую работу,— загрустит парень.

В начале прошлого года коллектив решил бороться за звание эскадрильи коммунистического труда. Когда был подведен итог, оказалось, что годовой план перевозок вторая эскадрилья выполнила за 9 месяцев, расписание не нарушалось, аварий не было. А вдобавок — экономия горючего, повышение летного класса. Учитывалось все. Даже и то, как живет коллектив, как отдыхает. Многие летчики и техники — агитаторы, все комсомольцы эскадрильи — участники художественной самодеятельности, все учатся. И собрание подразделения решило присвоить второй эскадрилье звание коллектива коммунистического труда.

Эскадрилья сильна своей дружбой.

...Второй пилот Александр Богаченко готовился к полету, когда его вызвали в штаб: в Ростов-на-Дону прибыла приемная комиссия из авиационного института, куда он подал заявление.

— Сейчас же собирайся в Ростов,— приказал Александру комэск.

— А кто же меня заменит?

— Как кто? Эскадрилья,— ответил Попов.— Пока ты будешь страдать на экзаменах, Сергей Филлиппов, Максим Королев и Владимир Попов станут летать не по шесть, а по восемь часов.

...То там, то здесь на наших воздушных трассах встречаешь самолеты «АН-2». Точно по курсу идут машины Сталинградского подразделения, ведомые пилотами второй эскадрильи, эскадрильи коммунистического труда.

А. ИГОЛЬНИКОВ

Рассказ Егора Егоровича Пронина, мастера производственного обучения.

Василий ТИТОВ

Рисунки Л. СМЕХОВА.

Ну, присаживайтесь, присаживайтесь на лавочку-то, беседовать будем. Вечерто какой выдался славный, а на нашей «педагогии» сегодня почему-то никого и нет. Что за «педагогия»? Да так нашу вот эту лавочку зовут. Почему? Да как же, ведь на ней все больше наши школьные да из детских учреждений люди по вечерам собираются. Ну, нянечки разные, воспитательницы, технические работники, Елизавета Васильевна, Панкевич по фамилии, что в нашем районо много лет подряд секретарем работала. Как же, как же, все люди из нашего дома! Вот и выходит — педагогия.

Ну, а больше всего, я думаю, нашу скамеечку так прозвали из-за Елизаветы Васильевны. Стоит кому-нибудь неправильно с общей точки зрения задеть какой-нибудь педагогический вопрос или узнать, что Миша из белого домика разбил вчера мячом у кого-то оконное стекло и на брань язык показал, или Петя умышленно прищемил на парадном дверью хвост черной кошке, как у нас разгорается уже шум, и все начинают требовать чуть ли не на каждой улице внешкольных детских учреждений.

Особенно тут Елизавета Васильевна действует. Она эдак авторитетно подожмет губки и так скажет: «Что же, неохваченные! Говорю это как педагог!» И начнет тут такое подводить под вопросы воспитания во внешкольное время, что окажется у нее — дитятю одного ни на час, ни на минуту никуда и отпустить нельзя. У нее сейчас так и пойдет бить, как из ключа,— улица, улица и ее влияние! Всех бы она охватила внешкольными учреждениями, всех бы «педагогировала». Слыхали ли вы такое новое словечко?

А я ей тут и возражу. Да бросьте, мол, Елизавета Васильевна, как это можно всех «педагогировать»? Да всех нас-то кто в детстве «педагогировал» да «охватывал», кто нас с улицы тащил, а вот выросли же и с пути не сбились. Не все в улице дело, говорю. Не против я внешкольных учреждений. Но и то же в расчет возьмите: какой город и какая улица. И не все средство в охвате вашем. Найдите в каждом малыше, говорю, в каждом подростке его собственную ягодку, укажите ему, как с ней быть, и тогда дело само может наладиться. Займите его его же ягодкой да так, чтобы цель у него была и интересно ему было собственной ягодкой своей любоваться. Что ему тогда улица, ежели он даже будет и «неохваченный»?

Елизавета Васильевна на дыбы и мне в ответ: «Вы, Егор Егорыч, не педагог, вы в ремесленных училищах, в ФЗО ремеслу обучаете. Вы мастер производственного обучения, но вы не педагог. И ничего в педагогике не смыслите. А ягодка ваша,— говорит,— выдумка, фантазия». Ну, каково?

А я вам скажу правду, что в деле своем ремесленном всю жизнь держался этой ягодки.

Однажды я и говорю: «Вас, Елизавета Васильевна, словами просто не убедишь. Позвольте тогда вам проиллюстрировать мои рассуждения о ягодке-то настоящим примером с настоящей ягодой. И даже,— говорю,— случай этот будет не из моей ремесленной практики. Только,— говорю,— учтите,— случай этот все же из практики моей жизни будет, и уступок тут вы от меня не ждите». И вот что тогда рассказал ей я.

* * *

...Мы заметили этот кустик обыкновенной лесной ягоды — земляники неожиданно на углу большой Базарной площади и тихого непроезжего Колхозного переулка. Кустик стоял под доскою высокого дощатого тротуара, едва выбившись из-под настила трехлистной, еще неширокой своей в прожилках лапкой, и робко зеленел на солнце.

Это было как открытие. Ведь настоящему ягодничку только в лесу расти. Да еще и не во всяком лесу. А в таком, где привычно, где почва мягка и сыра, света много, прохлада в избытке. Место ягоднику на лесной вырубке, поближе к соснам, где пахнет грибной теплотой, мхом, иван-чаем да старыми пнями.

А этот кустик земляники вырос совсем не там, где ему положено: на улице!

Это удивило нас и привлекло к нему. И стало с того дня у меня и у Левы постоянной привычкой всякий раз, когда мы шли куда-либо по делам или иной раз на базар за картошкой, поглядеть на этого лесного смельчака, что поселился вместо светлой лесной полянки на городской улице. С какой стороны куда ни идем, а сюда, на угол, где вырос земляничный кустик, заглянем непременно.

И торопимся, бывало, и спрашиваем друг друга:

— Жив?

— Жив.

— Не затоптали?

— Нет, свеженький.

И порешили мы в те поры с Левой сохранить в тайне и никому не рассказывать о том, что на углу Колхозного переулка и Базарной площади поселился и начал смелую жизнь самый настоящий лесной житель — земляничный кустик.

Оба мы тогда затаили такую надежду: а что как укрепится наш ягодничек, подрастет, выставит на солнце цветоножку с белой чашечкой-цветком, появится завязь, превратится в ягоду! И что тогда? Тогда мы сорвем эту удивительную ягодку, положим ее на ладонь и спросим тут первого прохожего:

— Угадайте, где выросла?

— Конечно, в лесу! — несомненно, скажет тот.

— Ан и не в лесу, не угадали,— ответим мы и покажем, где выросла ягода.

Вообще-то это очень хорошо — удивить и порадовать человека чем-либо ему знакомым, близким, но вдруг ставшим неожиданно для него необычным и удивительным. Человек тогда начинает больше думать и видеть вокруг себя и в жизни гораздо больше хорошего, чем видел до встречи с удивительным.

Удивить и обрадовать — вот был загад Левы. И оно понятно. Для него этот маленький кустик земляники, выросший не в лесу, а на городской улице, был все равно как тайна, впервые открытая им самим, от которой он ждал и маленького чуда — ягодку! От него он ждал, конечно, и радости, потому что же это, как не радость,— открыть самому тайну и сделать ее потом всем известной? Не в этом ли кроется весь загад и прелесть первооткрытий и научных поисков и в большой жизни нашей и в науке? А уж ежели говорить о таких «открытиях», что маленькому человечку помогают найти в самом себе свою ягодку, то уж тут все ясно, тут и говорить много незачем.

Да, так вот, у Левы был загад открыть что-то удивительное и этим удивительным людей удивить. У меня же в этом был загад иного порядка. Во-первых, заметив давно во внуке эту «страсть» к «открывательству» и стремлению переживать как радость маленькие все свои открытия, я смекнул, что в этом-то, пожалуй, кроется его собственная ягодка, которая, может быть, и выведет его потом на дорогу хороших дел в жизни. Ежели уж сейчас «открывает», то в дальнейшем-то, пожалуй, захочет еще больше открывать?! А во-вторых, забот о Леве было у меня немало, они все в это время лежали на мне. Дело так случилось, что война забросила нас в тот большой, нам совершенно незнакомый город как-то сразу, и мы в нем очутились как бы одни. Отец Левы на фронт пошел, матери он перед войной лишился неожиданно, как говорится, собралась она у него «черемуху караулить на погосте»: родами умерла. А бабушка наша убралась туда еще раньше. Да что, внук мне не в тяжесть был! Сына сам, когда один остался, растил. Ну и с внуком, когда наш завод в эвакуацию пошел, отправился я. Да так вот и начали с внуком в этом городе жить. Школьничек паренек, по третьему классу, ничего, хороший парнишка.

А к тому же я еще вот что в раздумье брал. Время тогда было суровое, у ребят радости

было много меньше, чем теперь. И на всех всяких внешкольных учреждений не хватало. Для многих ребят в те годы погулять да порезвиться оставались только двор да улица возле дома. Да вот одна была беда: во дворе-то своем все друзья, а двор с двором, глядишь, часто враждуют, живут недружно. Правда, драк между ребятами особых не было, ссор тоже, но и дружбы особой не велось. Был в Колхозном переулке все же один задира — Жорка Гаворин, вихрастый и конопатый парнишка. Он иногда грубил, кулаки показывал и своевольничал. Много раз наблюдал я его, и показалось мне тогда, что у этого парнишечки своя ягодка есть — любовь к власти. Это тоже ничего — любовь к власти. Ежели разумненько так вести, то хорошие, волевые люди из таких получаются.

Лева уже знал Жорку и по-своему как-то его не любил. А жил он еще скучнее, чем этот парнишечка. У Жорки хоть товарищи во дворе были. А в нашем дворе, на нашей улице Лева жил почти один. Ему у нас и погодков даже не было. К тому же и я весь день на заводе, у станков каждодневно двенадцатичасовую вахту отстаивал. В это время я наладчиком станков был. И складывалось месяцами так, что не то чтобы в кино с внуком сходить, бывало, и посидеть с ним время не выберешь. Вот оттого-то я, когда мы открыли этот ягодничек, так загадал для себя: пусть Лева думает об этом ягодничке, как о чуде, и ждет от него своего интереса, а мне он будет как друг, который какое-то время поможет внука возле хорошей затеи держать.

И так мы ходили на угол часто, порою хоть на минутку, а сбегаем ягодничек проведать, как вдруг однажды, совсем неожиданно, увидели мы на этом углу ватажку ребят из Колхозного переулка. Ребята стояли на мостовой близко к крайней доске тротуара и попеременно, то один, то другой, заглядывали под настил. Среди них стояли вихрастый задира Жорка Гаворин и Савка, про личную ягодку которого я никак не мог догадаться и открыть ее никак не мог. Увидев нас, ребята пошептались друг с другом, сгрудились, прикрыли собой тот угол, где под доской проросла земляничка, и стали смотреть куда-то на крышу. И так ловко все это они проделали, будто ничего и не знают об этой земляничке, а собрались просто так: случайно встретились.

Лева говорит мне:

— Ну, деда, теперь все, теперь пропала наша ягода-земляничка! Жорка теперь сорвет ягодничек и выбросит, чтобы никому не досталось. Или выкопает и унесет к себе. Он хитрый, деда!

— Не выкопает,— решительно отвечаю я. И спрашиваю ребят:

— Вы что наблюдаете?

Жорка отвечает:

— Кошку.

Савка:

— Голубя.

— Не сговорились,— говорю я им. И напрямик: — Не надо лгать. Секрет мы ваш знаем. Земляничный кустик стережете!

Я нарочно сделал упор на слове «стережете». Всполошились ребята, расступились.

Говорю я:

— И правильно делаете, что оберегаете. Нигде в ботанической науке такой случай еще не описан. Потому и надо кустик сберечь. Поможем ему вырасти, а потом опишем все, как было, и в Москву, в Академию наук пошлем.

И тут я так же ловко, как утвердил своим вопросом, что кустик надо стеречь, утвердил неожиданно для ребят и решение. Я сказал:

— Да, в академию, не меньше! Ну, а ежели кто на наш кустик покушаться посмеет, таким ребятам дадим отпор!

При слове «отпор» Жорка кулаком помахал и сказал:

— Не беспокойтесь!

А Лева обозлился:

— Что же, ты один, что ли, будешь землянику стеречь?!

— Зачем один,— миролюбиво ответил Жорка,— все вместе и по очереди.

И ребята условились сторожить ягодничек, оберегать его от невзгод и случайностей.

Скоро переехали мы с Левой на новую квартиру, в Колхозный переулок. Я все искал квартиру, где бы двор был полюднее и где бы внуку не было так одиноко, как на старом нашем дворе. А тут один из наших с завода, эвакуированный тоже, в заводской новый дом съехал, так я комнату и занял его. И тут, на новой квартире, кустик наш оказался прямо перед самым нашим окном. Лева стал из окошка лазать к нему в гости и всякий раз сообщал мне:

— Жив, здоров, поднимается все выше.

А потом сообщил:

— Он скоро зацветет.

— Что ты? Не верится даже!

— Да, зацветет. У него уже бутоны.

А уж ежели правду сказать, не верилось мне в то, что из этого ягодничка что-нибудь выйдет. Издавна я имею и склонность к природе и наблюдал тоже кое-что в ней, так понял — не та среда, чтобы ягодничку здесь укрепиться. Я думал так: порастет, засохнет, да и вся тут недолга. А Лева мне скоро и такое сообщил:

— А он уже и цветет, деда!

Ну что вы тут скажете?.. Чудеса!

И вот стали наши ребята в базарные дни на углу даже «усиленный пикет» выставлять. Они так решили: мало ли как может повредить ягодничку пришлый на базар человек. Он ведь может просто сорвать удивительный цветок или нечаянно раздавить его ногой. Хе-хе! Малы, а смышлены. И вот, к удивлению моему, во влажной земле, под настилом, у самого ребра доски, семя, что здесь когда-то случайно упало, выгнало три стебля, с зубчатыми трехлистными лапками, а посреди них и четвертый, плодовый вздыбился. На этом стебле скоро завязались три зеленые, в точках зерен пуговки. Солнце и избыток влаги под настилом выгнали ягодник крепким, словно рос он под кустом орешника в черноствольном молодом лесу. Одна из завязей начала пухнуть, буреть и превратилась скоро в сочную ягоду. И вот настал полдень, когда на этом углу Базарной площади и тихого непроезжего переулка, среди поросли блеклого пырея и просвирника, вдруг запахло земляникой, и ребята даже облизнулись. В этот день на нашу ягоду сошлись смотреть чуть ли не все взрослые жители нашего переулка. До самого вечера приводили ребята кто мать, кто соседку, а чаще всего бабушек посмотреть на необыкновенную ягоду.

Те подходили, глядели и, улыбаясь, спрашивали:

— Как она тут выросла? Смелая!

А старичок один сказал:

— Такую прямо в кисет положить, вот бы табак духовит был!

Особенно осторожен в этот день был Жорка Гаворин. Он не отходил от угла, где росла ягода, и как бы прирос к доске тротуара, на которой сидел. Стоило показаться незнакомому мальчишке с дальней улицы, как он вставал и шел к нему навстречу с грозным видом.

А Лева целый день сидел на краю тротуара с красками, стаканом воды и кисточкой. Он делал акварельный портрет ягоды для Академии наук.

И не нашлось на всей улице нашей ни одного озорника, который решился бы ягоду съесть. Она так и упала бы, видно, на землю, или воробьи склевали бы ее, если бы... Но вот тут и произошла история, которая вдруг открыла под каждой своей собственной и хорошей ягодкой наших ребят то дурное, что само по себе часто таится в каждом и что их опозорило и повернуло весь ход событий с нашим ягодничком совсем иначе. Был базарный день. По мостовой прошла одна бабушка, не наша, не из нашего переулка бабушка, и уронила на углу монетку.

— Чья это бабушка? — переглянулись между собой пикетчики.— Наша?

— А кто ее знает,— отвечал Жорка.— Не наша она. А может быть, и совсем ничья,— сострил он.

Лева ответил:

— Ничьих не бывает.

День был жаркий, томительный. И устала эта бабушка и разморилась. Нагнулась было она поднять монетку, но тут силы ей изменили, и старая женщина опустилась и села на доски тротуара, как раз там, где сидел Жорка и ребята караулили ягоду. Голова бабушки поникла. Не так уж, видимо, стара, как уставшая была эта женщина. Вглядись ребята в нее хорошенько, поняли бы они, что ей, может быть, и нелегко живется. А если бы вспомнили вовремя, что идет война, додумались бы и предположить не без основания, что у нее, может быть, и сыны и внуки есть на фронте и что старость у нее, может быть, одинокая. И уж, во всяком случае, монетку-то ее они могли бы разыскать и поднять. Хе-хе! Но, как бывает в таких случаях, ребята этого ничего не сделали. Они сидели и смотрели на старую женщину с тревогой, а та очнулась, пошарила возле себя кругом, ища монетку, удивилась чему-то, что-то причуяла носом, пошевелила губами, нащупала рукою под доской ягодку, взяла на ладонь, и не успели наши ребята ахнуть, как бабушка машинально, как будто в лесу сидела на лесной полянке, положила ее себе в рот. Ведь вот как иногда старые люди глупее малых детей бывают! А то и так подумать: может быть, тут уставшей, изможденной жизнью старой женщине молодость показалась, показалось на минуту в забытьи, что она на лесной полянке в свой хороший день сидит? Как бы там ни было, а у наших ребят вдруг не стало махонькой, душистой, алой бусинки, которую они так долго берегли и сторожили от случайных прохожих.

Что тут стало!

— Ты что! — закричал на нее Жорка, приподняв кулаки.

— Зачем съела?! — закричал Савка.

— А?! — закричали хором все ребята.

А бабушка только тут вдруг очнулась окончательно, оглядела усталым взглядом всех ребят и как-то тихо, обидно спросила:

— А что, разве она ваша?

И как ни смирны были ребята, а все же ба-

бушкин вопрос взорвал их. Ну скажи она им — забылась, ребята, ошиблась, обмишурилась, простите, очень устала я, не сообразила. А она им такое: «Разве ваша!»

— Баба-яга! — закричал Жорка.

Старая женщина покраснела, как молодая, румянец вдруг у нее по щекам пошел, встала и, укоризненно покачивая седой головой, пошла к базару. А вслед за ней вдогонку понеслось:

— Яга-старуха!

— Ничья старуха!

— Здесь не ходи!

И не скоро, а только тогда, когда бабушка была уже далеко и скрылась уже за базарной изгородью, ребята поглядели еще раз друг на друга.

— Вот тебе и академия! — сказал Жорка.— Лучше бы сам съел.

— Лучше бы ты ей двугривенный поднял,— сказал Лева.

— Мальчишки, мальчишки,— закричала, выбегая из ворот нашего дома, маленькая девочка Марта, которую звали все «курочка-ряба». — Мальчишки, мальчишки! — закричала она.— Что же вы наделали! Вы оскорбили лучшую бабушку в нашем городе!

— Мы ничего не наделали,— зло ответил Жорка,— а наделала она, эта старуха, которая съела нашу ягоду!

— Да! — подскочил Савка.— И ты не лезь!

Вот когда я понял, что у Савки своя ягодка заключалась в том, что он чужую за свою принимал,— она у него была в опоре на кого-то. Зато в Марте сразу раскрылась своя ягодка в том, что справедливость любила она.

— И все же что вы наделали! — заговорила вновь Марта на слова Жорки.— Ведь эта бабушка са-ма-я о-ди-нока-я!

И Марта, спотыкаясь на каждом слове, спеша, рассказала, как минувшей зимою пришла эта старая женщина к ним в школу, в третий класс, когда ребята собирали подарки бойцам на фронт, и принесла для подарка теплый свитер и солдатские перчатки. И хоть школьники и узнали тогда, что был у нее внук на фронте, а она наотрез отказалась посылать свитер и солдатские перчатки на его, известный ей адрес, а просила только послать «в самую передовую действующую армию». Пусть, сказала она, достанется тому, кто ближе всех стоит к врагу грудью.

— Вот она какая, бабушка,— закончила Марта и добавила: — А еще она жена одного нашего старого рабочего, который воевал с белым генералом Колчаком и погиб на своем посту в нашем городе в рядах Красной гвардии. И это было тогда, когда мы никто-никто еще не родились.

— Так! — сказал, глубоко задумавшись, Жорка.— Значит, выходит, отличились мы?

— Не выходит, а уже вышло, — сказал Лева.

— И чего же теперь? — спросил взволнованно Савка.

Видите Савку? Он опять искал опоры среди мнения ребят. В этом его ягодка, Савки-то, заключалась!

Когда я узнал под вечер, что случилось на углу, где ягодничек вырос, я сделал вид, что крепко на ребят рассердился. Старую женщину эту и я знал немножко. Она действительно была как бы «ничья бабушка», жила далеко от центра города, где-то на горе, чуть ли не на Загорной глухой улице, одна. Бедно жила и трудно. Единственный внук ее Пров Воронов воевал тогда где-то на далеком от города этого западном фронте.

И тогда я спросил ребят:

— А ягода-то наша была научная?

— Научная,— с горечью сказал Жорка.

— Для академии,— глубоко вздохнув, сказал Савка.

А Лева посмотрел на свою акварель и вздохнул с сожалением глубже всех.

— А научная ягода,— сказал я ребятам строго,— не может не научить нас чему-нибудь. Давайте-ка, зовите со дворов всех наших ребят, и скажу я вам слово об академии. Расскажу вам о той академии, через которую все вы должны пройти.

И сказал я тогда ребятам слово.

А о чем сказал, покуда утаю. Этому в моем рассказе будет свое место.

...Благодатное, жаркое иркутское летнее солнце сделало свое дело. Наливались, росли, бурели две оставшиеся «зеленухи» на тонком стебле под доской тротуара. Так же, как и в прошлые дни, дежурили на углу пикетчики, охраняя рост драгоценных ягодок.

И вот настал день, когда вновь на углу тротуара запахло земляникой. Тогда сюда пришла с тарелкой «особая тройка» и бережно сняла две ягоды вместе с цветоножкой.

Две сочные, алые бусинки на зеленом стебельке с одним маленьким подсохшим листком ребята подали мне в окно. Ягодки лежали у меня в комнате на тарелке всю ночь и хоть и слабо, а источали запах соснового бора. Лева вставал, на цыпочках подходил к ним и нюхал ягоды подолгу и бережно. А когда стало светать, под нашим окном послышался стук. Лева встал и молча надел лучшую рубашку. Потом он взял в сенях туес из свежей бересты и вышел. Вместе с Жоркой пошли они к городской заставе, куда из тайги на городской базар тянулись колхозные подводы. День был воскресный. А через час под моим окном послышался сдержанный говор ребят. Ребята собрались и ждали Леву и Жорку.

И вот когда показались Лева и Жорка с полным туесом спелой земляники, которую они купили у бурят на возу у заставы, ребята постучали мне в стекло. Я распахнул окно настежь и положил на алую россыпь лесной земляники веточку с сияющими, нежными и благоухающими плодами, что выросли на углу нашего тихого переулка и людной Базарной площади. И ребята пошли. Прохожие уступали им дорогу и подолгу смотрели ребятам вслед. И скоро там, на Загорной улице, в конце ее, где маленький обветшалый домик прилепился на краю горы, ребята остановились.

Раннее солнце сочилось сквозь дырявую крышу крылечка и роняло на приступки золото своих пятачков. И на этом крылечке стояла та самая «ничья», знакомая, ими обруганная бабушка. Она кормила с руки маленького рябого цыпленка, и цыпленок тоже был усыпан золотыми пятачками раннего утреннего солнца.

Ребята растерялись.

— Она?

— Не она. Не похожа!

— Она! — уверенно сказал Лева.— Марта, пойдем!

Маленькая девочка подошла к калитке и открыла ее. Лева с драгоценными дарами сибирского жаркого лета в берестяном туесе шагнул за ней. И все видели, как робко шли они к крыльцу, и все слышали, как робко начал Лева:

— Бабушка, извините. Мы поступили плохо. Мы решили: ягоду ту никому не есть. Но случилось несчастье: вы съели нашу ягоду. И мы нехорошо поступили, изругали вас. И вот мы— это все ребята нашего переулка — просим у вас прощения. Мы долго искали вас. И вот сейчас просим принять от нас эти остальные две ягоды и еще полный туес.

И Лева поставил на ступеньку крыльца берестяную посудину и снял с нее лопух. На алом ворохе лесных ягод наши ягодки на веточке казались еще краше, еще свежее.

И тогда во двор вошли все ребята.

— Просим прощения, извините,— хором и вразнобой заговорили они.

Старая женщина стояла на крылечке во весь рост и будто что-то силилась вспомнить. Ребята пододвинули туес поближе к ее ногам.

— Бабушка, кушайте!

Рябой цыпленок заглянул в туес, изловчился и выклюнул из туеса большую, сочную ягоду.

Бабушка вдруг что-то вспомнила и заволновалась.

— Милые вы мои! — тихо сказала она.— Милые мои! Это я вашу радость тогда одним разом слизнула! Помню, помню. Я про ту вашу ягоду все время помнила. Но что же делать, ребятки, стара и хвора я, должно быть, стала. Простите мою оплошность, детки!

Зашумели ребята:

— Ничего, бабушка, ладно, не жалко!

— Новые две выросли, бабушка, кушайте!

Ребята взошли на крыльцо и обступили ее.

Теперь, может быть, вы спросите, что я сказал тогда ребятам? Да ничего особенного и не сказал. Сказал то, что говорят ребятам в таких случаях. Сказал им о том, что ко всем людям надо быть внимательными. Я спросил у них: «Ведь ягода-то наша научная?» «Научная»,— говорят. «Так почему же,— говорю,— вы у нее ничему не научились?» Вот и все, что я сказал тогда ребятам. А все остальное, что ребята сделали потом, до всего этого они сами додумались.

В тот год с Татьяной Егоровной — так звали ту старую женщину— завязалась у ребят боль-

шая дружба. А от нее еще более окрепла и стала хорошей дружба их общая. Ребята часто хаживали к ней в гости. И воды принесут, и старые пни на дрова поколют, и козу постерегут. Лева дворик выровнял, Жорка старую калитку поправил. А меня они попросили починить крышу над крылечком. И я это выполнил. А в свободное от домашних дел время Татьяна Егоровна свои ребятам сказы сказывала. Это были старые русские, казацких, сибирских времен еще сказы. Много она знала про землю сибирскую. И много ребята узнали всякого от нее и крепко к ней привязались.

Скоро к старой, одинокой женщине вернулся с войны внук, хромой, но бравый и сильный человек. Жить ей тогда стало легче. Война кончалась.

Однажды мы с Левой попрощались с ребятами. Наш завод вновь возвращался на «родину», с ним домой возвращался и я. Тогда ребята и взяли с меня слово обязательно написать о нашей научной ягоде в Академию наук. Ну, это, где мне уж было написать, в академию! Слова такого, конечно, я держать и не думал. С меня достаточно было и того, что все это, что было с нами, их академия жизни была.

Ну, и что бы вы думали мне на это наш «педагог» Елизавета Васильевна отвечает? Выслушала все со вниманием, губки эдак знающе вздернула да и говорит мне:

— Сказка, сказка, вы это сами выдумали.

— Ничего себе,— отвечаю,— сказка! Что же это вы, мол, такой не выдумаете.

А она:

— Ну, хорошо, ну, хорошо, да это у вас все временно было. А потом-то, уверена, у них там все рассыпалось.

Эге! Рассыпалось! Года четыре назад я вновь навестил Иркутск. Что ни говорите, далек город, а потянуло меня туда еще раз съездить. В отпуск я поехал. Как же, не пять ли боевых наших лет отработать там пришлось! Красное лето бродило по улицам города, и за ним по знакомым улицам бродил и я. Белыми, все в пуху стояли тополя по улицам города и роняли на землю в жарком ветру пушинку за пушинкой. Пушинки ложились на землю густо, и когда по улице проходил прохожий, за ним оставались следы, как на снегу. Хорошо это, отрадно посетить те места, где прожил когда-то так долго, где осталось столько хороших и добрых воспоминаний! Вот и Колхозный переулок, вот и дом, в котором жил. Иду на угол, где росла когда-то наша земляничка. Он все тот же. И даже доски на тротуаре, должно быть, все те же, старые, только потемнели и постарели еще больше. Но нет в переулке этом наших прежних знакомых ребят и что-то в облике его уже сильно переменилось.

На Подгорной улице, где стоял тогда ветхий, старинный рабочий домик, стоит трехэтажный, красный, высокий, новый. У внука Татьяны Егоровны узнаю, что ее уже давно нет в живых. Время, время, как быстро летит оно! Тогда пошел я на реку. Над широкой неуемной красавицей Ангарою стоял несмолкаемый шум работы.

Я стоял на плотине и смотрел туда, к Байкалу, где отсюда верст за шестьдесят выливается Ангара сразу полноводной рекою из славного сибирского моря, и думал о том, что уже и на низу, там, на север отсюда, куда летит Ангара, у Братских порогов, стоит на этой реке такой же неумолчный, могучий шум созидательных работ: здесь строится, а там начинает строиться электростанция. Далеко же нашей Сибири идти вперед, думал я, и вглядывался, вглядывался в даль, как в ее будущее. И тут меня кто-то окликнул. Я вгляделся. Передо мной улыбающийся, высокий, плечистый, в майке-безрукавке на бронзовом теле, в кепке, из-под которой выбивались непокорные вихры волос, стоял молодой человек. Если бы не эти непокорные вихры, не сразу бы я воскликнул:

— Жорка Гаворин!

Да, это был он, тот самый вихрастый, конопатый маленько Жорка Гаворин из Колхозного переулка, с которым мы сторожили научную ягоду. Мы обнялись.

— А где еще-то ребята, говори, где остальные ребята? — тормошил я его.

— Да все здесь,— отвечал Георгий.— Вон видите экскаватор гравий черпает, вон тот, что на «пятачке» на реке работает? То Савка работает наш. А вон, в том домике у воды, там Марта работает, там лаборатория.

Вечером мы все собрались у Марты. Конечно, был накрыт стол, конечно, все мы чокнулись. Ребята веселились и вспоминали. Спрашивали, конечно, и о Леве, и я отвечал, что он кончает на инженера-гидролога. Узнал я, что Марта окончила техникум и собирается учиться дальше, что Георгий учится в техникуме, а окончил школу электросварщиков для подводных работ, что Савва готовится в вуз к экзаменам и кончил курсы механизаторов работ строительных. А я все сидел, слушал, глядел на них во все глаза, придерживая на случай в кармане платок... Да, придерживал платок поближе, потому что радость у меня была особенная. Вы подумайте только, если говорить правду: пустяк все же был, по сути дела, тогда этот самый наш ягодничек! А смотрите, как спаялись и сдружились ребята. Я это хорошо понимал. А то отчего же через много долгих лет мы все сошлись вместе, как одна семья, рады-радешеньки друг другу, и отчего это, признав меня окончательно своим, ребята собрались и мы чокнулись! Вот тут вы подумайте сами, отчего. Мы, конечно, вспомнили об этом славном, милом нам ягодничке, вспомнили хорошо.

А больше всего мы о другом говорили. Говорили каждый о своей личной ягодке, с которой каждый на свет и родится, да не всегда удается каждому хорошо вырастить ее. Вот ее-то и надо увидеть. Вот ее-то и надо растить. А то — «неохваченные»! Вы про ягодку-то эту не забывайте, ищите ее в каждом. О ней больше всего заботьтесь. А уж жизнь потом сама охватит, было бы чего охватывать. Так-то вот. Ведь и мы с усами!

Василий ЖУРАВЛЕВ

Притамбовье

Сон-трава

Сергею Голованову

За́пах,
словно от медовой браги.
Позатоплены острова.
В неодетой еще дубраве
просыпается сон-трава.

Просыпается
по-над кочками,
за собою ведет рассвет,
и лиловыми колокольчиками
приближает весны расцвет.

Ты идешь,
радость жизни слыша.
И поет потому душа,
что барсук
на добычу вышел,
прошлогодней листвой
шурша.

Ты бредешь
по весенней сини.
И уже, обходя стога,
не поймешь,
где рога осины
и лосиные где рога.

Ты идешь —
и ручей клокочет.
Пусть ему под снега
нырять!..
Все равно
зимней шерсти клочья
начинает енот терять.

Все равно
мир тобою узнан,
полный
очень простых чудес;
дятлы трудятся,
словно в кузне,
ремонтируют черный лес.

Хорошо тебе без дороги!
И, бессонная до поры,
расстилает тебе под ноги
сон-трава
из цветов ковры.

И цветам
над лесной долиной
никогда не дано стихать,—
им строкою неодолимой
прорастать
у тебя в стихах.

А стихам твоим
синь да свежесть,
чтобы за́суху орошать,
чтобы давнюю юность
нежить,
невозвратную воскрешать!

Сливы

Такое не всегда приснится:
здесь, над лощиной угловой,
повисли сливы, как синицы,
на ветках книзу головой.

Повисли сливы, как литые,
хотя их кожица мягка.
Они лилово-золотые
и желтогрудые слегка.

Закат ложится им на плечи.
Гляди: из-под его плаща
вот как возьмут
да защебечут,
да закричат, да затрещат.

И, встрепенувшись,
над лужайкой,
над синевой озерных вод
возьмут
и солнечною стайкой
перелетят на огород...

Такое не всегда приснится:
здесь, над лощиной угловой,
повисли сливы, как синицы,
на ветках книзу головой.

Ледостав

Грустные, вздыхают
под ногою
травы, отходящие ко сну.
Вот и ледостав уже шугою
за осокой ржавой, за кугою
запружает сникнувшую Цну.

В одночасье
прогрустив о многом,
в первую тамбовскую пургу
над седым,
посеребренным логом
ты стоишь и плачешь
на отлогом,
на пологом мертвом берегу.

Крепкая и неплохого роста,
у того ль соснового помоста
говоришь ты терпкие слова:
«Ах, любовь — не птица,
чтобы просто
выпустить ее из рукава!»

Снежную растаптывая мякоть,
отдаляя ближнюю зарю,
в холодину,
как недавно в слякоть,
плачешь ты...
А что, подруга, плакать?
Радоваться надо, говорю!

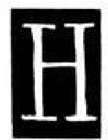
Говорю: «Такое не пристало
нам с тобою, милый человек!
Потому и не тоскуй устало.
В сердце
не бывает ледостава:
коль оно оттаяло —
навек».

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Михаил Данилович Манник.
Фото А. Гостева.

СИБИРСКАЯ

Евгений ЛОСЕВ



Не спалось в ту памятную зимнюю ночь комбайнеру Михаилу Даниловичу Маннику. Он ворочался с боку на бок и тяжело вздыхал...

Вечером, возвращаясь с работы домой, Михаил Данилович встретил совхозного конюха, понукавшего костлявых лошадей. В санях, едва прикрытая рогожей, лежала корова, которая пала в тот день.

— Вот,— буркнул конюх,— дохозяиновались... Богато жить будем — землю мясом удобряем. Вам, механизаторам, благодать: небывалый урожай получите на целине! — Конюх зло ударил лошадь.— А ты, Манник, может, вторую Звезду заработаешь на том урожае.

Михаил Данилович отступил от дороги и растерянно смотрел вслед удалявшимся саням. Полозья надрывно скрипели, врезаясь в промерзший снег, и звук этот еще долго доносился из сумеречной степи...

Манник медленно побрел домой.

Тридцать три года работает Михаил Данилович механизатором. Четверть века стоит за штурвалом комбайна, неизменно выходит победителем и в областном и во всесоюзном соревнованиях. Присвоено ему звание Героя Социалистического Труда. И никто ни в чем не посмел его упрекнуть. А тут словно пощечину влепили... И ведь прав конюх. А может быть, и нет?.. Разве он, Манник, виноват, что в их Семяновском совхозе скот дохнет?

В ту зиму кормов было мало. За сотню километров возили к фермам мерзлую солому. Но то не его, Манника, забота. Хлеб — вот куда вкладывал все свои силы. За хлеб и Звезду получил. А тут словно кто полоснул по спине: «Дохозяиновались...» Это кто же? Кто в ответе? Нет, ты, Манник, в сторону не отходи!.. Надо что-то делать! Идти в партком посоветоваться... Может, взяться за кукурузу? А что? Не его это дело? Неверно — его! Не будет расти в Сибири? А если умело подойти?.. Только сумеет ли он ее вырастить? А почему бы и нет? Ведь это он, безграмотный батрак, первым сел за руль заморского «Фордзона». Потом овладел комбайном и сцепом трех машин убирал до 3 тысяч гектаров хлеба! В войну это было. Штурвальные на мостиках стояли сутками. Косили до холодов. Стынут слезы на ребячьих щеках. Двенадцатилетние мальчишки сутками возили в бричках зерно от комбайна. Случится, нет повозок — пойдет Михаил Данилович разыскивать. Сморенный усталостью и голодом, лежит мальчонка, свернувшись калачиком, и спит на дне короба.

— Вставай, Ванятка, замерзнешь ведь...

— Сейчас, дяденька...

Крохотная фигурка поднимается, расправляет вожжи и посиневшими губами чмокает, понукая лошадей. Смотришь на него, а у самого сердце щемит.

Выстояли! Давали хлеб стране. Так неужели с кукурузой не справимся? Какой же он тогда коммунист!

И снова сомнение: то тут, то там услышишь, что кукурузу выращивать в Сибири невозможно. Это, мол, бесцельная трата времени и средств. Сеяли кукурузу потому, что начальство настаивало, а считали ее принудительной культурой. Ну что же, рассуждали местные руководители, выполним директиву свыше, а там как бог даст. Задавленная сорняками, кукуруза еле-еле отрывалась от земли. По ней пускали скот и стравливали на корню. «Не уродило...» — докладывали по инстанции.

— Но разве кто-нибудь из нас додумался по-настоящему приложить к этой культуре руки земледельца-механизатора, чтобы проверить, в самом ли деле в суровых условиях Сибири нельзя выращивать кукурузу?.. Неужели кукурузе не пробьем дорогу? Ну и что ж, что Сибирь? А я коммунист,— вслух убеждал себя Михаил Данилович.

Проснулась жена:

— Будет тебе вздыхать, полуночник... Утро вечера мудренее.

Утром Манник все твердо решил. Не делянку взять, а поле гектаров в полтораста. Да потрудиться на нем по-настоящему. С тем и пошел в партком.

— Прямо скажу, смелую ты задачу поставил перед собой, Михаил Данилович,— ответил ему секретарь парткома, когда Манник пришел к нему со своими раздумьями.— Ну что ж, одного не оставим. Будем помогать. Плохо, что агрономы наши равнодушны к кукурузе. Но ведь ты потомственный хлебороб и коммунист, должен разбудить их!..

Пришла весна. Семена легли в хорошую землю.

Вначале все шло ладно. Всходы были дружные. Кукуруза

быстро поднялась до десяти — пятнадцати сантиметров и вдруг, словно завороженная, прекратила рост. Много дней не возвращался домой Михаил Данилович. Все время проводил на кукурузном поле, а помочь питомице ничем не мог. Поскучнели растеньица, листочки стали жухнуть, клониться к земле.

— Эх, погодушка ты сибирская,— вслух рассуждал Манник,— то лютый холод, то зной, то дожди!.. Подкормить бы надо кукурузу, помочь ей с силой собраться. А удобрения где взять?

Невеселое тогда было настроение. Похудел, осунулся человек. Опускался на колени, отковыривал негнущимися пальцами затвердевшую, клеклую почву, подолгу осматривал бледно-желтый корешок кукурузы и, тяжело вздохнув, аккуратно обкладывал его землей.

Что делать?

Как-то мимо проходил помощник механика того отделения, где работал Михаил Данилович, и ехидно пошутил:

— Подмочишь, Манник, ты свой авторитет на кукурузе. Это не Кубань, а Сибирь... Понимать надо, прежде чем за такое браться!..

— Я тебе пооскаляюсь! — незлобно ответил Михаил Данилович. А у самого мысли мрачнее прежних: «Старею?..» Плечи стали так тяжелы, что он присел на неласковую землю. «Устал?.. Уж если ты комбайнер, то и делал бы свое дело: убирай хлеб и ремонтируй технику! Нет, видишь ли, захотел помериться силами с сибирской природой — кукурузу вырастить. Да она тут испокон веков не родилась!.. Похвастаться захотел перед сельчанами, а силенок-то, выходит, и не хватает. Шуму много наделал не только в совхозе, но и во всей Омской области. Обязательство взял: с каждого гектара собрать по 600 центнеров зеленой массы кукурузы. Выходит, опростоволосился?»

Да разве он жалел труда? Сам готовил почву, сам удобрял. И сеял сам — квадраты получились ровные. И все у него хорошо шло до этих вот холодных дождей. Будь они неладны! Кукурузе нужно тепло. А где его взять?.. Почему все-таки кукуруза перестала расти? Только ли потому, что нет тепла? Подкормить бы ее!..

Михаил Данилович стряхнул приставшую к брюкам землю и, заложив руки за спину, зашагал домой. Молча переступил порог, прошел в горницу и устало опустился за обеденный стол.

— Не видишь тебя сутками, а придешь домой, как чужой, все молчишь! — Александра Ильинична в сердцах швырнула ложки на стол.

— Что ты, мать! Разве ж я против? Ну, иди, садись вот сюда, все тебе расскажу. Вот и хорошо...— Он положил на ее вздрагивающие плечи большую руку, и она сразу притихла.

Жена... Шурка... Та самая бойкая девчонка, что батрачила когда-то по соседству с ним. Красивая была девушка. Наверное, семнадцатилетнему Мишке поэтому и не хотелось спать короткими летними ночами. А вечера в степи в то лето были такие тихие и теплые, что можно было сутками не заходить в полутемную землянку. Зори приносили из далеких степей аромат полевых цветов и еще каких-то незнакомых трав. Таких теперь, кажется, и нет. Иначе почему он не слышит этих запахов? Нет, сейчас степи так не пахнут, как тогда: распахали их от края до края. И вдруг от волос жены потянуло степной полынью. Выходит, ошибался он?.. Шурка... Ты пришла ко мне в землянку с дерюжкой под мышкой — вот и все твое приданое. А у меня и того меньше. В чужой одежде пришлось начинать совместную жизнь. Ничего у нас не было. Только молодость и мечта да большие Шуркины глаза... Ты стояла у штурвала комбайна, гордая и красивая. Потом с годами уставать начала. Каким счастьем вспыхнули глаза твои, когда Ванятка, наш старший сын, поднялся на мостик и сказал простуженным баском: «Мама, отдохни...» От неожиданности ты выпустила штурвал, а сын проворно подхватил его и повел степной корабль. Потом комбайнерами стали Алеша, Михаил, Валерий. Наши сыны...

Особенно гордится отец старшим. Много хлопот принес любимый сын. Упорный, настойчивый, старается ни в чем не уступать Михаилу Даниловичу. Сутки ходит за комбайном отец — сутки Иван стоит у штурвала. Вторые не спит отец — вторые стоит Иван. Видит отец: нелегко парню. «Давай, постою за штурвалом. Иди поспи». «Нет, отец, вместе будем отдыхать... Ты сам бы присел. Что ты все за комбайном ходишь?» «Привык, сынок. За двадцать пять лет столько исходил, что можно было два раза пешком добраться в Москву и обратно,— пошутил он.— Да и потом сподручнее так следить за машинами, прислушиваясь к их хлопотливому стрекотанию». Долго они препирались, кому первому идти отдыхать, да так и не договорились. В тот год они намолотили 32 тысячи центнеров зерна. Таких результатов еще никто не добивался.

В 1959 году Иван и отец работали на разных участках. Михаил Данилович однажды убрал 70 гектаров, Иван — 65. Отец на следующий день — 75, Иван — 70. Тогда выжал отец 80 гектаров и пошел отдыхать. «Никто столько не уберет»,— думал он дорогой. А наутро узнал, что Иван убрал 85 гектаров.

«Эх, рано кончил! Мне бы еще гонку сделать!» — сокрушался Михаил Данилович. А в это время секретарь райкома партии собственноручно снял с его комбайна флажок «Лучшему комбайнеру» и прикрепил к агрегату Ивана.

— Что, батя? — смеялся Иван. — Ты еще погоняешься за мной...

— Коли порох есть, догоняй!.. — подшучивал сын.

Вот какие дети!

...А теперь вот он сидит над книжками о кукурузе. Все механизаторы в мастерских готовят технику к уборочной. Своим делом занимаются. А разве он — чужим?

— Утихомирился бы ты, отец. Какие еще рекорды задумал ставить? Зачем они тебе? — тихо выговаривала жена.

— Нет, я все-таки докажу, что кукуруза и в Сибири может давать хорошие урожаи!

Михаил Данилович знал, что надо срочно подкормить кукурузу. Но не было специального культиватора и удобрений. Тогда он взял старый и принялся его переделывать, днями пропадал в кузне. А потом в Тихомировке под толстым слоем мусора нашел минеральные удобрения. Внес аммиачную селитру. Одновременно провел продольную культивацию.

Прошло несколько дней. И вот случилось нечто похожее на чудо: кукурузу будто кто подстегнул, так бурно пошла в рост. Казалось, аж листочки зашевелились. Кукуруза повеселела, стала чистая, упругая, листья заблестели.

Михаил Данилович и второй раз подкормил ее и еще раз прокультивировал междурядья. Хотел было пройти с культиватором и в третий раз, но кукуруза не позволила: вымахала в метр высотой, потом в два, в три... На стопятидесятигектарном поле Манника шелестел зеленый лес.

Проезжая мимо, диву давались сельчане: откуда такая?

Останавливался пораженный народ, шел в «лес», и теряли люди друг друга в кукурузных зарослях.

— Отродясь такого чуда не видывали в Сибири!

Михаил Данилович ждал с нетерпением уборки урожая, но где-то в глубине души противился своему желанию: чуточку жаль было косить сибирскую красавицу на силос. Он все ждал и ждал, когда початки достигнут молочно-восковой спелости.

Но вот время подошло, и Манник снова поднялся на мостик комбайна. Лопасти машины подминали упругие стебли кукурузы, и «королева», покорно подставляя свои роскошные косы, прощалась с недолгим сибирским летом.

Убран первый гектар.

— Сколько? — спросил, волнуясь, Михаил Данилович у весовщика.

— Шестьсот пятьдесят центнеров.

— А как дела у соседей?

— У некоторых набирается по сорок центнеров с гектара. Многие площади совсем не косят: нечего. Не выросла...

А ведь росла кукуруза на одной земле, под одним сибирским небом.

В 1959 году совхоз заложил семь тысяч тонн силоса. А в 1960-м один Михаил Данилович дал девять тысяч.

Тогда-то и вспомнил Манник про одну заморскую цифру: американцы на производство центнера зеленой массы затрачивают пятнадцать минут. А он?

Нахмурясь, долго сидел в бухгалтерии Михаил Данилович. Все считал да пересчитывал.

— Что за ерунда? — отбросил он карандаш и, сняв очки, протер глаза.— Не может быть!..

Его окружили агрономы, счетоводы. Снова начали подсчитывать.

— Все правильно. Десять минут!

— Что за десять минут?

— Михаил Данилович затратил десять минут на центнер кукурузы при урожайности шестьсот центнеров с гектара.

— Выходит, отобрал у американцев пять минут?

— Выходит, отобрал...

Кто-то припомнил, что Михаил Данилович в этом же году убрал еще и тысячу гектаров зерновых да отремонтировал семнадцать комбайновых моторов... Эге, сколько дел переделал один человек!

...К старому Маннику подошел сын Иван.

— Отец! Мы, сыновья, всю жизнь идем за тобой. Вот посоветовались тут с Алексеем, Михаилом... Одним словом, возьми нас тоже на кукурузу. Четверым нам под силу будут и шестьсот гектаров. Вырастим по восемьсот центнеров. Минуты тоже не забудем считать.

* * *

Михаил Данилович вышел на улицу, оглянулся: куда это запропали его парни? Только что он подумал так, а ребята окружили с хохотом отца, подняли на своих сильных руках, и заводила, старший сын, кричит снизу:

— Ну, батя, ставишь четверть?

— Ты же непьющий.

— Бросай его, ребята!— командует Иван.

— Ставлю, ставлю, сынки!

— Испугался? Это мы пошутили. Не оставаться же нам сиротами... Говорить или не говорить?..

— Чего тянешь? — Михаил отодвинул плечом Ивана, подошел поближе и вдруг сказал такие слова, каких Михаил Данилович никогда не слышал от своего молчаливого сына: — Отец, мы тебя очень любим. Ты много походил по степям на своем веку. С годами устают ноги. Поэтому мы хотим, чтоб ты теперь ездил по полям.

Ребята расступились. Возле крыльца под фонарем сверкал лаком кузов новенького «Москвича».

— Это тебе наш подарок, отец!.. За то, что кукурузу в Сибири прописал.

ПРОПИСКА

Омская область,
Павлоградский район,
совхоз «Семяновский».

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ

АФРИКА

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

В Париже, на авеню Домениль, окруженное чугунной решеткой с завитушками, стоит длинное здание. У входа за ограду на столбах, оскалив пасти, застыли каменные леопарды. Во всю длину фасада — барельеф с символическими фигурами. Широкая лестница ведет к дверям. Над ними — две надписи. Одна, повыше,— «Колониальный музей». Вторая, покрупнее, внизу,— «Музей заморской Франции».

В 1931 году, когда открывался этот музей, Франция еще твердо держала в своих руках колонии и судьбы их населения. Но времена менялись. Пришлось менять и название «Колониальный музей». Однако надпись, высеченную на камне, уничтожать не стали, а просто повесили пониже ее другую.

Я купил у смотрителя путеводитель и долго бродил по музею. Спускался вниз, в жаркий и влажный Аквариум, где любопытные глазели на живых крокодилов и черепах, на скелеты диковинных рыб, пойманных в далеких океанах. Поднимался наверх, в полутемные залы, чтобы полюбоваться богатым собранием произведений искусства Африки и Индокитая, найденных научными экспедициями, купленных за бесценок или просто украденных в колониях. В Галерее истории рассматривал выцветшие под тропическим солнцем старые знамена колониальных полков, штаны и мундиры французских генералов, возведенных в ранг героев за участие в колониальных войнах, образцы оружия, принесшего Франции позорные победы. И все это время меня не покидала веселая мысль: «А ведь и новое название музея уже устарело. Как же назовут его теперь? Музеем рухнувшей империи? Или, может быть, закроют совсем?»

Смотритель, маленький человек с огромными седыми усами, закрученными по моде начала века, подошел и сказал:

— Мсье, до закрытия осталось пять минут.— И вежливо добавил: — Приходите завтра, пожалуйста. Музей открывается в десять.

Но назавтра я уже не мог прийти в музей. Впереди был далекий путь — в Африку, в три молодых независимых африканских государства: Мали, Гвинею, Гану. И хотелось поскорее увидеть не эту, искаженную стеклом витрин, осененную штанами колонизаторов музейную Африку, а живую, настоящую Африку сегодняшних дней. Увидеть ее лицом к лицу.

Я вышел на улицу и оглянулся на здание музея. Купленный путеводитель сообщал, что барельеф на его фасаде — самый большой в мире, что на нем высечены символические изображения Азии, Африки и Океании, а три фигуры в центре представляют собой Процветание, Мир и Свободу. Косые лучи заходящего солнца окрашивали эту идиллию в нежно-розовый цвет...

Позже, в Африке, я не раз вспоминал этот самый большой в мире барельеф, на котором изображена самая большая в мире ложь.

Изобилие африканских богатств существовало только для иностранных компаний. На лучших и красивейших зданиях в Африке и сейчас, как сыпь, вывески всевозможных «компани», «сосьете» и банков. Мир, который прославлен на барельефе музея и который колонизаторы устанавливали в своих колониях, больше всего подходил бы для кладбища: в Республике Мали мне показывали место, где французы расстреливали непокорных черных. И только одна-единственная свобода существовала на африканском континенте — свобода колониального грабежа.

Тяжелое наследие оставил колониализм африканским народам. Но нет ни капли отчаяния или растерянности в странах, ставших по-настоящему независимыми. Та Африка, которую я видел,— оптимистическая Африка. Она похожа на человека, сбросившего со своих плеч тяжкий груз. Он улыбается, этот человек, он готов шагать вперед, у него освободились руки для созидания.

В Гане, в городе Кумаси, я спросил у студента Технологического колледжа Поля Аттабра, как он представляет будущее своей страны.

— Оно будет прекрасным,— ответил он.

— Почему вы так убеждены?

— Потому что я приму в нем участие.

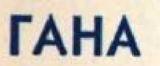
И это звучало совсем не самоуверенно. Это была вера в свои силы, в силы своей страны, вера, которую колонизаторы старались умертвить.

Какой контраст между этой верой и растерянностью бывших «хозяев» Африки, еще не понявших до конца, что же происходит на свете! На пути из Мали в Гану мне пришлось около суток провести в Абиджане, столице Берега Слоновой Кости. Эта республика формально независима, но французы еще чувствуют себя там как дома. Я приехал в Абиджан на следующий день после того, как в Алжире «ультра» подняли мятеж. Гостиница оказалась расположенной в центре европейского квартала. Я вышел посмотреть город. Было поздно, улицы были пустынны. Но европейский квартал не спал. Желтые пятна света падали из открытых окон на буйную тропическую зелень, на панель, помогая уличным фонарям рассеивать чернильную темь. Вместе со светом в пустоту и тишь улицы из окон вырывался голос парижского диктора: передавали последние известия о положении в Алжире. Я проходил дом за до-

Здание Национального собрания Республики Мали в Бамако.

В Дакаре на каждом шагу вывески французских концернов и банков.

Пустое у входа на территорию французской военной базы в Кати.

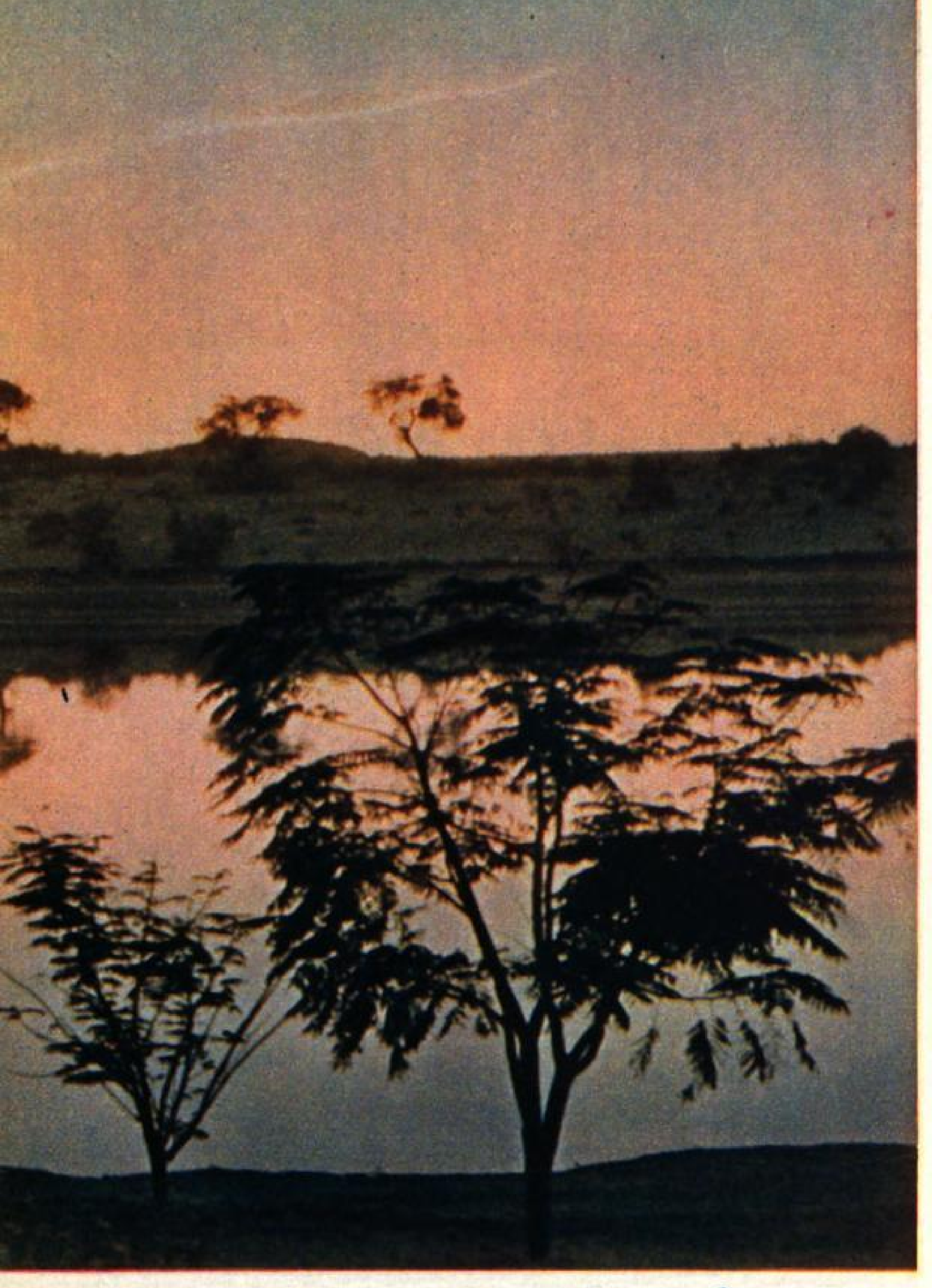


ГАНА

«Твой собственный план» — так написано на плакате, посвященном плану экономического развития независимой Ганы.

Детство.

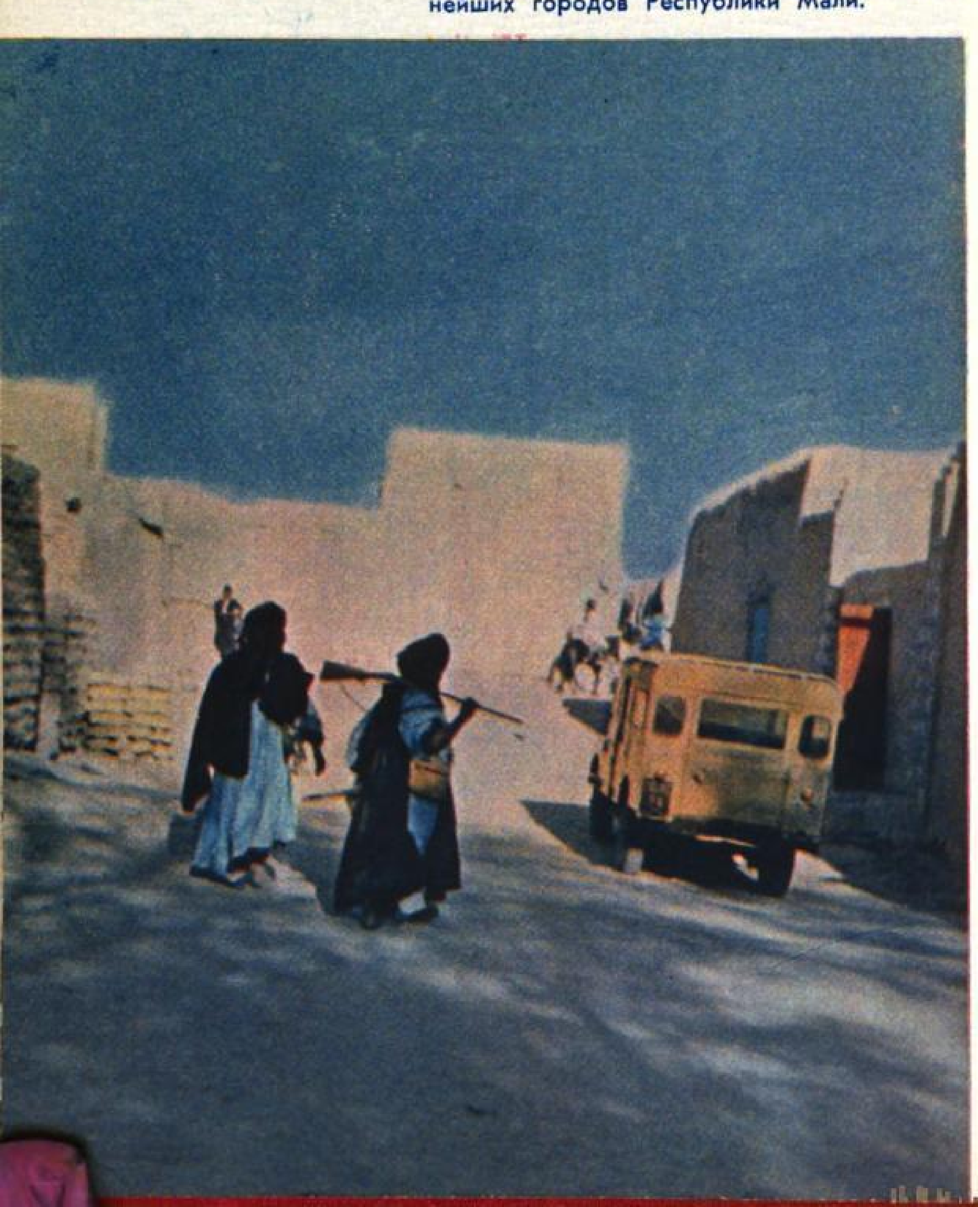
Щедра плодами земля Африки! На рынке в Кумаси.



Закат на Нигере.

МАЛИ

На улице в Томбукту — одном из древнейших городов Республики Мали.

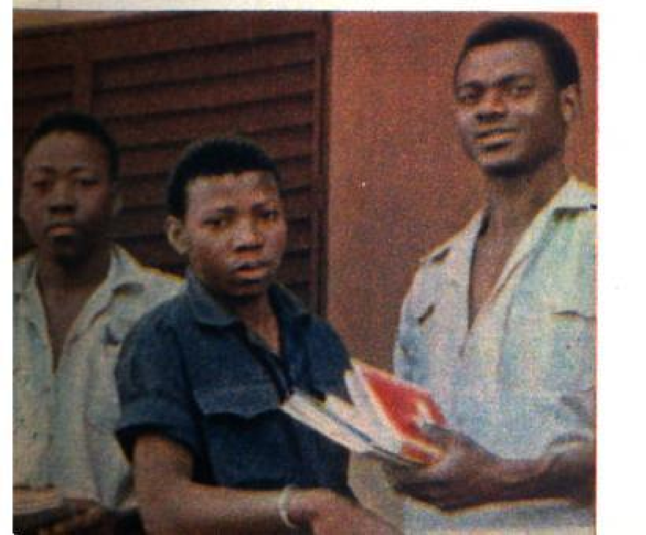


На торжествах в честь открытия аэродрома в Томбукту. Президент Рес

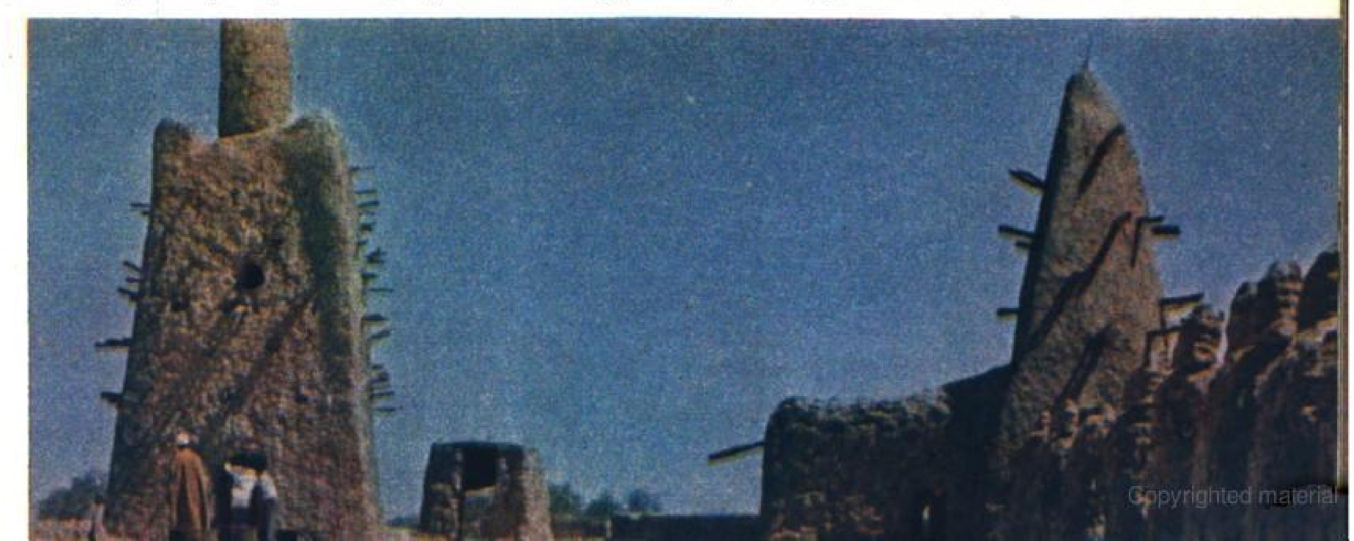
Надежда страны. Студенты Технического коллежа в столице Республики

лики Мали Модибо Кейта обходит строй почетного караула.

али Бамако.



Мечеть Джингеребер в Томбукту — памятник древней архитектуры. Она была основана в XIV веке.



У памятника жертвам колониализма в Сегу (Мали). Эти ребята будут знать о колониализме только из учебников.

Улица в Бамако.

Фото специального корреспондента «Огонька» **А. СЕРБИНА.**

мом, не встречая ни души, только слыша этот голос, звучавший из каждого окна. Виделось, как за белыми стенами домов в уютных квартирах сидели, прильнув к приемникам, настроенным на парижскую волну, директора французских компаний, всякие эксперты и советники по африканским делам, владельцы магазинов и кабачков, прочая крупная и мелкая колонизаторская сошка; сидели в напряженной душной тишине, размышляя над своей судьбой. Им не меньше, чем алжирским «ультра», знакомо жгучее желание чувствовать за чужую землю. Им было так привычно повсюду здесь, в Африке, они считали эту землю своей.

«Что будет с нами?» — повис в ночи их немой вопрос.

1

Генерал был весь зеленый — от времени и, наверное, от злости.

Он стоял на каменном пьедестале в центре Бамако, столицы Республики Мали, спиной к пустующему католическому собору, и сердито смотрел зелеными глазами на окружающее. Как сообщала надпись на пьедестале, генерал Густав Борньи-Дебуржи заслужил себе памятник тем, что с 1881 по 1883 год вел в Судане войну во славу Франции и на горе местным племенам и в 1883 году вступил в Бамако. О действиях французских войск в Судане очевидец рассказывал так: «Всякий мужчина, взятый в плен, немедленно обезглавливается; женщин и детей превращают в рабов, раздают стрелкам и воинам вспомогательных частей...»

История восьмидесяти лет французского господства в Мали еще не написана. Ее напишут сами малийцы, и это будет рассказ о том, как никогда не утихала в сердце народа ненависть к поработителям, вспыхивая пламенем протестов и восстаний.

В Мали я услышал замечательную пословицу: «Если ты увидишь лицо чужеземца, ты увидишь и его затылок». Лицо колонизаторов было страшным. Затылки их выглядят смешно. В апреле и мае французы эвакуировали свою военную базу в Кати — небольшом городке вблизи Бамако. Это делалось по требованию правительства Республики Мали. По ночам, когда все спали, через столицу проходили колонны автомашин. Они шли с потушенными фарами. Не было ни барабанного боя, ни развевающихся знамен. Уходил в прошлое колониализм. И французский бронзовый генерал сердито таращил в темноте пустые глаза. Ему было от чего позеленеть: он оставался единственным представителем колониальной армии в Мали...

А потом наступало утро, до невозможности жаркое и яркое.

Одним таким утром я взял машину и отправился в Кати, посмотреть на базу, пока французы еще не совсем очистили ее. Друзья в Бамако предупреждали:

— Лучше не останавливайся. И поменьше фотографируй. Французы сейчас злые.

Перевалив через невысокую гору, мы увидели в низине Кати. База была расположена на окраине при въезде в город. За окном машины потянулись проволочные заграждения, здания для жилья, полигоны, площадки для игры в мяч, интендантство — все вперемежку. Людей не было видно. Фотографировать, собственно говоря, было нечего. Около офицерского клуба нашу машину остановил полицейский-малиец. Пока он проверял документы у шофера, я сфотографировал офицерский клуб, ворота, ведущие на территорию базы, через которые никто не въезжал и не выезжал, вывеску на воротах. Ничего интересного. Мы отправились дальше, к центру Кати.

Захотелось пить. Шофер остановил машину. Улица была похожа на те, которые я видел на окраинах Бамако, — пыль, глиняные стены домов без окон, несколько деревьев по обочине. В их тени отдыхали люди. Две женщины торговали разложенными на кучки орехами кола.

— Вон там, — сказал шофер и протянул руку в направлении небольшого здания европейского типа с вывеской «Ле Сирано».

Внутри ресторанчика было пусто. Минут через пять появился хозяин — молодой, круглолицый и круглотелый француз.

— Мсье?

— Содовой воды, пожалуйста.

— Извините, нет. Плохо со снабжением. Хотите пива?

Бернар Монне, хозяин «Ле Сирано», был совсем не прочь поговорить с русскими. Мы спросили, как идут его дела. Мсье Монне стал жаловаться: после провозглашения республики снабжение стало хуже.

— А кто снабжает?

— Ну, конечно, французские компании.

— Так за чем же стало дело? Может быть, это связано с тем, что из Мали уходят французские войска?

Монне молчит, потом начинает ожесточенно грозить кому-то толстым указательным пальцем:

— Я же им говорил! Говорил, что добром не кончится! Но кто меня будет слушать! Вот теперь, пожалуйста, дождались!

«Они» — это, оказывается, французская администрация. Монне основал свое заведение, когда Мали еще называли Французским Суданом. Каким-то чиновникам он пытался доказать, что, если они хотят быть здесь, они должны изменить политику («Ведь малийцы — тоже люди, мсье, не правда ли?»). Теперь он зол на тех, кто ушел и кто собирается уходить. Ему-то оставаться, у него и жизнь и надежды — здесь, в этом заведении. Бернар Монне был, конечно, наивен: он полагал, что можно было что-нибудь изменить в ходе событий, неизбежный конец которых — независимость страны — наступил. Но он был и прав: колонизаторы действительно провалились здесь со своей политикой.

К стойке подошел человек во французской военной форме — защитного цвета гимнастерка с открытым воротом и короткими рукавами и короткие штаны, из которых торчали тонкие ноги в тяжелых солдатских ботинках. Он оглядел нас своими серыми, близко поставленными глазами, снял с головы пилотку, сунул ее под погон, подмигнул хозяину и сказал:

— Танго!

— Ты еще не уехал? — спросил его Монне, доставая большой стакан. Наполнив его пивом, он плеснул туда немного сиропу, размешал все это длинной ложкой, аккуратно снял пену и придвинул стакан вновь пришедшему.

— Нет еще, — ответил тот и потянул танго через соломинку. — Еще три дня — и там фюйть!

Новый посетитель оказался старшим сержантом французской армии. Денонсе — так звали его — был профессиональным военным.

— Начал еще во вторую мировую войну. И вот с тех пор... — Старший сержант похлопал себя по погону.

— Много было дел после войны? — спросил я.

— Были дела, — сказал Денонсе, болтая соломинкой в стакане. — Вьетнам. Потом Алжир. В пятьдесят четвертом, когда там все началось, я был в числе первых, высадившихся в Алжире. Теперь здесь.

— Но тут-то вам осталось недолго?

— Недолго, — согласился Денонсе.

— Не завидую я вашей солдатской судьбе, — посочувствовал я.

— Почему? — оторвался от стакана мой собеседник.

— Слишком часто приходится уходить. Из Вьетнама ушли. В Алжире вас лично уже нет, наверное, не будет скоро и остальных ваших коллег. Теперь вот уходите отсюда. И, кажется, вас не провожают цветами.

Денонсе почувствовал иронию. Он засопел и сказал, поглядывая на меня искоса:

— А мы не уходим. Мы перегруппировываемся.

— То есть?

— Остаемся в Африке. И будем здесь неподалеку — в Дакаре.

Денонсе стал важным, словно именно он придумал эту хитрую операцию с эвакуацией.

Действительно, им еще есть куда уходить. На улицах Дакара, столицы Сенегала, я встречал не раз и французских солдат и французских военных моряков с помпонами на круглых шапочках. Теперь туда едет и Денонсе! А ведь есть во Франции люди, которые утверждают, что никакого неоколониализма не существует!

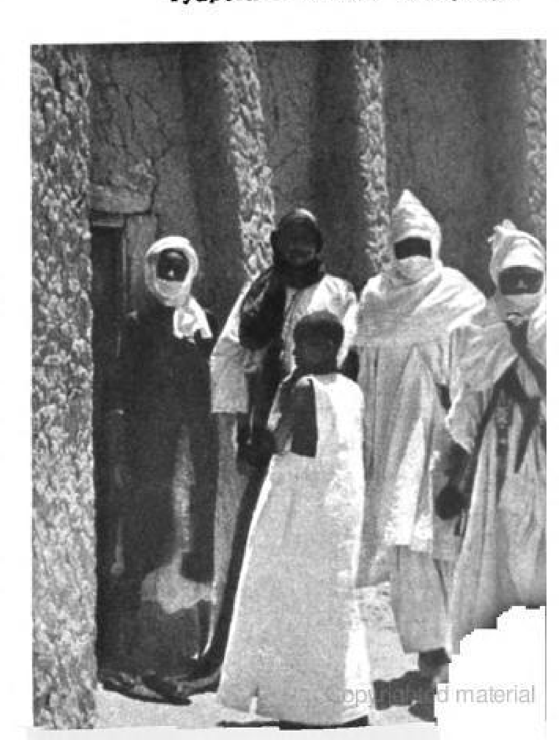
С Денонсе мы расстались вежливо. Он пожелал мне счастливого пути. Я ответил тем же. Денонсе снова засопел и искоса взглянул на меня. Ему опять послышалась в моих словах ирония.

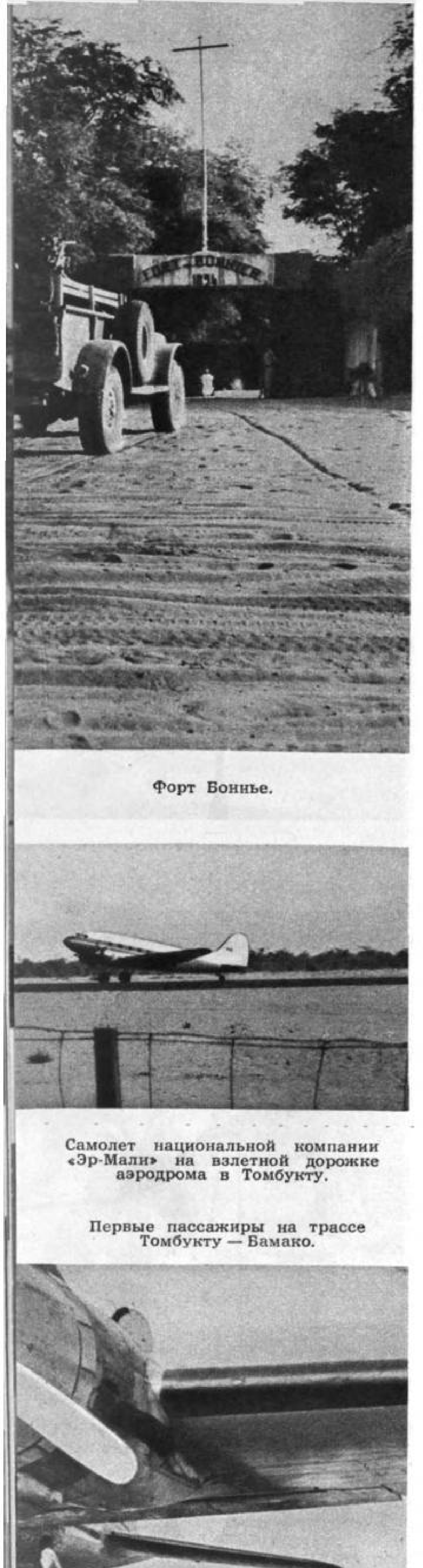
В Мали мне удалось увидеть еще одну бывшую французскую военную базу. Это было в Томбукту.

Восемьсот с лишним лет назад на берегу Нигера рабыня из одного берберского племени вырыла колодец. Вскоре вокруг колодца вырос поселок. Рабыню звали Букту. Ее имя дало название и будущему городу. «Томбукту» в переводе значит «Колодец Букту». Так гласит предание.

Один из древнейших городов республики, ровесник Москвы, Томбукту пережил большую историю. Во времена древней империи Гана народы Черной Африки вели здесь торговлю с племенами из Северной Африки. Томбукту входил в состав империи Мали, потом стал городом, которым владело племя туарегов, достиг новой славы в государстве Сонгаи. О Томбукту было известно и в Европе. В XV—XVI веках Томбукту был одним из главных центров мусульманского мира, где жили и работали ученые — математи-

Туареги — жители Томбукту.





Форт Боннье.

Самолет национальной компании «Эр-Мали» на взлетной дорожке аэродрома в Томбукту.

Первые пассажиры на трассе Томбукту — Бамако.

ки, астрономы, географы, где слагали стихи поэты и составляли хроники историки.

Мы, группа иностранных корреспондентов, прилетели в Томбукту на открытие аэродрома. Аэродром,— собственно говоря, это пока только одна бетонированная взлетная полоса — был первой стройкой молодой республики. Томбукту раньше связывали с другими городами республики лишь караванные тропы, скверная дорога, по которой с трудом пробирались машины, да водный путь по Нигеру. Теперь открывалась воздушная дорога.

Было впечатление, что мы попали в сказку — так своеобразно красив Томбукту с его выстроенными из песка и глины желтыми домами с плоскими крышами, причудливыми, сделанными из того же строительного материала верхушками мечетей, с живописными нарядами туарегов, с важными верблюдами, цепочкой шагающими по улицам. И все это было залито таким ярким солнцем, светившим с такого голубого неба, что не оставалось никаких сомнений: да, это сказка.

Но вот это уже совсем не из сказки: высокие, тоже из желтой глины, стены, ворота, по обеим сторонам которых нацеленные на площадь две пушки, над воротами доска с надписью: «Форт Боннье. 1894».

— Приехали,— сказал солдат малийской армии, который вез нас на машине с аэродрома.— Вы будете жить здесь.

Память подсказала: в 1894 году французский полковник Боннье с отрядом из 90 человек добрался до Томбукту. Форт — это, так сказать, памятник архитектуры времен колониализма. Несладко, наверное, было пришельцам: не зря они строили такие толстые стены. Теперь здесь размещаются войска Мали. От французов остались только стоящие у ворот старые пушки, из которых нельзя стрелять, да вывеска.

Томбукту даже еще сейчас называют «таинственным». Но теперь — только по традиции. Раньше Томбукту долгое время был закрыт для европейцев. Как показала история, жители Томбукту опасались их не напрасно: из Европы было принесено сюда колонизаторское ярмо. Теперь нет ничего таинственного в этом городе, потому что люди, живущие здесь, гордятся, радуются и печалятся тем же, что и все люди на земле. Они горды, что их город дал приют нынешнему президенту республики Модибо Кейта, когда в 1945 году французская администрация выслала его за антиколониалистскую деятельность из Бамако. Они радуются тому, что в их городе теперь пять школ, что правительство намерено строить здесь плотины, чтобы воды Нигера оросили землю, что скоро в городе воздвигнут современные здания и проложат новые улицы. Но больше всего они рады тому, что их страна стала независимой и у нее много друзей.

Однажды я вышел из своей комнаты в военном форте и зашел в соседнюю, где жили корреспонденты из Китая и Вьетнама. Навстречу мне бросился человек. На черном лице восторженно блестели глаза.

— Тоже русский? — спросил он и, получив в ответ утвердительный кивок головы, стал обнимать меня, повторяя:

— Мерси пур Гагарин! Мерси пур Гагарин!

Все, кто был в комнате, весело улыбались.

Мой товарищ, корреспондент ТАСС, рассказал, что предшествовало этой сцене. Он зашел в ту же комнату, когда Усман Дьоп уже сидел там, разговаривая с китайским и вьетнамским журналистами. Усман сразу замолчал, неприязненно поглядывая на вошедшего. Потом он не выдержал:

— Послушайте, мсье, а вы знаете, что я дезертир?

Начало разговора было не совсем обычным. Мой товарищ удивленно посмотрел на Усмана.

— Да, я дезертировал из французской армии, из вашей армии! — продолжал Усман.— И горжусь этим!

Но тут, очевидно, по выражению лица того, к кому обращался, он понял, что ошибся. Спросил:

— Из какой вы страны?

— Из Советского Союза,— был ответ.

И тогда в комнате бывшего французского форта случилось то же, что произошло через несколько минут, когда вошел я. Усман бросился обнимать корреспондента ТАСС, взволнованно произнося: «Спасибо за Гагарина!»

Секретарь городского суда Усман Дьоп был очень рад увидеть русских. А нам было удивительно приятно здесь, в Томбукту, за тысячи километров от родины, слышать, как Усман называл имена Горького, Чехова, Толстого, произведения которых он читал, и видеть, как он, загибая пальцы, перечислял названия ленинских книг, которые у него есть в его библиотеке.

— Я мусульманин,— говорил нам Усман.— Но я считаю, что Ленин выше, чем Магомет. Да, я так считаю. Потому что Ленин — это не проповедь, это — дело.

И потом он снова благодарил нас: и за Гагарина, и за то, что Советский Союз — друг Мали, и за советскую позицию в вопросе о Конго...

Если в разговоре с африканцем ты упомянешь Конго, он отзовется сразу. Боль Конго — это его боль, и каждый здесь носит в своем сердце траур по Лумумбе.

Во время торжественного открытия аэродрома в Томбукту я купил маленький портрет Лумумбы. Эти портреты-значки из бумаги продавала девушка — активистка молодежной организации Мали. Деньги, собранные от продажи значков, должны были пойти на помощь конголезскому народу. Я видел такие значки у многих: у президента Мали и на сверкающей красками одежде туарега, у солдата малийской армии и у дипломата из соседней с Мали африканской страны, у юношей, у женщин, у стариков. Купил значок и один американский журналист, Джон Макгуайер, представитель нью-йоркской газеты «Уорлд телеграм энд Сан». Но из-за него американскому журналисту пришлось пережить несколько неприятных минут. Вот что рассказывал Макгуайер.

Американский посол, присутствовавший на торжествах, заметил значок на груди Макгуайера и строго произнес:

— Слушайте, что вы делаете? Вы понимаете, что вы делаете?

Маленький, сухонький Макгуайер поднял свою голову с седым хохолком и наивно произнес:

— А что?

— Этот значок! Да известно ли вам, куда пойдут деньги, которые вы заплатили? Ги-зен-ге!

— Наверное, Гизенге,— пожал плечами журналист.

— А вы знаете, как мы относимся к правительству Гизенги? — строгим тоном продолжал дипломат.

— Я ему тоже не симпатизирую,— ответил Макгуайер.— Но Лумумба, по-моему, был хороший человек.

Дипломат явно не разделял мнения журналиста. Но и журналист хотел отстоять свое право поступать так, как ему хочется. И он спросил дипломата:

— Вы республиканец?

— Да, но почему?..

— Я так и думал,— закивал журналист седым хохолком.— И еще я думаю, что настанут времена, когда даже в Мали будет умный американский посол.

— По-моему, он был взбешен,— говорил позже Макгуайер.

Чем кончилась для Макгуайера единоборство с послом, я не знаю. Но злоключения его продолжались. На одной из площадей Томбукту американского журналиста со значком, где был изображен Лумумба, обступил народ. Макгуайер был общительным человеком, и на этот раз он тоже был, очевидно, готов завязать знакомство. Его спросили:

— Кто вы?

— Я американец,— ответил Макгуайер.

— Американец! — заговорили в толпе.— Это вы убили Лумумбу!

Настроение людей вокруг изменилось. Атмосфера накалялась все больше, и дело стало принимать угрожающий для журналиста из Соединенных Штатов оборот. Но в конце концов все кончилось более или менее благополучно для Макгуайера.

В своей газете американский журналист не занимается политикой. Он ведет отдел путешествий. И он никак не мог понять, почему так изменилось к нему отношение, как только он назвался американцем. «Очень жаль, что убили Лумумбу,— говорил он,— но при чем здесь Соединенные Штаты?»

Малийцы оказались гораздо грамотнее политически, чем американский корреспондент. Может быть, потому, что долгий опыт научил их понимать, что такое колониализм, как он действует и кто ему помогает.

...В тот день, когда мы должны были проститься с «таинственным Томбукту», у ворот форта Боннье стройными шеренгами встали солдаты малийской армии. На воротах название форта было завешено белым полотнищем. Заиграл военный оркестр. Президент Республики Мали Модибо Кейта, принимавший участие в церемонии, подошел к воротам, чтобы снять полотнище. На месте старого названия открылось новое: «Форт Шейх Сиди Бакайе». Это было имя национального героя малийского народа, который сражался за независимость, против стрелков полковника Боннье.

Оркестр заиграл гимн Республики. Замерли солдаты в шеренгах, президент приложил руку к краю своей шапочки.

Так было стерто с малийской земли еще одно пятно, оставленное колониализмом.

Продолжение следует.

Вертолет с доктором Гомером Семерджиевым прилетел на пастбище Сары-Камыш в центре Тянь-Шаня.

Гомер Семерджиев (слева) — свой человек у животноводов.

Фото К. Толстокулакова.

Гомер летит

Толен ШАМШИЕВ

Я сижу в юрте и, стараясь говорить как можно тише, осторожно расспрашиваю старого Джусабека:

— Как же это случилось?

По коричневому морщинистому лицу чабана текут скупые мужские слезы. Старик сокрушенно машет рукой, грустно отвечает:

— Забыл, видно, мой Рахмет старую пословицу: один раз в году и незаряженное ружье стреляет.

Рядом с нами на груде одеял и подушек лежит двадцатилетний сын Джусабека. Юноша без сознания, грудь его вздымается тяжело. Где-то глубоко застряла пуля — результат неосторожного обращения с охотничьим ружьем.

С запада быстро надвигается свинцово-черная туча. Она словно сваливается с гор, заполняя непроглядной мглой широкое и глубокое ущелье, на дне которого затерялась юрта старого чабана колхоза «40 лет Октября». Пригибая к земле траву и мелкий кустарник, порывами налетает ветер. Тучу то и дело пронзают молнии, глухо и непрерывно погромыхивает гром.

Я-то знаю: в такую погоду самолеты не летают. Но разве хватит сил, чтобы сказать об этом Джусабеку? И чтобы хоть чем-то нарушить гнетущее молчание, спрашиваю:

— Джусабек-аба, а что тебе сказали на радиостанции, какой доктор должен прилететь?

— Гомер Семерджиев. Понимаешь, сам Гомер!

Сколько раз я слышал это имя, объезжая сырты Приссыккулья, Кенес-Анархая, Сусамыра и другие высокогорные пастбища Киргизии! Не только взрослые, но и ребятишки, завидев самолет или вертолет над горами, где не пролегает ни одна авиационная трасса, категорически заявляли:

— Это наш доктор летит, Гомер Семерджиев.

Конечно, в горы по вызовам, переданным с пастбищных радиостанций, вылетают и многие другие врачи. Но все же чаще всего там бывает сам Гомер Семерджиев — опытный хирург, начальник санитарной авиации Киргизской республики.

Ему сорок пять лет. Он кряжист и силен. Видимо, его дела требуют от него не только врачебных знаний. Например, первую баню на горных пастбищах он сам построил с помощью двух своих помощников-фельдшеров. Кое-кто упорствовал: не было бань на пастбищах и не надо. А Семерджиев настаивал: надо, необходимо! Кончилось тем, что он сам построил баню. А попробуйте найти сейчас хоть одно крупное пастбище, где бы не было своей бани!

...А гром все громче, грознее. И вот уже черная туча своими холодными мохнатыми лапами подбирается к самой юрте Джусабека. Но что это? Порыв ветра донес характерное стрекотание — «стрекоза»! Джусабек первый заметил вертолет и отчаянно замахал руками.

— Гомер, Гомер летит! — кричал он.

Ветер усилился. Десятиместный «МИ-4» долго нацеливался на облюбованную крохотную площадку; его сносило и трепало, как галку во время бури. Наконец он сел, дрожа и качаясь под ударами ветра.

— Да, задача,— осмотрев раненого, проговорил Семерджиев.— Оперировать надо немедленно и немедленно же доставить в клинику... Перенести больного в вертолет! — вдруг решительно приказал он.

Через несколько минут вертолет взмыл в воздух. Его швыряло, поворачивало, но он набирал скорость и уходил от грозы. А я все думал: удастся ли им довезти Рахмета живым?

Спустя несколько дней, уже во Фрунзе, я был ошеломлен заметкой в республиканской газете. В ней говорилось, что впервые в истории медицины хирург Гомер Семерджиев произвел в кабине вертолета сложную операцию. Больной Рахмет Джусабеков находится в клинике и чувствует себя хорошо. Вертолет в этом трудном рейсе вел близкий друг Семерджиева, командир вертолетного подразделения Борис Митрофанович Мирошкин.

* * *

Санитарно-авиационная станция помещается в небольшом домике, что уютно пристроился в уголке обширного парка Фрунзенской клинической больницы. Мне пришлось побывать здесь несколько раз, прежде чем удалось застать Семерджиева. И вот мы сидим в небольшой комнатке. На стене — географическая карта Киргизии. Вся она усеяна красными флажками. Так помечены места посадочных площадок. А ведь каких-нибудь десять лет назад самолеты могли сесть лишь в нескольких горных районах!

...Из колхоза «Пограничник», Тянь-Шаньской области, была получена радиограмма: «Спасая в буран отару овец, простудился и тяжело заболел чабан Манза Абраимов. Нужна скорая помощь». Вертолет в это время был в рейсе. Семерджиев полетел на самолете «АН-2», который пилотировал Михаил Зиновьевич Бегма. Приземлились в урочище Арпа, около пастбищной радиостанции. Оказалось, что отсюда до больного надо добираться километров десять — двенадцать. Как быть?

Семерджиев посасывает черную изогнутую трубочку, пуская клубы ароматного дыма, и увлеченно продолжает рассказ:

— Можно было, конечно, сесть верхом на лошадей. Но как потом везти обратно тяжелобольного? Да и громоздкую аппаратуру на лошадь не навьючишь. Решили ехать к больному на самолете. Да, да! Ехать по земле, без дороги, в объезд бесчисленных бугров, кочек, каменных глыб. Михаил Зиновьевич Бегма посадил рядом с собой проводника, и мы отправились. И ничего. Добрались. Я тут же занялся больным. У него было двухстороннее крупозное воспаление легких. Что делать? Я приказал перенести больного в самолет и решил тем же способом добираться до радиостанции:

— Поехали!

— Ехать нет надобности,— отвечает Бегма.— Можем взлететь здесь.

— Как то есть здесь? — удивился я.

— А очень просто,— говорит Бегма.— Пока вы были заняты больным, чабаны расчистили площадку для взлета. Можете полюбоваться!

И действительно, бугры срезаны, камни отнесены в стороны.

Колхозники обступили меня. Толкуют: теперь, дескать, летайте к нам, доктор, смело. Мы для вашего самолета еще лучшую дорогу сделаем.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Семерджиев снял трубку, и на его лице заиграла озорная улыбка.

— А, Петр Иванович! День добрый! Да-да, это я вас вызывал. Уже догадываетесь? Отлично! Что? Взяли карандаш? Прекрасно, записывайте! На Сусамыре в магазине райпо, возглавляемого вами, Петр Иванович, уже несколько дней нет чая, керосина и даже спичек. Что? Не верится? А вы съездите да убедитесь. Кроме того, на исходе боеприпасы для охотничьих ружей и меховые рукавицы. Что? Все сегодня пошлете? А это точно? А то, признаюсь, Петр Иванович, я на междугородной одновременно заказал также разговор и с секретарем райкома партии. Что? Отменить заказ, сами сделаете? Что ж, прекрасно, будьте здоровы!

Семерджиев положил трубку и, озорно подмигнув, сказал:

— Можете не сомневаться, теперь сделает.

— А это что, тоже функция санитарной авиации? — не скрывая удивления, спросил я.

— А как же! — встрепенулся Семерджиев.— То есть официально нам никто этого в обязанность не вменяет. Но мы, медики, работающие на пастбищах, считаем это своим прямым долгом. Животноводы постоянно должны быть обеспечены всем необходимым. Это, как нетрудно догадаться, другой раз не менее важно, чем килограмм пенициллина.

Что только не входит в круг деятельности санитарной авиации, особенно в такой горной стране, как Киргизия!

* * *

Недавно мне довелось побывать на пастбище Кенес-Анархай, в гостях у старого Джусабека. Его сын Рахмет давно уже выздоровел. При мне он объезжал молодого горячего жеребчика. Когда разгоряченный, вздрагивающий конь умчал юношу в степь, Джусабек сорвал с себя шапку и в восторге шлепнул ею о землю.

— Люби, всегда люби коня! — воскликнул он, обращаясь ко мне.— Конь — это крылья человека. Так исстари говорили киргизы.

И тут вдруг до нашего слуха донеслось знакомое стрекотание. Высоко в небе плыл вертолет, держа курс на пастбищный культцентр.

— А! Наш доктор летит,— сказал я.

Старик усмехнулся.

— Нет, сегодня он без доктора. Везет лимоны, яблоки.

— Откуда ты, аксакал, все знаешь?

— Узун-кулак — длинное ухо,— спокойно ответил Джусабек.

Мне это было понятно: быстроногий конь, смелый всадник. Так издавна распространяются новости и в наших горах и в бескрайних степях соседнего Казахстана.

Вдали возникло темное пятнышко, приближающееся к нам. Скоро мы различили коня и всадника. Рахмет приник к голове покорившегося его воле гнедого красавца и несся, как птица. Конь не успел доскакать до нас, когда вертолет растаял в голубой дымке.

Джусабек на минуту задумался. Взглянул в степь, по которой к нам мчался Рахмет, взглянул на небо, в котором даже его зоркий глаз не мог отыскать след вертолета, потом вдруг обнял меня и произнес:

— Коня ты, конечно, люби. Конь — друг человека. Но крылья... Придет время — на этих крыльях полетит и мой Рахмет. Он уже не раз говорил мне, что хочет стать летчиком.

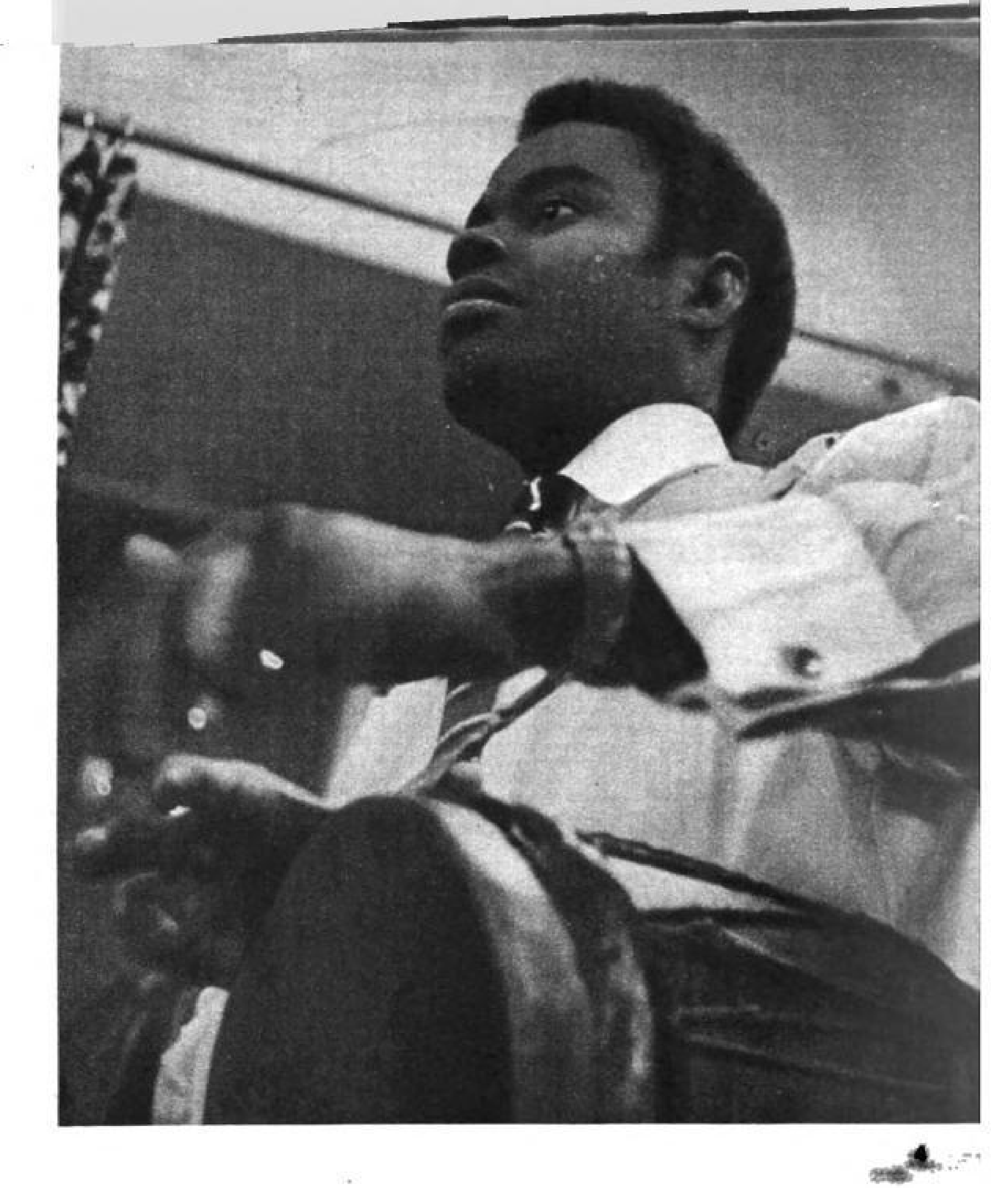
Перевел с киргизского К. ТКАЧЕНКО.

1

И. С. Т.

2

3



4

1. Сегодня в МГУ открытие Интернационального студенческого театра.
2. «Камбала» — танец сильных. Его исполняют суданские студенты.
3. Американские прерии так же беспредельны, как наши степи. Практиканты из США поют русскую народную песню «Степь да степь кругом».
4. Дин Вангура знакомит слушателей с гвинейскими мелодиями.
5. Студент Тони Руми занят в инсценировке «Свадьба в ливанской деревне».

В. СТАРОВЕРОВ, студент МГУ

Сламет и Дудунг — веселые и любознательные парни. Сламет дружит с Дудунгом, Дудунг со Сламетом, и оба увлечены путешествиями. С одной звонкоголосой гитарой, с одной тощей котомкой на двоих и с неистощимым запасом бодрости вышли они в дорогу по стране вечного лета — Индонезии.

Путешествия всегда примечательны приключениями...

На острове Суматра друзья попали в общество, где еще царит матриархат, и здесь чуть не оказались в плену у очаровательных суматрянок, покоривших их сердца в поэтичном танце. И только непреоборимая страсть к путешествиям спасла Сламета и Дудунга от брачных уз.

Вот опять пробираются они по джунглям Явы. Сламет утешает Дудунга, Дудунг — Сламета. Друзья идут по стране вечного лета. Вместе с ними и зритель переносится воображением в села и города Индонезии.

Гремит большой барабан — дрем, дробно стучит маленький спаренный барабан, и частой дробью вторит совсем уж маленький барабан — тико. Играют индонезийские студенты. Девушки из Индонезии — Картина Сувандо Онгко и Тум Астиани исполняют грациозный и очаровательный танец бабочек. В напряжении застыл Джойо Пардоно, следя из-за кулис за игрой товарищей. Он еще подростком прошел по следам Сламета и Дудунга, но не с нежно рокочущей гитарой, а с оружием в руках. И не грациозные танцы очаровательных девушек встречали его на Яве, на Суматре и на Сулавеси, а огонь автоматов голландских колонизаторов. В дни передышек между сражениями бойцы народно-освободительной армии помогали крестьянам в полевых работах...

Звонко поет гитара Сламета-Зоубира Лело, танцует Дудунг-Авал Узхара. Идет спектакль ИСТа — Интернационального студенческого театра.

ИСТ — самый молодой театр в нашей стране. Но не этим он примечателен. Это первый и пока единственный в мире интернациональный студенческий театр. Его коллектив насчитывает свыше 800 артистов. Они представляют более чем 30 стран Азии, Америки, Африки и Европы. От актеров до гримеров и рабочих сцены участники ИСТа — студенты и аспиранты московских вузов. Это будущие врачи, экономисты, инженеры...

Национальными коллективами руководят участники землячеств, обучающиеся в вузах Москвы. Здесь частыми и желанными гостями бывают деятели искусств столицы, зарубежные гастролеры... Главный режиссер театра — Михаил Маршак.

Родился ИСТ несколько месяцев назад. Большое оживление царило тогда в клубной части МГУ. По лестницам взад-вперед сновали студенты — черные, белые... Звучала гортанная речь арабов и мелодичный вьетнамский говор. В яркий поток сливались национальные одежды: сиреневое сари и яркие африканские накидки, чалма и сомбреро, румынские безрукавки и украинские вышитые рубашки...

Я увидел индонезийца Джойо Пардоно и обрадовался: хоть кто-то мне разъяснит, что происходит у нас в университете.

Джойо считался старожилом.

— Театр создаем. Интернациональный театр! Это будет большая штука!.. Важная штука! — широко улыбнулся Джойо.— Что ты знаешь о нашем искусстве? — вдруг спросил он меня.— Ну вот, мало знаешь. Мы живем в одном общежитии, сидим в одних аудиториях, а ты мало знаешь о нашем искусстве, я мало знаю об искусстве страны монгола Шугера Церендуламыни...

Джойо, всегда флегматичный, спокойный, разгорячился.

В Москве обучаются десятки тысяч иностранных и советских студентов разных национальностей. Неповторимо своеобразие их искусства. Но оно в лучшем случае оставалось достоянием небольших землячеств.

Мы с Джойо прошли за кулисы. Там взбудораженные студенты говорили тоже об ИСТе.

— Настоящее искусство никогда не разъединяло людей: всегда объединяло их, сплачивало,— сказал студент-индонезиец Батара Хутагалунг.

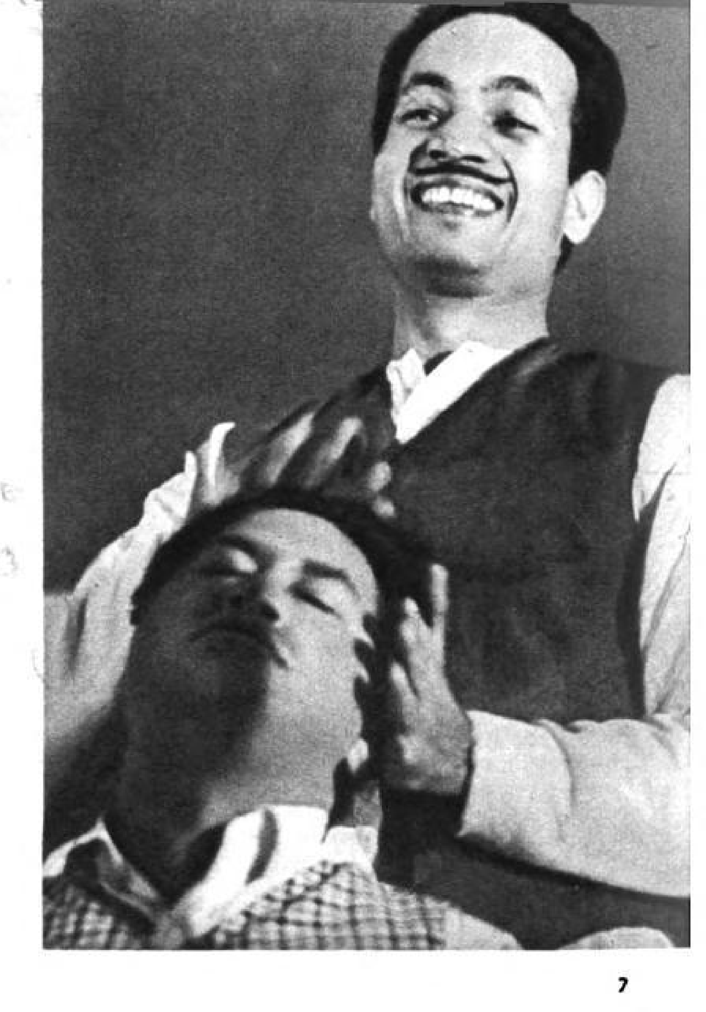
И это действительно так. Люди сплотились уже в ходе создания театра, пока шел конкурсный отбор. Землячества давали концерты один лучше другого, устраивали вечера. Конкурсное жюри и художественный совет ИСТа составляли программу премьеры.

И вот загремели фанфары. Падает занавес, и перед зрителями, собравшимися в Актовом зале МГУ, появляется эмблема — смеющаяся маска и буквы «ИСТ» на фоне земного шара. Приветствуя зрителей, появляются представители стран четырех континентов в своих национальных костюмах.

Проректор МГУ Иванов вручает суданцу Монэму, который ведет программу, маленький глобус —

5

6



7

эмблему ИСТа. Закружился глобус... Началось представление, Грациозно танцует индийская девушка. Да это Инду Лекха, стажер филологического факультета! Профессор Галкина-Федорук не может нехвалиться ею. Инду Лекха в совершенстве овладела русским языком, изумив своих профессоров, а сегодня она очаровывает и изумляет зрителей пластичной динамикой танца.

К слову сказать, только в Советском Союзе начала танцевать Инду Лекха.

Национальные танцы показывают студенты Ганы. Прошло четыре года, как Гана освободилась от колониального рабства, но и сейчас не забыла она «цивилизованных» притеснителей. Не может их забыть молодой паренек — ганец Акуа, сын мелкого торговца из пригорода Виммиба. Только с победой национального фронта смог парень получить доступ к высшему образованию, как и его товарищ Самми Кеннади Мбро.

Веселого, общительного Фиделя Масамба многие знают в МГУ. Бурными аплодисментами встречает зал появление Фиделя. Суровым и строгим становится добродушный африканец, когда запевает песню о вожде своего народа Патрисе Лумумбе.

Китайцы поют свои народные песни. Кубинскую румбу танцует интернациональная сборная хореографическая группа. Студентка экономического института вьетнамка Шонг Нга танцует узбекский народный танец. А практиканты из США исполнили русскую песню «Степь да степь кругом»...

Дружба, мир, братство царят за кулисами. Румынка Эля Бежан помогает подготовиться к выходу непальским девушкам Оми Кришна и Мине Кумары. Фидель Масамба обменивается адресами с первой скрипкой чехословацкой группы. Они только что познакомились...

Откуда-то из радостной, шумной толпы вынырнул непалец Дип Шиям. Его блестящие глаза и широкая улыбка лучше слов говорят о хорошем настроении.

— Здо́рово! — выпаливает он.— Во всем свете нигде больше нет такого театра!

6. Китайские девушки показывают танец с зонтиками.

7. «Веселый массажист из Бомбея» очень понравился в Москве.

8. Сцена из индонезийского спектакля «В стране вечного лета».

9. Их знакомство состоялось в день премьеры. Фидель Масамба и чех Станислав Гинар тут же обменялись адресами.

Фото Е. Умнова, студента МГУ А. Жигайлова и сотрудника МГУ Е. Леонтьева.

8

9

На острове идет снег...

Н. ТАРАСЕНКОВА

Рассказ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Петру Николаевичу Нефедову стукнуло пятьдесят два. Он не хотел праздновать свой день рождения, как раньше, когда была жива жена, а его дочь Сима, еще совсем подросток, в неуклюжих высоких унтах отплясывала в этой комнате русского. Он не хотел никого приглашать. Да и не такая уж цифра, чтоб хвастаться.

Но к вечеру нагрянули гости. Они дружно простучали ногами, отряхивая снег, сбросили в кучу на кровать свои меховые куртки, достав перед этим из карманов выпивку и закуску.

Пришли все летчики. Еще сегодня они ругались с Нефедовым, бранили его за нерасторопность. Он ведь начальник грузоперевозок, от него зависит — «пропустить» или «не пропустить» летную погоду.

Петр Николаевич не спорил с ними. Но когда все было готово и довольные летчики пожимали ему руку, он сказал, тяжело вздохнув:

— И когда я от вас уеду? Ну вас всех к лешему!

Но летчики не улетели в тот день. Они сказали, что остались специально ради дня его рождения. Нефедов знал: просто аэродром Тикси не принимает,— но ему было приятно, что так говорили летчики.

И вот гости сидели за столом и поднимали стаканы за его здоровье, за долгую жизнь и за то, чтобы в этом году он непременно поехал в Сухуми.

И Петр Николаевич, поглаживая бритую голову, говорил о том, что уже все хорошо знали: что родился он в Сухуми и, хотя еще совсем мальчиком очутился на севере, все-таки хочет побывать в этом городе; что прошлым летом в Сухуми ездила Симка и, вернувшись, сказала коротко: «Ох, и устала я, папка! Жарища!» А сегодня Симка прислала радиограмму: «Целую, поздравляю, дочка».

И снова наполнялись стаканы. Пили за Симу — смелую дочку полярника. И снова желали Нефедову уехать на юг.

А наутро летчики, как обычно, ругались с Петром Николаевичем, хотя их вылет от него уже не зависел. Просто по привычке. И, как обычно, Нефедов молча выслушивал их и говорил:

— Ну вас всех к лешему!

Он действительно собирался уезжать. Ему полагался отпуск — целых шесть месяцев. Но он никогда не выдерживал такого срока. Просто уставал отдыхать. И возвращался гораздо раньше.

Он получил письмо от своего друга — полярника из Москвы, и тот писал, что его ждет путевка в санаторий неподалеку от Сухуми и чтоб он выезжал немедленно.

Улетел Нефедов через два дня. Стоял сентябрь. Шел снег. И ветер был такой сильный, что ушанку надо было придерживать рукой.

Меховую куртку Петр Николаевич оставил дома. Улетел он в демисезонном пальто, захватив с собой маленький чемодан, в нем лежал костюм и несколько новых рубашек.

От Москвы он поехал поездом. И смотрел на пожелтевшие деревья, на низкие облака. Моросил дождь.

...И вдруг он проснулся от яркого света. Солнце! Море спокойно лежало у железнодорожного полотна.

Было непонятно, что где-то идет дождь и облака, рыхлые, как дым от паровоза, цепляются за провода. Было непонятно, что на Диксоне три дня тому назад бушевала пурга. Казалось, что во всем мире только море да раскаленное солнце.

В санаторий он приехал на автобусе. Вход через большую арку. За ней корпуса, спрятанные в кипарисах. Его сразу же назвали отдыхающим и попросили посидеть в приемной. Приезд его совпал с мертвым часом. Потом его позвали к лечащему врачу. Нефедов вошел в небольшую, очень белую комнату. Здесь было прохладно, и на столе стояли нежно-розовые флоксы. И совсем молоденькая девушка улыбнулась ему.

— Я ваш лечащий врач. Прошу...— она чуть запнулась,— слушаться.

Она уже знала, что он из Арктики, что работает начальником грузоперевозок и что у него расшатано здоровье.

— Так давайте поговорим серьезно. На что вы жалуетесь? — сказала она вдруг строгим голосом.

А Нефедову хотелось рассказать ей о своей дочке. Что Симка такая же, как она. Может, чуть-чуть моложе. Только Симка куда суровее. И что сейчас она работает метеорологом на Земле Франца-Иосифа, или, как говорят полярники, просто ЗФИ.

Лечащий врач почему-то тревожно просила: «Дышите»,— искоса поглядывая на него. Нефедов видел совсем близко прядь ее выгоревших волос, чуть заметную складку между бровей.

— Дышите,— слышал он требовательный голос лечащего врача и видел перед собой ее большой серый сосредоточенный глаз.

* * *

Нет, он просто чудак! Разве он не знал, что в санатории главное — дисциплина? Она была всюду: в столовой, на медицинском пляже, где через каждые пять минут звенел звонок и надо было вовремя переворачиваться на своем топчане. Дисциплина была строгая, и ее непременно хотелось нарушить.

— Друзья мои, не жадничайте,— говорил врач Илья Максимович, он проходил в своем длинном халате мимо лежащих.— Не жадничайте, солнца хватит для всех. Или хотите, чтоб из вашей спины получился шашлык?

Петр Николаевич не хотел «жариться», как молодежь. Он лежал в тени под тентом и смотрел на море.

Шли пароходы далеко-далеко. Казалось, что там море встречалось с небом, что пароходы, красивые и прозрачные, как во сне, касались бортом неба.

— А у вас там, на Диксоне, сейчас снег и пурга? — обязательно спрашивал кто-нибудь Нефедова.

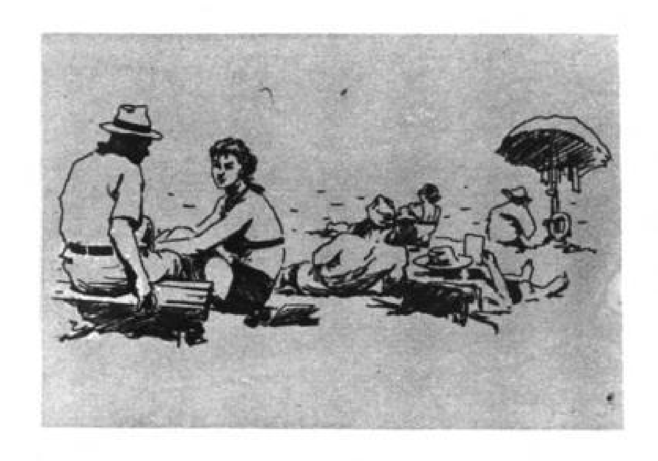
— Пурга и снег,— отвечал Петр Николаевич.

— Вот ведь муть какая!

А Нефедову было обидно, что так говорили. И он представил, как стали на зимовку суда; они совсем не такие, как те, которые шли по морю и касались неба. Они старые и уставшие.

Петра Николаевича уже многие спрашивали об Арктике. Просили рассказать о Диксоне.

Да, он живет на острове уже много лет. Да, на остров люди приезжают по договорам и, отработав положенный срок, уезжают. А он уже просто кадровый. Коренной житель. Но



какой он, остров? Что он может рассказать о нем?

Нефедов чувствовал: слушатели ждут, что он расскажет о Диксоне что-нибудь необыкновенное. И он напрягал память, чтобы вспомнить маленькие улицы, деревянные дома. Там было обыкновенно, просто и буднично.

* * *

Петр Николаевич ездил в Сухуми, в город, в котором он провел кусочек своего детства. Он вернулся в санаторий вечером и чувствовал себя усталым, и почему-то его не покидали слова дочки, вернувшейся из Сухуми: «Ох, и устала я, папка! Жарища». Он думал о детстве и не мог ничего вспомнить. Он помнил только, что всегда на Диксоне вместе с летчиками выпивал за этот солнечный город. Он и сейчас выпил хорошего сухого вина. И когда пил, опять вспомнил Симку.

Дни были хорошие, теплые, но очень похожие друг на друга: завтрак, звонки на пляже, доктор в длинном халате («Не жадничайте, не жадничайте!», «Так у вас сейчас там, на Диксоне, буран и снег?»), мускулистое тело, прыгающее с пирса, плеск воды. И море совершенно необыкновенного цвета. Разве на Диксоне оно такое? Холодное и безразличное. И вдруг он неожиданно вспоминал, что на кровати у него лежит маленький листок — вызов к врачу, а он, как всегда, забыл. Чертова память!

Ему частенько приходилось выдерживать стычки с врачом. Ее все звали Елена Дмитриевна, а ведь она ему в дочки годится. Хотелось говорить ей Лена, но она держалась строго. Елена Дмитриевна находила у него каждый раз новые болезни. Бранила, что он так долго ходит по жаре, называла его «тяжелым» отдыхающим, грозила пожаловаться главврачу.

Нефедов клялся, что чувствует себя прекрасно, что просто уже пятьдесят два, а это уже солидно, что отдохнул он хорошо, пора и восвояси.

Тогда Елена Дмитриевна от возмущения говорила почти шепотом:

— Да что с вами, Петр Николаевич, вы же еще не все процедуры приняли!

— Зато я прочел все центральные журналы в ожидании этих процедур,— смеясь, отвечал Нефедов.— И вы знаете, здорово подвирают журналисты, когда пишут об Арктике.

Но Елене Дмитриевне было наплевать, что пишут об Арктике. У нее свои дела и заботы. И она спрашивала тоном старшей:

— А какой сон у вас, спите вы хорошо?

— Лучше не надо,— говорил Петр Николаевич.

Спал он действительно хорошо, но просыпался под утро, когда слышал гул самолетов. Самолеты везли курортников. И тогда Петр Николаевич вспоминал, что вместо него начальником грузоперевозок назначен Коля Смирнов, а Коле всего двадцать три года, и, конечно, Колька со своим бурным характером не ладит с летчиками.

Он опять засыпал, и ему снился Колька. Колька стоял перед ним такой веселый, и все летчики обнимали и целовали его и, приторно улыбаясь, говорили, что с ним куда легче, чем с Нефедовым. И Колька плакал от умиления, а крупные его слезы капали на землю.

— Ох, и спите вы, совсем по-молодому! Все ушли на зарядку.— Дежурная сестра протягивала ему телеграмму.

Телеграмма была от Симки. Симка писала: «Папка, кончится путевка, оставайся диким, не торопись».

Нефедов не пошел на зарядку. Он решил просто побродить возле моря. Он шел по мелкому гравию и улыбался. И вдруг увидел перед собой девушку, она лежала и читала книжку, одной рукой забирала песок и медленно цедила его сквозь пальцы. Тело девушки было сильно выкрашено солнцем — до черноты. Это была Елена Дмитриевна. Она чуть смутилась.

— У меня выходной, вот я и валяюсь,— и, посмотрев на море, добавила: — Чудо!

— Чудо,— повторил Нефедов.

Она стала рассказывать ему, что она из Феодосии, что там училась в школе, а потом окончила в Донбассе мединститут. Как она тосковала по морю! Нет ничего лучше моря на свете.

— А вы другие моря видели?

— Нет, только Черное. Мне и не надо других,— сказала она, улыбнувшись.

— А у меня ведь такая же дочка, как вы,— неожиданно для себя сказал Нефедов.

— Да? И где же она? — спросила Елена Дмитриевна.

— Полярница. Жила на Диксоне, а потом ехал один парень на зимовку и увез ее.

— Как так увез?

— Да так. Полюбила. На пятый день и уехала с ним.

— Неужели?! — не то недоверчиво, не то восхищенно проговорила Лена.

— Вот и живут теперь вместе на зимовке. Снег, пурга, полярная ночь, медведи.

Он видел, как она слушает его, чуть раскрыв рот. Он и свалил все в одну кучу, чтобы поразить ее Арктикой. Но вдруг уловил в ее взгляде больше удивления, чем восторга, словно она хотела крикнуть ему: «Да зачем ей надо было ехать в эту пургу, полярную ночь? Зачем? Когда есть такое море, горячий песок и солнце?» И глаза ее неожиданно засмеялись, точно ей было смешно, что на свете есть люди с такими странностями.

Она не знала, вероятно, что сказать, и поэтому напомнила ему, как многие напоминали в санатории:

— А сейчас там у вас, на острове, идет снег.

Нефедову больше не хотелось рассказывать про Симку. Нет, он не обиделся на своего лечащего врача. Он попрощался и пошел по мелкому гравию. Потом зачем-то развернул телеграмму: «Папка... оставайся диким, не торопись!» А море осторожно ходило возле него небольшой и нешумной волной.

Таким был Николай Лапшов

«Может быть, среди читателей найдутся такие, которые знали Николая Лапшова?» Это обращение содержалось в заметке, напечатанной в новогоднем номере «Огонька», и не осталось без ответа. Да, нашлись люди, знавшие Героя Советского Союза Н. П. Лапшова, отважного танкиста, погибшего в польском местечке Лаек. Отклнкнулись и те, кто знал Николая Прокофьевича до войны, и те, кто вместе с ним сражался на фронте.

На одном из конвертов — почтовый штемпель: «Кузьминские Отвержки Липецкой». Это пишет земляк Николая Лапшова, директор Студено-Выселковской семилетней школы М. Крохотин. И теперь мы знаем: родные места Лапшова — деревня Малашевка, Липецкой области. А родился Николай незадолго до Октября — в девятьсот шестнадцатом. Что было потом? Учился, работал в колхозе учетчиком-счетоводом, служил в армии, затем трудился слесарем в депо станции Отрожки, под Воронежем.

Сейчас в Малашевке живут жена Николая Лапшова Пелагея Андреевна и их дочь Анна.

«Дочь работает молокосборщицей,— пишет М. Крохотин,— за перевыполнение плана в минувшем году она занесена на районную Доску почета и получила премию, так что честь отца не роняет».

А вот второе письмо, из крымского совхоза «Альминский», от П. Елисева. Из него узнаем, что Лапшов, оказывается, работал в депо не только слесарем, но еще и машинистом, что в биографию Николая еще в самом начале военная година вписала тяжелую страницу — в окопах первой мировой войны погиб его отец.

Вместе с Николаем Прокофьевичем был на фронте старшина В. И. Гатилин. Владимир Иванович сейчас живет в Донбассе, в городе Сталино. Он пишет про то, как в январе 1945 года танкисты форсировали Вислу, прорвав оборону гитлеровцев. Так началось стремительное наступление, освобождались город за городом — Радом, Опочно, Томашув, Лодзь, Калиш, Познань, Щецин. Взвод старшего лейтенанта Николая Лапшова находился в головной разведке. В этом взводе командирами двух других танков были младшие лейтенанты Борис Сапунков и Николай Дудин. Еще запомнилось имя отважного механика-водителя Александра Сугоняева, уроженца уральского города Карабаша. Гатилин и другие воины двигались по пути, проложенному героическим взводом Николая Лапшова. Вся дорога была завалена разбитой фашистской техникой. Здесь были танки, самоходные орудия, легкая и тяжелая артиллерия. У некоторых автомашин и тягачей моторы продолжали работать.

Бывший старшина вспоминает, что Лапшов был хорошим, честным товарищем, его взвод был очень дружным, сплоченным, таким воинам не были страшны никакие преграды.

«Сам Николай Лапшов,— пишет Гатилин,— многих удивлял своей смелостью. Однако иной раз он неоправданно рисковал собою. Во время боя Николай высматривал противника не через смотровые щели танка, а высунувшись из башни. Облокотившись на нее, он вел бой. Между прочим, это и явилось причиной его гибели».

Бесстрашием отличались все воины взвода. Во время наступления был такой случай: батальон наткнулся на серьезную засаду фашистов, вооруженных фауст-патронами. Тогда Николай Дудин вылез из танка и с группой автоматчиков уничтожил засаду.

За беспримерную отвагу Николай Лапшов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. И не один он — такой же наградой отмечены ратные подвиги командира танка Бориса Сапункова и механика-водителя Александра Сугоняева.

Неудобно!

Прием посетителей в учреждениях и организациях, призванных обслуживать население, часы работы в этих учреждениях и организациях — как это важно для трудящегося человека!

Вам нужно сходить к нотариусу, снять копию с какого-либо документа — в Тбилиси вы потратите целый рабочий день, а может быть, и больше, так как нотариусы работают с 9 часов утра до 6 часов вечера. В эти же часы работают все предприятия и учреждения города.

Для того, чтобы уплатить деньги в приходную кассу за квартиру, воду, свет, вам также надо отпрашиваться с работы.

А как прикажете поступать, если вам необходимо обратиться в домоуправление или к коменданту дома по жилищным вопросам? Домоуправления и коменданты домов работают только в общерабочие часы.

Так же обстоят дела в Тбилиси, если надо попасть в комбинат бытового обслуживания, к адвокату, проконсультироваться в суде, приобрести железнодорожный билет, зайти в сберегательную кассу, оформить документы для покупки в рассрочку какой-либо вещи, отнести на гарантийный или простой ремонт радиолу, радиоприемник, телевизор, часы. Все учреждения, связанные с бытовым обслуживанием населения, открыты в самое неудобное для населения время.

Все промтоварные, железо-скобяные, посудохозяйственные, многие продуктовые магазины работают с 10 часов утра до 7 часов вечера. А почему бы не сделать так, чтобы хотя бы некоторые магазины работали не с 10 и 11 часов утра, а с 1 часа дня до 10 часов вечера?

И еще. Нет у нас в городе такого учреждения или организации, где бы посетителей принимали по вечерам, например, с 8 или 9 часов вечера, или в воскресенье и праздничные дни. Прием в учреждениях, в лучшем случае, два раза в неделю и обязательно продолжительностью только два часа, ни в коем случае не больше.

Увы, забыт здесь «Набросок правил об управлении советскими учреждениями», сделанный в декабре 1918 года Владимиром Ильичем Лениным! В этом документе говорится: «...В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема. ...Комиссариаты труда, Гос. Контроля и юстиции обязаны организовать повсеместно,— с оповещением населения о дне и часе приема, всем свободного без пропусков и бесплатного,— справочные бюро, с приемом обязательно и в воскресные дни. Эти справочные бюро обязаны не только давать все просимые справки, как устные и письменные, но и составлять бесплатно письменные заявления для неграмотных и неспособных составить ясное заявление лиц...»

В. ВАСЬКОВ

Тбилиси.

Адриан фан Остаде. СТАРУХА В ОКНЕ.

Ленинград. Государственный Эрмитаж.

дриан фан Остаде. ФЛЕЙТИСТ.

Москва. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Павел НИЛИН

Есть ли в России русалки?

Владимир ЛУГОВСКОЙ
К 60-летию со дня рождения.

Не помню уж теперь, когда и где я познакомился с Владимиром Луговским. Да, может быть, и знакомства-то особенного не было. Просто встретились несколько раз на ходу — на писательском собрании, в клубном буфете — и запомнились друг другу в лицо.

Однако при встречах Луговской говорил мне «ты», как и я ему, хотя ни друзьями, ни ровесниками мы не были: он был значительно старше меня.

Но ни возрастом своим, ни особым положением знаменитого поэта Луговской никогда не отгораживался от людей. И со студентами Литературного института держался как ближайший их приятель, волею судьбы ставший их преподавателем, наставником, руководителем.

Луговской при всем его громадном росте никогда ни на кого не смотрел свысока. Его страстно, горячо интересовали разные люди: солдаты и профессора, шоферы и артисты, сапожники и поэты, плотники и авиаторы. И при любой встрече, не чинясь, не настаивая ни на каких дистанциях, он вступал с людьми в самые неожиданные, в самые сердечные отношения.

Меня привлекала особая душевная щедрость, всегда присутствующая в стихах Луговского, размах, взволнованность и новизна. При встречах иногда я просил его прочитать что-нибудь из недавно написанного, еще не напечатанного.

Удивляла меня его охотность, что ли, с какой, оставив неизменную спутницу-палку, весь мило взъерошившись, сгустив кустистые брови, он тотчас же, просто на улице или в коридоре, начинал читать стихи трубным голосом, лишенным отчетливости, но необыкновенно музыкальным.

Он мог читать свои стихи кому угодно, где угодно, когда угодно, как бы желая поделиться той поэтической взволнованностью, которая неизменно обуревала его самого.

Может быть, поэтому Луговского постоянно окружали люди, чаще молодые, начинающие поэты. Он выслушивал их стихи, пусть еще слабые. И делился с ними мыслями. И рассказывал им разные истории своей жизни, иногда казавшиеся невероятными.

Несколько лет назад в самом начале осени, в теплый, сияющий день, я увидел его на берегу речушки Сетуни, близ станции Переделкино, под Москвой. Он сидел на огромном буром камне, оперши́сь ладонями на палку, и, обозревая чуть пожелтевшие холмы, рассказывал молодым поэтам необыкновенную историю о русалках. Будто есть в Сибири такое озеро, где и в наше время появляются русалки. Правда, теперь они всплывают уж совсем редко, но все-таки всплывают...

— Ну, это, извините, какая-то ерунда! — бесцеремонно усомнился один из слушателей, только что напечатавший первые стихи в заводской многотиражке.— Никогда я не поверю, что есть русалки. Не могу я в это поверить, Владимир Александрович! Не могу при всем уважении...

— Не можешь? — удивленно и даже с сожалением поглядел на него Луговской.— А мне это передавал один старик сибиряк, бывший партизан гражданской войны, замечательный человек. Неужели он будет врать?!.

— Но, может быть, он пошутил? — предположила девушка, тоже начинающая поэтесса.— Это же невероятно...

— Невероятно? — как бы вспыхнул Луговской.— А почему невероятно? Почему вы, такие молодые люди, пробуете писать стихи и уже считаете: невероятно?

Луговской, похоже, обиделся. И слушатели его сконфуженно притихли. Девушка грызла былинку и виновато, исподлобья смотрела на Луговского.

В это время он заметил меня, подошедшего только что.

— Вот ты,— сказал он с вдруг осенившей его надеждой.— Вот ты ведь, кажется, из Сибири. Как ты считаешь, могут быть у нас в России русалки? Ну, например, у вас в Сибири?

— А почему же не могут? — улыбнулся я.— У нас, слава богу, огромная, великолепная страна!

— Вот именно! — обрадовался Луговской и встал с камня.— Вот именно великолепная, полная чудес! И если у нас поэты, тем более молодые, не верят в русалок, так это ж черт знает что!

Я торопился к поезду, мне было некогда участвовать в этой внезапной дискуссии. Но Луговской задержал меня. Он даже взял меня за руку. Я нужен был ему сейчас как единомышленник, как человек, способный подтвердить невероятное, и, наконец, как земляк русалок, если правда, что русалки водятся в Сибири.

— А почему в Сибири? — насмешливо спросил молодой поэт.— На худой конец я готов поверить, если вы настаиваете, что русалки водятся где-нибудь в Грузии. Там по крайней мере тепло. А в Сибири...

— А! — как бы оттолкнул его ладонью Луговской.— Если тебя надо заставлять верить, так лучше уж совсем не верь! Какая разница русалкам, где жить: в Сибири или в Грузии! В Сибири им даже лучше, спокойнее. Грузию всю, вдоль и поперек, исходили туристы. А в Сибири есть места, где еще, как говорится, не ступала нога человека. Правда? — повернулся он ко мне.

— Конечно,— подтвердил я.

Луговской пошел проводить меня на станцию. По дороге он интересно рассказывал сперва о Франции, затем — без ощутимой связи — о Средней Азии, где он провел многие годы. И уж когда мы подошли к станции и невдалеке загремела электричка, он вдруг пытливо, как мальчик, заглянул мне в глаза.

— Слушай, а ты на самом деле веришь, что где-то еще есть русалки?

Я уклончиво напомнил ему, что это ведь не я завел разговор о русалках.

— Ну и что? — с каким-то вызовом и досадой произнес он.— А я верю! И меня никто не разубедит!..

Из электрички я видел, как одиноко стоит на высокой бетонной платформе поэт, большой, с виду мужественный, даже грозный и в то же время почти по-детски растерянный и чем-то огорченный.

Ему надо было обязательно, чтобы еще кто-то вместе с ним верил в невероятное, в сказочное очарование еще до конца не познанного мира.

Он романтизировал людей великой революции. В его стихи и поэмы вступали реальные, порой даже грубоватые в своей непосредственности чекисты и комиссары. Им были сообщены все свойства и качества обыкновенных живых людей и одновременно присущи почти сказочное рыцарство и богатырское бесстрашие.

Однако мне не к чему кривить душой. Не все и не всегда мне нравилось в стихах Луговского. Высокая романтическая нота его поэзии не всегда, на мой взгляд, совпадала с высокой истиной, которая берет свои истоки в подлинной народной жизни и, обретая черты чудесной невероятности, волнует и душевно подымает людей.

Я однажды сказал ему об этом, выслушав только что написанные им стихи. Он вдруг обиделся. Обиделся, как ребенок, и наговорил мне, в свою очередь, обидных вещей. Потом вдруг улыбнулся, просиял, обнял меня и попросил... не обижаться.

— Ты знаешь, я немножко рассердился на тебя, потому что я только что все это написал, все это еще горячо, и мне трудно выслушивать неприятное. Может быть, ты в чем-то прав, я подумаю. Наверно, ты прав. Я понимаю, что ты хочешь мне добра. Хотя сейчас я с тобой несогласен. Но я подумаю...

В другой раз ему рассказали, что один поэт резко критиковал его стихи в клубе писателей. Луговской взволновался. Чтобы успокоить его, собеседники заметили, что тот поэт, в сущности, бездарный и глупый человек.

— Нет, нет! — тотчас же яростно стал защищать его Луговской.— Зачем же говорить ерунду? Он совсем не бездарный...

И тут же на память прочитал отличные стихи своего противника.

— Пусть он меня ругает, если ему хочется,— сказал Луговской.— Но он совсем не бездарный. Было бы глупо и несправедливо считать его бездарным...

Вот так и жил Луговской, много повидавший, много испытавший, многоопытный и тем не менее по-детски непосредственный, даже наивный, с душой, не замутненной низменными чувствами. Он был истинно советским поэтом, то есть человеком, страстно и навсегда заинтересованным в делах своего отечества и в судьбах всего мира.

В конце жизни его посетило серьезное нездоровье. Он с трудом передвигался, все грузнее опираясь на суковатую палку. И все-таки он охотно ходил и ездил, по-прежнему общаясь со многими людьми.

В последние годы он много и жадно работал. И говорил:

— Надо успеть! Надо много написать! Ах, как хорошо пишется! Будто с большой горы теперь смотрю на жизнь, на прожитые годы. И ошибки свои вижу отчетливо. Неужели не успею про все написать?

Писал он, как правило, по ночам. А днем, чуть отдохнув, читал, знакомился со стихами молодых поэтов. И достаточно ему было выловить хоть одну удачную строчку в чужих несовершенных стихах, чтобы он начинал трубить своим грудным басом:

— Как здорово! Вот это я понимаю! Слушайте, как великолепно теперь пишут!..

Незадолго до смерти, ранней весной, под вечер, он пришел ко мне, расстроенный письмом читателя. Некий читатель обнаружил в его стихах —

(Речные девки в реках мочат
косы
И выжимают косы,
И над Русью
От этого подъемлется туман)—

глубокое противоречие с законами метеорологии и обвинил поэта ни больше, ни меньше, как в неграмотности.

— Мне-то все равно,— говорил Луговской, демонстрируя пись-

мо.— Но ведь этакий читатель должность, как говорится, занимает. Он, может быть, кого-то еще, кроме меня, поучает,— жену, детей. Нет, это очень досадно, что есть у нас и такие читатели!..

— Ну уж,— возразил я,— один какой-то чудак написал тебе письмо — и ты готов делать выводы!..

— Конечно, надо делать выводы! — стал горячиться Луговской.— Надо все время объяснять людям, что такое поэзия, чем она порой важнее даже правил железнодорожного движения. А как же!..

Он говорил, как всегда, интересно о поэзии, о том, какими средствами ее следовало бы пропагандировать. Затем посмотрел на потемневшее в сумерках окно и стал надевать шапку, серую барашковую.

— Ну, я пошел.

— Погоди, мы тебя проводим,— предложил я, кивнув на товарища, сидевшего у меня.— Сейчас трудно идти. Гололедица. Слякоть. Скользко. Ну, словом, мы тебя проводим.

— Ни в коем случае! — запротестовал Луговской.— Что я вам — барышня, провожать меня?

— Не барышня, но тебе трудно,— сказал я.— К ночи подмерзнет слякоть, и будет совсем скользко...

— Ну и пусть! — почти рассердился Луговской. Ему, бывшему солдату, путешественнику, кавалеру, было противно, что мы бестактно сосредоточили внимание на его внезапной, должно быть, даже для него слабости.

Мы вышли во двор. В лица ударил предвесенний отчаянный ветер. Но Луговской, подняв воротник и нахлобучив шапку, вдыхал его с явным удовольствием.

— Ветер странствий, весны, приключений!

И сами собой пришли на память давние стихи Луговского:

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские
гетры,
О гетрах, идущих дорогой
войны,
О войнах, которым стихи не
нужны.

— О войнах, которые нам не нужны,— добавил я.

— А в самом деле,— сказал Луговской,— на кой черт нам войны!.. Поехать бы сейчас куда-нибудь! В какие-нибудь дальние наши края!

— Поедем в Сибирь! — весело предложил я.— Чем черт не шутит, может, действительно встретим там на этот раз русалок! Или... или их, наверно, уже разогнали там грохотом. Ведь вся Сибирь строится, какие гидростанции!..

— Нет,— перебил меня Луговской,— нет, русалок нельзя разогнать! И не надо разгонять. Они должны остаться. Пусть будут гидростанции и русалки. Так будет даже интереснее. Представь себе, плывем на каком-нибудь самом современном атомном теплоходе, и вдруг под вечер, в такой густой синеве, у борта появляются русалки. Глаза у них большие и тоже синие и, как живые фонарики, светятся. Нет, русалок уничтожать нельзя!..

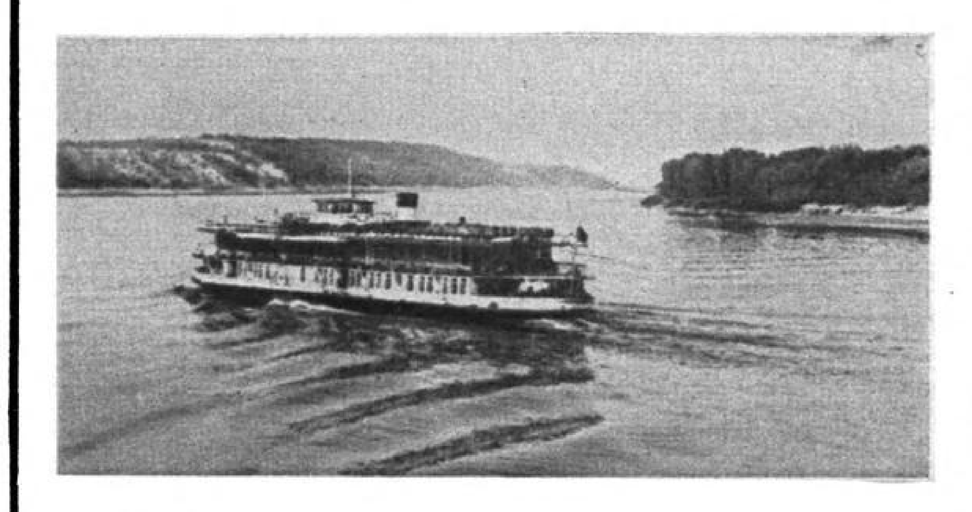
Он вышел за ворота и, несмотря на слякоть и ломкий, предвесенний снег, с неожиданной бодростью зашагал в упругую, полную ветра тьму.

У ВОДЫ

Лето в разгаре. И самой желанной стихией для людей сделалась вода. Вода во всех ее видах и формах: в морях, реках, озерах и бутылках.

Как пользуются в наших городах благодатной, живительной силой воды? Не объедешь и не облетишь всех больших и малых городов, стоящих на реках и речках. И редакция решила посмотреть, как обстоит дело на Волге,— ведь Волга всем рекам река, и на берегах ее шумят славные города. Кому же и общаться по-настоящему с водой, если не волжанам!

Три репортажа из трех точек на Волге, вероятно, покажутся читателям во многом схожими между собой, но это уже не вина редакции. И сама Волга тоже тут не виновата.



500 человек на квадратный метр

В стенной газете одного калининского предприятия были опубликованы стихи о злоключениях человека, пожелавшего искупаться в Волге. Стихи слабоватые. Но когда мы пришли в Калинине на пляж, мы быстро простили автору несовершенство стихов и поняли, как родились у него рифмы «брюки» и «муки», «пляж» и «мираж». Плохие, конечно, рифмы, но зато правильные.

Представьте себе картину.

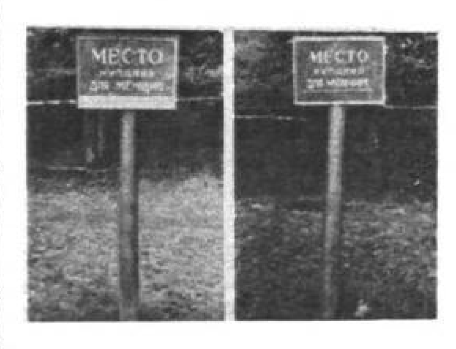
Жаркий июльский день, солнце печет немилосердно. Вы идете по улице города Калинина и думаете: «Эх, окунуться бы!»

Калинин не Каракумы. Тут воды хоть отбавляй: сама Волга омывает город, да еще две речки в нее впадают — Тверца и Тьмака. Так скорее к воде!

Но не обольщайтесь. Во-первых, на этом берегу купаться запрещено по причинам самым разным, но одинаково неубедительным. Купаться разрешено на левом берегу.

И вот, палимые солнцем, вы идете из центра к Старому мосту, за которым начинается так называемый пляж. Так назвали в городском отделе коммунального хозяйства узкую и сильно пересеченную местность длиною в сто метров, где вкопаны два фундаментальных столба с фанерными щитами, на которых написано: «Место купания для мужчин» и «Место купания для женщин».

На эту полоску земли можно было бы попасть прямым путем по берегу, спустившись сразу после моста. Но здесь нет лестницы, да к тому же поставлен крепчайший забор, и надо идти вкруговую, вдоль автомобильного шоссе Ленинград — Москва, нюхая дыхание перегретых моторов. Это необходимо по одной простой причине: идя по установленному горкомхозом маршруту, вы не минуете арку, на которой значится: «Вход на пляж». Чтобы все было чин по чину, чтобы чувствовали калининцы: нет, не дремлет их горисполком.



Наконец вы подходите к реке и попадаете в толкучку. Место для купания можно отыскать разве лишь на предупредительных щитах, которые так категорично разделили род купающийся на две половины.

Теснота вполне законная: в Калинине 260 тысяч населения, а площадь песчаного пляжа составляет приблизительно 500 квадратных метров. Произведите соответствующий подсчет, убедитесь, что на каждый квадратный метр должно быть пятьсот человек, получите свою норму — двадцать квадратных сантиметров, площадь спичечной коробки — и не волнуйтесь. Волноваться на пляже не рекомендуется, хотя бы уж потому, что водой вас тут не отпоят. Нету воды.

Разоблачившись и кинув рубашку и брюки на землю, вы входите в реку, и речная прохлада смывает с вас пыль и злость. Плавая, вы присматриваете на берегу местечко, где бы можно было поваляться на песочке. Вон, кажется, в груде тел образовалось песчаное окошечко. Бегом! Бегом! И плюх на песочек. И тяжкий стон оглашает Волгу. Позвольте, это чей же стон раздается? Да ваш собственный. Вы думали, песок как песок, а он с камушками. Камушки острые, в тело впиваются, как канцелярские кнопки. Вы хотите задать вопрос: откуда на пляже камни и кому это нужно? Так вот, камни в прошлом году привезли сюда вместе с песком, они прямо в песке и находились, и никому это не нужно, ни к чему это даже заведующему горкомхозом Николаю Михайловичу Сафонову и заместителю председателя горисполкома Дмитрию Максимовичу Горчакову.

Что, вам уже расхотелось прохлаждаться на пляже? Вам хочется, простите, сменить мокрые трусы на сухие, надеть брюки и рубашку и убраться подобру-поздорову? Переодеться тут негде. Идите так.

...Побывали мы на калининском пляже, и нам стало грустно. Ничем, кроме парадных арок с надписью «Вход на пляж», не напоминает эта полоска место для купания, для отдыха возле воды. А много ли средств требуется для того, чтобы поставить легкие раздевалки, грибки, павильон для буфета? Много ли сил нужно, чтобы расширить пляж и завезти чистый, без камней песок?

А в других местах разве нельзя устроить еще несколько пляжей? Можно. Берегов у Волги хватит!

Так в чем же дело? Неужели в городе жалеют потратить какие-то несколько сотен рублей для всеобщей радости и удобства?

Мы знаем, что в Калинине есть очень щедрые люди и организации, даже слишком щедрые. Не поскупились же на шикарнейшую ограду и на монументальнейшие ворота для водной станции вагонного завода. Правда, за воротами и оградой вид довольно убогий, все это похоже на красивую конфетную коробку, в которой конфет-то и нет, зато форма соблюдена.

Удивительная все-таки вещь происходит! Волгу заставили крутить турбины гигантских электростанций. Волгой заполнили громадные чаши морей-водохранилищ. Волга без устали переносит на своей широкой спине великое множество различных грузов с верховьев на низы и с низов на верховья. Все она делает охотно, Волга-труженица.

Когда она сама отдыхает, ей приятно отдавать свою прохладу и ласку людям. А люди почему-то отворачиваются от щедрых даров реки, отгораживают себя от нее.

Идешь по берегу Волги в Калинине и думаешь: неужели и в других волжских городах так же вот живут люди — у воды без воды?

Фото А. Рождественского.

И БЕЗ ВОДЫ

Саратовские страдания

САРЫНЬ НА КИЧКУ!..

К набережной по тротуарам народ шел сплошным потоком. На мостовой троллейбусы, тяжело переваливаясь, спешили к приволжским конечным остановкам. В Саратове начиналось воскресное утро.

Вдоль новой железобетонной набережной река спокойно и величаво несла свои воды. Неспокойно было на берегу,— жаждущие отдохнуть волнами захлестывали дебаркадер и стоящий рядом пароход.

Желающих попасть на пароход было так много и желание уехать так велико, что, казалось, вот-вот над сходнями загремит древнее волжское «Сарынь на кичку!..»

На пароходе пассажиры чувствовали себя, как паюсная икра в бане. Сплюснутые в толпе, мы слушали басовитое ворчание соседа:

— Чудеса! На Волге живем, а искупаться негде. Раньше возле берега хоть немудреный пляжик, но был. Теперь набережная красивая, а окунуться негде.

Палуба внезапно затряслась, где-то что-то забурлило, забулькало, и пароход двинулся по течению.

Миновали спасательную станцию с громадным плакатом: «Здесь купаться запрещено». И ниже в скобках давалось разъяснение: «Обрыв, сваи, камни». Рядом с плакатом на парапете шеренгой выстроились загорелые до черноты вихрастые мальчишки. Сидящий на палубе дядя в широченных брюках поднял с палубы микрофон, и над рекой раздался хрипловатый голос: «Купаться и нырять запрещается!»

В тот же миг мальчишки, как по команде, нырнули в воду.

— Они всегда по этому сигналу прыгают!— восхищенно промолвил стоявший рядом с нами мальчуган с удочкой.

Минут через двадцать пароход, дав гудок, подошел к «дикому» пляжу, именующемуся в просторечии Сазанкой.

Люди лежали вповалку на пыльном, замусоренном песке. Всюду валялись обрывки бумаги, пустые банки, осколки битого стекла. Легкий волжский прибой слегка шевелил горлышко разбитой бутылки. Купаться как-то не тянуло.

Мы прошли вдоль берега. Ни о каких грибках или лежаках не было и речи. Ни единой волейбольной сетки, ни одного стола для пинг-понга. Как хвост гигантской змеи, около пивной бочки извивалась очередь изнывающих на солнце людей...

Про обратный путь, а главное — посадку, вспоминать не хочется. Рубашки мы чинили в гостинице.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

— Как же все-таки умудриться отдохнуть на Волге? — интересуемся мы в горсовете у заместителя председателя Василия Васильевича Кучапина.

— Плохи дела,— сокрушается Василий Васильевич.— Совершенно непредвиденная история случилась: пляж пропал. Утопили остров!..

Мы попросили рассказать подробности.

Василий Васильевич, не скупясь на краски, обрисовал лучезарную картину прошлогоднего купания:

— У пляжа стояли дебаркадеры, причалы... Можно было взять лежачок, посидеть под зонтиком...

— Почему же сейчас ничего этого нет? — вернули мы заместителя председателя из прохладного прошлого в жаркий сегодняшний день.

— Нас подвела служба Сталинградского водохранилища! Они дали сведения, что вода будет на полтора — два метра ниже. Мы и решили, что остров, где был пляж, не затонет. Возмутительная оплошность!

Мы согласились с этой оценкой, развернув подшивку областной газеты за прошлый год. В газете 17 января 1960 года четко и ясно излагались судьбы городского пляжа, островов Зеленого и Казачьего, Покровских песков и Пономаревской дачи. Еще тогда предупреждалось, что все они окажутся под водой.

После теоретических выкладок статья заканчивалась практическими выводами: «Уже теперь исполкому Саратовского городского Совета и совету Союза спортивных обществ и организаций следовало бы побеспокоиться о подыскании удобных мест для сооружения городского пляжа и стоянки спортивных баз».

Автор еще тогда как в воду глядел, предвидя, что работники исполкома и спортивные руководители будут размышлять никак не менее полутора лет.

ВИЛАМИ НА ВОДЕ

Но вода существует не только для купания. Ее наиболее ответственная обязанность, и особенно в жаркий день,— утолять жажду. Волжская водица в черте города, прямо скажем, к этому не приспособлена. Что ж, для этого существуют другие воды: минеральная, фруктовая и, наконец, пиво. А разве плохо съесть в жару хороший сливочный пломбир?

— Вот этого у нас как раз и не хватает...— печально разводит руками заместитель управляющего торгами Виктор Иванович Глубышев.— Пока в исполкоме ищут место для намыва песка, мы тор-

гуем на том берегу. А чем торговать? Нам для города летом надо тысяч десять ящиков воды в день, а завод безалкогольных напитков дает только три тысячи. Раньше артель «Винпром» еще 800 ящиков добавляла. Но когда ее с безалкогольниками слили, там начали сироп и эссенцию выпускать. А что я с этой эссенцией делать буду? Не везти же на пляж уксус? Или взять квас, например. Ведь ни один саратовский хлебозавод не выпускает его ни в бочках, ни в бутылках. Когда в Саратове будет квас, вилами на воде писано!

Выходит так, что в Саратове на берегу Волги «водяной вопрос» разрешить еще труднее, чем на самой реке.

Как могли допустить городские организации (при безучастном наблюдении областных), что летний отдых саратовцев, по сути дела, совершенно не организован? В исполкоме горсовета нам весьма туманно рассказали, как предполагают намывать новый пляж. Только почему это нельзя было сделать раньше? Когда теперь это все будет? Осенью?..

Улыбки, песни и разочарования

Светлые дома на набережной, живописный волжский простор, пароходы, лодки, лодочки. И жара.

Как же отдохнули в воскресенье астраханцы?

Могли бы, например, так: сесть на автобус и отправиться в загородную зону отдыха Яксатово.

Мы предпочли сначала иной вид транспорта — воображение. Зато был у нас очень авторитетный экскурсовод — председатель областного Совета профсоюзов Михаил Васильевич Копылов.

В его кабинете висит хорошо вычерченный план этой самой загородной базы. На нем масса квадратиков, прямоугольников и каких-то других непонятных фигур — это означало павильоны, киоски, волейбольные площадки, качели, турники и многое другое. М. В. Копылов говорит обо всем этом довольно скупо.

— У вас очень красиво все это сделано,— говорим мы.

— Не очень...— без энтузиазма отозвался хозяин кабинета, и, надо отдать ему справедливость, он был абсолютно прав.

Место, выбранное для загородной зоны отдыха, может быть, и было красивым. Когда-то. Нетрудно поверить, что в недавнем прошлом здесь было царство воды и зелени. Но это царство постепенно завоевывается другим — царством мусора и беспорядка.

Мы совершили путешествие по зоне отдыха. Не мысленное, а вполне реальное. Нашим экскурсоводом на этот раз был сторож Вячеслав Васильевич Канунников. Произошла такая беседа.

— Что это за сооружение, похожее на виселицу?

— Это качели. Веревки оборвали еще в прошлом году.

— Для какой цели соорудили на базе вот эти замысловатые решетчатые стены? Сверху, должно быть, тент нужно натягивать?

— Тент здесь ни при чем. Эти самые стены должны быть увиты диким виноградом. Он быстро растет, и получается очень красиво. И довольно дешево.

Высадить дикий виноград, видимо, дешевле, чем построить решетчатые стены. Но почему-то второе сделано, а до первого руки не дошли. Кстати, руки не дошли до очень многого. Столбы для волейбольной площадки мирно покоятся на складе, рядом с волейбольной сеткой. Там же отдыхает настольный теннис, отдыхает до тех времен, когда М. В. Копылов и его подчиненные узнают, что для настольного тенниса нужны специальные столы. Видимо, работники облсовпрофа наивно полагают, что в волейбол можно играть одними волейбольными покрышками, без камер. Иначе почему же покрышки есть, а камер, которые стоят копейки, нет?

...Яксатово расположено за городом, и те из астраханцев, кто не любит переездов, считают, что проще отправиться на пляж.

Однако с пляжем в этом году произошло недоразумение. Дело в том, что вода до сих пор стоит в Волге довольно высоко, и остров, на котором расположен пляж, чуть ли не наполовину пока под водой.

Обычно на пляже бывает 10 тысяч посетителей, а в это воскресенье было всего около 3 тысяч. Да и трудно представить, как бы разместились на полузатопленном острове все астраханские

любители покупаться и позагорать! Но, как бы там ни было, эти любители существуют, и приходят они на Волгу не только в воскресенье.

Так что же делать, если пляж еще, по существу, не открыт? Во-первых, можно пойти в городскую купальню, расположенную у самой набережной. Говорят, бывали дни, когда это сооружение посещало около 2 тысяч человек. В это воскресенье набралось гораздо меньше. Зато грязи было столько же, сколько в любой другой день. У нас создалось впечатление, что купальня сконструирована специально так, чтобы ловить все отбросы, плывущие мимо нее по реке.

Во-вторых, можно искупаться прямо на набережной. В нескольких местах набережная спускается к Волге ступеньками. Не только в воскресенье — в любой жаркий день здесь сотни купальщиков. Может, кому-то это не нравится, может, кто-то считает несолидным устраивать пляж, по существу, на городской улице. Ничего страшного в этом нет, но нет и ничего хорошего. По всей вероятности, можно было найти в большом волжском городе более удобное место для купания.

А места на Волге близ Астрахани? Они замечательные! Воскресное путешествие на лодке, пожалуй, самый лучший отдых. Моторных лодок в городе масса. В субботу вечером или рано утром в воскресенье они целыми армадами покидают Астрахань. Мы тоже совершили небольшое турне в один из волжских рукавов.

...Наше внимание привлекла музыка. На крыше моторной лодки стоял магнитофон, и солидных размеров динамик пел веселую песню. Здесь отдыхали две семьи — соседи по дому: электромонтажника К. С. Петрова, владельца лодки и магнитофона, и заместителя главного врача городской клинической больницы Г. С. Масленникова. Конечно же, у них было хорошее настроение, и они были вполне довольны своей участью. Их настроение и участь зависели только от них самих. Поэтому они были уверены, что следующее воскресенье проведут еще лучше, чем это.

...День клонился к концу. Возвращались из рейсов пароходы, на которых астраханцы совершали воскресные прогулки, тянулись к пристаням моторные лодки, запестрели яркие платья в скверах и парках.

Много было в этот день песен и улыбок. Но могло быть больше. Немало было разочарований и огорчений. А могло быть гораздо меньше.

О. ШМЕЛЕВ, К. ОБОЛЕНСКИЙ и О. КУПРИН,
специальные корреспонденты «Огонька». **Е. ФЕДЕЧКИН,**
корреспондент астраханской газеты «Волга».

Мост Золотых Ворот в Сан-Франциско.

КЛЮЧИ САН-ФРАНЦ

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Мэра Сан-Франциско господина Джорджа Кристофера у нас в стране знают и помнят о гостеприимстве и радушии, с которым он принимал в своем городе Никиту Сергеевича Хрущева.

Едва мы вышли из самолета, как нам сообщили, что господин Кристофер хочет устроить в честь делегации советских журналистов большой прием на старом парусном корабле, ставшем ныне музеем. Об этом приеме и о ключах, о которых говорится в заголовке, мы расскажем ниже. Сначала о том, как мы впервые увидели Сан-Франциско.

Когда в Москве было 8 часов утра, Сан-Франциско еще жил предыдущим вечером, и у нас, прибывших в отель «Шерлтон Палас» на улице Маркети, «сегодняшнее» утро было впереди, через 10 часов.

Тут же, в отеле, нам пришлось сразу устроить небольшую пресс-конференцию для местных журналистов, которые спешили рассказать своим читателям о гостях из СССР. После пресс-конференции и рассказа администратора отеля о том, как здесь встречали Н. С. Хрущева, мы осмотрели ночной — тихий и пустой — Сан-Франциско. Правда, нам объяснили, что в районах ночных клубов бурная и буйная жизнь еще продолжается.

— Там,— сказал администратор гостиницы,— развлекаются богатые бездельники.

Наутро каждому из нас была преподнесена фотокарточка-сувенир «Н. С. Хрущев выступает в зале нашего отеля». Во всех номерах поставили пишущие машинки: они так нужны журналистам! Вернувшись после завтрака, мы нашли в своих комнатах большие корзины с фруктами и поздравительные письма. Вместе с поздравлением лежали свежие газеты.

Мы не знали, имел ли ко всему этому отношение мэр города господин Кристофер. Если вспомнить встречи в порту и в университете и сопоставить все это с теплыми словами господина Кристофера в адрес советских людей, то еще более ощутимым становится гостеприимство жителей Сан-Франциско. Кстати говоря, все это в равной степени относится и к журналистам и к деловым людям, принимавшим нас в Лос-Анжелосе и в Де-Мойне.

Нам понравилось трезвое отношение некоторых сан-францисских газетных редакторов к событиям и фактам. На второй день нашего пребывания в городе мы узнали из газет о смехотворном запрещении цензурой некоторых книг в библиотеках. Журналисты едко издевались над цензором, заявившим, что сказка «Три поросенка» — вредная сказка. «Как это так,— возмущался тупица-цензор,— черный поросенок умнее белых? Запретить такую книжку!»

Только пусть читатель не подумает, что в Сан-Франциско какая-то особая, «свободная» печать. Ничего подобного! Здесь, как и в других крупных городах Америки, линию газеты определяют ее владельцы. Мы лишь говорим об отдельных фактах и горстке смелых журналистов. Каждый день в Сан-Франциско, как и в Нью-Йорке и в Чикаго, мы читали в газетах антисоветские бредни, из-за которых, как нам казалось, самим журналистам стыдно было смотреть нам в глаза. «Не обращайте внимания,— говорили некоторые из них,— это для хозяев».

«Надо спешить!» — мы неоднократно слышали в Америке эту фразу. Однако при всей спешке американцы, вернее говоря, американские журналисты (они нас принимали), не всегда аккуратны с временем.

Как-то утром, когда мы в автобусе полчаса ждали журналиста, который должен был сопровождать нас в городок Беркли, мы видели, как в парикмахерской какой-то толстяк спешил жить. Юноша брил его, пожилая женщина делала ему маникюр, негр чистил ботинки, а сам он быстро листал свежую газету.

На пути в Беркли мы пересекли знаменитый Сан-Францисский мост протяженностью более 13 километров.

— Слева,— объяснял гид,— небольшой островок. На нем известная тюрьма «Алькатрас». Из нее еще никому не удавалось убежать. За тюрьмой вы видите Остров Сокровищ. Далее — мост Золотых Ворот. Мост, по которому мы едем теперь, строил штат Калифорния, и поэтому штат до сих пор собирает деньги за проезд.

— Сколько же приходится платить?

— За автобус — 1 доллар, за легковую машину — 25 центов. Вы видите, машины идут туда и обратно в шесть рядов. В день по мосту проходит более 115 тысяч машин.

За мостом город Окленд незаметно переходит в небольшой городок Беркли, где разбросаны многочисленные здания Калифорнийского университета с его 22 тысячами студентов.

В студенческом клубе гостей принимают студенты и преподаватели. На столе большой самовар. Девушки разносят в чашках... кофе.

— Сколько в Советском Союзе университетов?

— Как живет Юрий Гагарин?

— Правда ли, что большинство советских студентов получает стипендии?..

Разговор со студентами и преподавателями в клубе, затем длительная беседа за круглыми столами во время обеда, посещение общежитий так называемого студенческого братства показали нам всю глубину интереса к жизни Советского Союза. Пять наших московских студентов, которые продолжают свое образование в Калифорнийском университете, подтвердили:

— Молодежь тянется к Советскому Союзу, ей очень хочется больше и лучше знать о нашей жизни. Конечно, встречаются разные озлобленные пришлые, которые не могут примириться с потерей своих фамильных владений и капиталов в странах, где хозяином стал народ.

Еще большую симпатию к нашей стране мы почувствовали при встрече с портовыми грузчиками.

— Вот здесь был товарищ Хрущев,— говорили нам.

— Здесь он пил с нами кофе.

— Передайте наш привет Никите Хрущеву...

Генеральный секретарь профсоюза портовых грузчиков Сан-Франциско Луис Голблат рассказывал нам о жизни рабочих:

— У простого рабочего душа красивая, она сродни песне, песне о труде и честной жизни...

Пришла пора вспомнить о ключах Сан-Франциско. Мэр города господин Кристофер вручил каждому советскому журналисту по большому деревянному ключу от Сан-Франциско с дарственной надписью, выражающей добрые пожелания. Кристофер с улыбкой сказал: «Открывайте больше американских душ и сердец».

— И закрывайте клевету на советских людей в наших газетах,— сказал кто-то из американских журналистов.

— Это уже от нас не зависит,— ответили мы.

— Правде нам нужно учиться у советского народа,— заявил мэр города и подробно, с чувством большого удовлетворения рассказал о том, как его принимал в Москве Н. С. Хрущев.

На верхней палубе старого парусного корабля, где устроил прием мэр города, у старинной пушки, ставшей музейным экспонатом, нас познакомили с человеком, имя которого хорошо известно у нас. У Эрскина Колдуэлла энергичное, покрытое загаром лицо со светло-серыми умными глазами, коротко стриженные рыжеватые волосы.

— Я закончил роман о юге Америки,— сказал писатель.— Это мой тридцать восьмой роман. На юге теперь дела неважные. Никак не можем избавиться от дикостей расизма.

Колдуэлл помолчал. Отпил несколько больших глотков виски, разведенного в большом стакане содовой со льдом, и добавил:

— Хочу поехать в Советский Союз, посмотреть. Особенно Казахстан. Месяцев на шесть, не меньше. Книгу о людях напишу. О советских людях.

— Где это вы так загорели? Часто путешествуете?

— Нет, в последнее время много не приходилось. Сегодня я смотрел бейсбол. А путешествовать я очень люблю.

На этом же музейном корабле во время ужина за столом разгорелся спор. Худощавый старичок-редактор спросил, почему советская печать мало сообщает о

Продолжение. См. «Огонек» № 26.

страшных уголовных преступлениях. Не дав ответить, старичок с упоением стал рассказывать об убийстве каким-то извергом-отцом своего маленького ребенка.

— Это убийство,— победно возвестил старичок,— будет подробно описано завтра в нашей газете.

Когда мы сообщили свою точку зрения и изложили наши принципы воспитания, все, кроме старичка — любителя страшных преступлений,— согласились с нами. Мы поняли, что не читатели требуют, как нам пытались доказать, подобного рода «сенсаций», а хозяева газет.

В Сан-Франциско мы встретились с писателем Альбертом Каном, заканчивающим сейчас книгу-альбом о Галине Улановой. Автор показал нам в Сан-Франциско некоторые главы из своей книги. Почти целый день, который мы провели с ним и его женой, шел разговор об искусстве.

— Я хочу,— говорит Альберт Кан,— показать Уланову не только как талантливую балерину, но и как педагога, человека. Когда она была здесь, я сказал ей, что она оживила Джульетту, взяв ее из книги. А я мечтаю показать в книге живую Уланову.

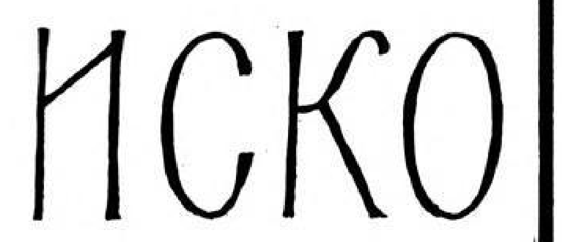
В Сан-Франциско мы познакомились с самоотверженной деятельностью активистов Русско-американского института, созданного здесь еще в 1924 году. Институт до сих пор ютится в одной комнате, но ведет большую и полезную работу по сближению советского и американского народов. Кто хочет больше узнать о Советском Союзе, заходит сюда, чтобы купить книгу, брошюру, услышать новости. Восторженная седая женщина охотно ответит на любой вопрос. Роза Изаакс давно работает здесь. Работает с душой.

Нам часто приходилось слышать в Америке пожелание: дружить с советским народом, как в 1945 году.

На старом корабле, где мы получили символические ключи, кто-то образно сформулировал идею мирного сосуществования:

— Давайте представим себе, что мы не на старом паруснике, а на космическом корабле. Летим все вместе: католики и безбожники, коммунисты и капиталисты, белые и черные. Летят люди разных убеждений. Спорят, но летят. Другого выхода нет. Из корабля не выпрыгнешь. Выхода нет, нужно вместе лететь дальше. Может быть, найдутся на корабле безумные люди, которых не устраивают добрые отношения между пассажирами, они будут замышлять провокации, ссоры. Но и таким людям придется лететь. Так и на нашей планете. Летим все вместе. Другого выхода нет: или вместе жить, или воевать. А война противна людям.

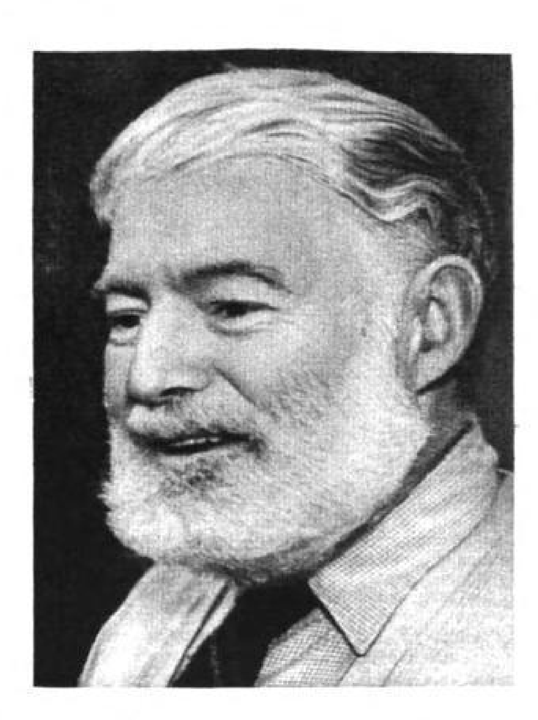
Окончание следует.



Роза Изаакс — сотрудница Русско-американского института.

Портовые грузчики.

Сердце Хемингуэя



Один из польских молодежных журналов провел как-то анкету с вопросом: «Если вам придется совершить полет в космос, который будет длиться много лет, книги каких писателей вы возьмете с собой?».

Среди многих писателей в присланных ответах очень часто встречалась фамилия Хемингуэя.

Книги Хемингуэя — это сама жизнь — земная, полнокровная, суровая, противоречивая.

И трудно поверить, что сухие слова телеграфного сообщения из далекого американского штата Айдахо означают: Хемингуэя уже нет. Нет этого великолепного жизнелюбца с большим и честным сердцем солдата-антифашиста.

— Я никогда не пишу ночью,— рассказывал мне Хемингуэй.— Ночью трудно писать правду. Я работаю только утром. Это — самое лучшее время для правды. А правда для писателя — главное.

Хемингуэй говорил, как трудно он работает над каждым своим произведением, какого огромного напряжения — умственного и физического — требует каждая строчка его рассказа, повести, романа.

— Я научился не обращать внимания на критические статьи о моих произведениях. Самый строгий, самый искренний, самый справедливый судья всего того, что тобой создано,— это вот,— и он показал на свое сердце.— Еще есть друзья, вкусу и совести которых доверяешь...

Он задумался и погрустнел.

— Только этих друзей становится все меньше и меньше. Они умирают. Остается последний друг — сердце...

И вот теперь перестало биться это сердце.

Но, конечно, Хемингуэй ошибался. Друзей у него в миллионы раз больше, чем в узком кругу ценителей.

Друзья его — все, кто любит жизнь, кто верит в торжество правды, в торжество горячего, мужественного и прекрасного человеческого сердца над всем темным, мрачным, что мешает миру людей.

Генрих БОРОВИК

Имени б

Спортсмен из ГДР Х. Буль (в центре) принимает поздравления своих соперников по бегу на 3 000 метров с препятствиями С. Ржищина и Н. Соколова.

Они в четвертый раз собрались в Москве, сильнейшие легкоатлеты мира, для того, чтобы принять участие в соревнованиях на приз имени братьев Знаменских. Из года в год ширится состав участников этого популярного мемориала. Если в первых состязаниях, проведенных в 1958 году, на старт вышли представители 9 стран, то теперь флаги 24 стран развевались над трибунами Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Мемориал двух братьев прошел и на этот раз в яркой борьбе спортсменов пяти континентов и ознаменовался рядом высоких результатов.

Вот отдельные эпизоды соревнований, запечатленные нашим фотокорреспондентом А. Бочининым.

Три итальянца. Бегун А. Риццо и призер в толкании ядра С. Мекони горячо поздравляют своего товарища С. Морале с победой в беге на 400 метров с барьерами.

П. Болотникова тепло приветствовали зрители. Рядом с ним француз Р. Божей, занявший второе место в беге на 5 000 метров.

Тамаре Пресс удалось метнуть диск на 57 метров.

Надо помочь соседу по старту. Англичанин Д. Джонс (справа) приколачивает колодки американцу А. Пламмеру.

Корейская спортсменка Син Ким Дан дважды поднималась на пьедестал почета. В первый день она была лучшей на дистанции 400 метров, а затем финишировала первой в беге на 800 метров.

ратьев Знаменских

Мировая рекордсменка И. Балаш (Румыния) готовится к прыжку.

М. Жази (Франция) — победитель бега на 1 500 метров.

Английский стайер Б. Хиттлей заканчивает бег на 10 000 метров. За ним Ю. Захаров и Л. Виркус.

Примечание к бегу

В. ВИКТОРОВ

Широка и обильна программа традиционных международных соревнований на приз имени братьев Знаменских. В нее входят чуть ли не все виды легкой атлетики. Много призов было приготовлено победителям, но главными из них являлись три, и все по бегу. Это и понятно. Ведь замечательные советские спортсмены Серафим и Георгий Знаменские были бегунами и с успехом выступали на дистанциях 1 500, 5 000 и 10 000 метров. Вот почему в этой заметке нам хотелось бы ограничиться лишь несколькими примечаниями к бегу, только к бегу мужчин. Нам кажется, что в этом имеется насущная необходимость и не только потому, что беговые номера в мемориале двух братьев являются как бы гвоздем программы.

На первых соревнованиях, проведенных в 1958 году, советские спортсмены из десяти беговых номеров, входящих в их программу, победили в четырех. В следующих двух встречах положение как будто бы улучшилось, о чем убедительно говорили шесть первых мест. И вот последний итог: три первых места из десяти.

Закономерен ли этот результат? Увы, да.

Из года в год мы с горечью убеждаемся в хроническом кризисе скорости у наших спринтеров. Не многими победами могут похвастаться наши бегуны на 100 и 200 метров. Еще хуже обстоит дело на средних дистанциях. Лучшие наши тренеры бьются — пока безуспешно — над загадками полуторакилометрового бега. А вот уже не история, а события двух недавних дней. Победителем последнего мемориала двух братьев в беге на 100 и 200 метров стал польский спортсмен М. Фойк. Борьба на четырехсотметровой дистанции, которая до этого неизменно заканчивалась победой советских спортсменов, на сей раз принесла успех англичанину Р. Брайтуэллу. Два советских бегуна — прошлогодние победители этих популярных международных соревнований А. Михайлов (110 метров с барьерами) и В. Савинков (800 метров) — снова подтвердили свою силу, но в барьерном беге на 400 метров вопреки всем установившимся традициям победу одержал не советский спортсмен, а итальянец С. Морале. В беге же на 3 000 метров с препятствиями спортсмен из ГДР Х. Буль, призер прошлогоднего мемориала, «не испугался» мирового рекордсмена Г. Тарана и других советских мастеров и снова финишировал первым.

А теперь мы подходим к самым главным призам международных соревнований имени братьев Знаменских.

В 1936 году Георгий Знаменский установил свой последний всесоюзный рекорд в беге на 1 500 метров — 3 минуты 57,9 секунды. Сейчас рекорд СССР принадлежит И. Пипине и равен 3 минутам 41,1 секунды. Разрыв как будто бы немалый, но этот рекорд от европейского отделяют целые три секунды, а мировой, установленный австралийцем Х. Эллиотом в прошлом году — 3 минуты 35,6 секунды,— кажется для наших средневиков недостижимой вершиной.

Сколько уж лет идут разговоры о необъяснимом отставании в беге на 1 500 метров! Сколько высказано по этому поводу соображений, сколько испробовано новых тренировочных систем, а результаты и ныне там! Ведь всесоюзный рекорд И. Пипине установлен три года назад.

Что же удивительного в том, что и на последних соревнованиях, как и на предыдущих, советским бегунам не удалось занять в беге на 1 500 метров первого места? К трем зарубежным призерам — С. Юнгвирту (Чехословакия), Ш. Ихарошу (Венгрия), М. Бернару (Франция) — прибавился теперь четвертый — М. Жази (Франция).

Почему же в беге на 1 500 метров мы никак не можем сдвинуться с мертвой точки? Не пора ли уже найти ответ на этот давно наболевший вопрос? Не пора ли сосредоточить на этой интересной, но трудной дистанции внимание лучших тренеров и самых способных бегунов?..

Куц, чей мировой рекорд в беге на 5 000 метров (13 минут 35 секунд) до сих пор не побит, как бы заочно присутствовал на дорожке, где его преемник П. Болотников вел хитроумную тактическую борьбу с двумя опаснейшими соперниками — австралийцем Д. Пауэром и молодым французским бегуном Р. Божеем. Эта борьба завершилась знаменитым финишным броском Болотникова, который уже не раз приносил ему победу. Но уже сейчас ясно, что в лице Робера Божея наши стайеры получили грозного соперника, который войдет в полную силу к началу Олимпийских игр в Токио. А ведь Петр Болотников уже в Риме предпочел стартовать в беге не на пять, а на десять тысяч метров.

На сей раз на последней дистанции соревнований — 10 000 метров Болотников не участвовал. Борьбу с зарубежными гостями вели советские бегуны Л. Виркус, Ю. Захаров, Б. Ефимов и другие, и ни один из них не смог принять финишный рывок поистине болотниковского темпа, который предложил англичанин Б. Хиттлей. Так мы стали свидетелями печального зрелища: еще один главный приз мемориала достался не советскому бегуну. На всех трех предыдущих соревнованиях после десятикилометрового бега на пьедестал почета поднимались лишь спортсмены СССР.

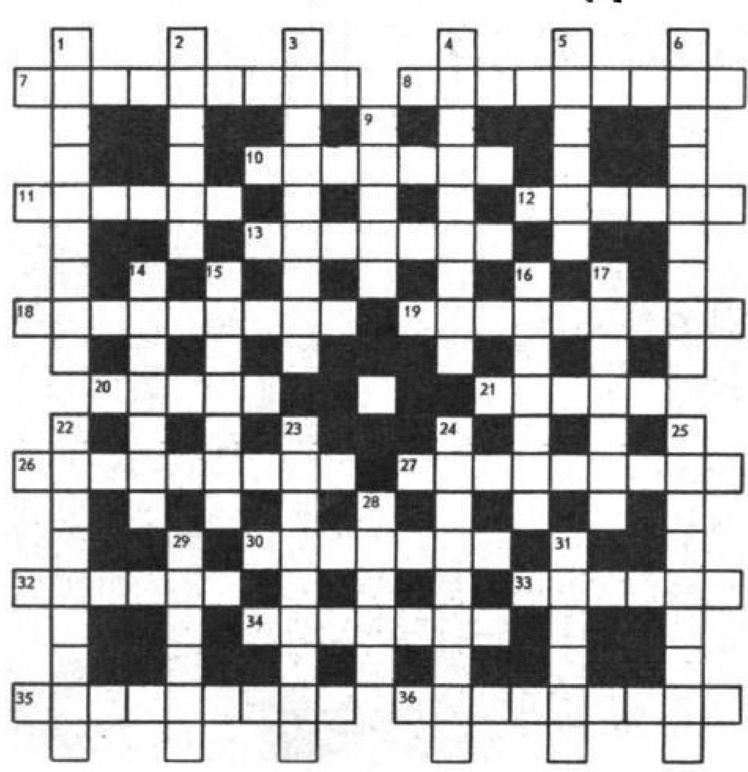
Есть над чем задуматься нашим тренерам!

Спортсмен из Индии Милкх Сингх покорил всех своим красивым бегом.

Нелегко далась победа английскому бегуну Робби Брайтуэллу.

Футболисты сборной команды СССР провели в Москве свой второй отборочный матч к первенству мира. Встречу со сборной командой Норвегии они закончили со счетом 5 : 2. На снимке: у ворот команды Норвегии.

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Польский писатель XIX—XX веков. 8. Телескоп. 10. Химический элемент. 11. Фруктовое дерево. 12. Водяной воробей. 13. Исполнитель роли без слов в дореволюционном театре. 18. Картина И. М. Прянишникова. 19. Распорядитель. 20. Роман Т. Драйзера. 21. Пионерский лагерь в Крыму. 26. Минерал зеленого цвета. 27. Лечебное учреждение. 30. Автор комической оперы «Виндзорские проказницы». 32. Наиболее удаленная от Солнца точка планетной орбиты. 33. Порода собак. 34. Промысловая рыба. 35. Экваториальное созвездие. 36. Неопределенная форма глагола.

По вертикали:

1. Строительный материал. 2. Приток Амура. 3. Часть педагогики. 4. Создатель угольного противогаза. 5. Антилопа. 6. Группа островов в Эгейском море. 9. Изображение земной поверхности. 14. Тригонометрическая функция. 15. Герой романа И. С. Тургенева «Накануне». 16. Спортивное общество. 17. Разновидность одного и того же цвета. 22. Открытый товарный вагон. 23. Основоположник русской школы в физиологии растений. 24. Город в Средней Азии. 25. Русский изобретатель, выдвинувший идею реактивного летательного аппарата. 28. Советский гроссмейстер. 29. Сильный дождь. 31. Рыболовный сезон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

4. Комбайнер. 5. Зодчество. 8. Гольденвейзер. 13. Майонез. 14. Пряжа. 16. Секатор. 17. Рабле. 18. Континент. 19. Матюшенко. 20. Русло. 21. Флексия. 22. Трава. 24. Стрелка. 27. Мореплаватель. 28. Мандолина. 29. Полтинник.

По вертикали:

1. Болонья. 2. Пашенная. 3. Секвойя. 6. Победоносиков. 7. Переключатель. 9. Картофель. 10. Молотилка. 11. «Тангейзер». 12. «Поликушка». 14. Портрет. 15. Анемона. 23. Анатомия. 25. Педагог. 26. Станция.

На первой странице обложки: В тренировочном полете.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Монгольская Народная Республика. Мост Мира (вверху). На целину прибыла новая техника из Советского Союза (внизу).

Фото В. Крупина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05244 Подписано к печати 5/VII 1961 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1215. Заказ 1670.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Увлечение Карела Гаека

С фоторепортером чехословацкого еженедельника «Свет в образах» Карелом Гаеком мне довелось встречаться в Ленинграде и Праге. И каждый раз я невольно поражался его работоспособности. Он никогда не расставался со своей фотокамерой. Снимал Гаек в трамвае, в автобусе, метро, ресторане, театре. И каково было мое удивление, когда я случайно узнал, что этому высокому, плечистому человеку шестьдесят лет!

Посетив в последнее время несколько раз нашу страну, Гаек создал яркие репортажи о новостройках семилетки, о жизни москвичей, ленинградцев, о советском искусстве. Вышла в свет книга о Ленинграде с иллюстрациями Гаека.

Гаек — страстный охотник. Его большой альбом о животном мире Чехословакии был издан на восьми языках.

К. ЧЕРЕВКОВ

Отдай!

В жаркий день.

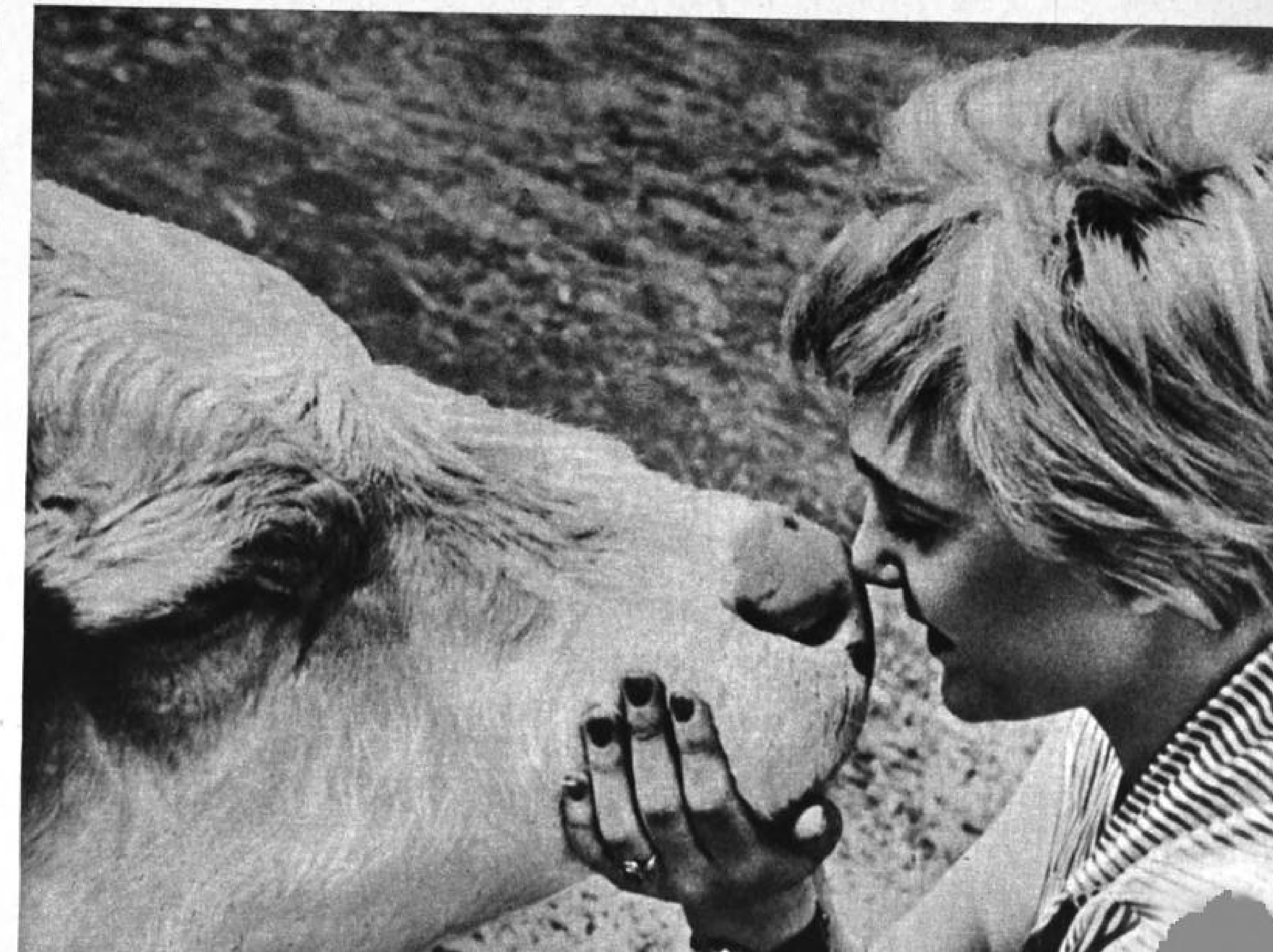
Весна.

Вставай же!

После обеда.

Нелегкая ноша.

На облюбованный сук.



С добрым утром!